

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

ВЕСТНИК

Института гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН

4 (23)

журнал выходит четыре раза в год

НАЛЬЧИК · 2014

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН**

Издается с 1968 г.
ISSN 2306-5826

Выпуск 4 (23), 2014
Выходит 4 раза в год

Главный редактор

д.и.н. Б.Х. Бгажноков

Редакционный совет

Акад. РАН *В.И. Тишков* (*председатель*);
член-корр. РАН *Х.И. Амирханов*; акад. РАН *Н.Н. Казанский*;
акад. РАН *А.Б. Куделин*; член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*;
член-корр. РАН *В.В. Наумкин*; д.и.н. *Ю.А. Петров*; д.и.н. *В.В. Трепавлов*

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *С.А. Арутюнов*;
д.и.н. *М.М. Агларов*; д.ф.н. *Б.Ч. Бижоев*;
д.ф.н. *Ж.М. Гузеев*; д.ф.н. *А.М. Готов*; д.и.н. *К.Ф. Дзамихов*;
к.ф.н. *Д.М. Кумыкова* (*отв. секретарь*); д.и.н. *А.Г. Кажаров*;
д.ф.н. *Х.Т. Тимижев*; д.ф.н. *З.Х. Толгуров*; к.ф.н. *Л.Х. Махиева*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS

BULLETIN

of the Institute for the Humanities Research
of the KBSC of the RAS

4 (23)
the journal comes out four times a year

NALCHIK · 2014

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
OF THE KBSC OF THE RAS**

Published since 1968
ISSN 2306-5826

Issue 4 (23), 2014
Published 4 times a year

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*

E d i t o r i a l c o u n c i l

V.I. Tishkov (*chairman*), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
R.M. Munchayev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; *V.V. Trepavlov*, Doctor of History

E d i t o r i a l b o a r d

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *S.A. Arutyunov*;
Doctor of History *M.M. Aglarov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *Zh.M. Guzeev*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *K.F. Dzamikhov*; Candidate of Philology *D.M. Kumykova* (*exec. secretary*); Doctor of History *A.G. Kazharov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Doctor of Philology *Z.H. Tolgurov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research
of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS
Ph.: 8(8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

© KBIHR RAS, 2014
Editorial board of the journal
«KBIHR RAS Bulletin» (drafter), 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Кузнецов В.А.</i> «Новое» в изучении аланского городища Верхний Джулат	7
<i>Яновский В.С.</i> Эвакуация населения поселка Нижний Баксан летом-осенью 1942 г.	13
<i>Бгъэжънокъуэ Б.Хь.</i> Шэркэс (адыгэ) шуджэгу лIэужьыгъуэхэр	18
<i>Паитова М.М.</i> Черкесский гостинный дом: опыт исследования универсальных и локальных культурно-исторических форм	26
<i>Дзамихов К.Ф.</i> Русско-адыгские связи и крымско-турецкая политика в Северо-Восточном Причерноморье во второй половине XV – первой половине XVI в. в работах А.М. Некрасова	42
<i>Остахов А.А.</i> Черкеска как оружие адыгского воинства для ведения маневренного боя (XVIII–XIX вв.)	57

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Бгажноков Б.Х.</i> О двух подходах в оценке качества жизни (По материалам исследований в Кабардино-Балкарии)	64
<i>Аппаева Ж.М.</i> Техника живописи М.А. Ваннаха на примере картины «Каток в Итколе»	72
<i>Дзамихов Т.К.</i> О политико-правовых основах становления системы национально-территориальных автономий в СССР (На материалах истории народов Северного Кавказа)	77

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Хежсева М.Р.</i> Числовые параметры в языке произведений Т.М. Керашева ...	86
<i>Мурзаканова Ф.Х.</i> Стилистическое использование фразеологических средств в языке газеты «Адыгэ псалъэ»	89

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Хавжокова Л.Б.</i> Художественное осмысление темы Кавказской войны в поэме «Тисовое дерево» Алима Кешокова	94
<i>Малкондуев Х.Х.</i> Карачаево-балкарская народная сказка. Мотивы о Змее и Лисе. Композиция	99
Сведения об авторах	117

CONTENT

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

<i>Kuznetsov V.A.</i> «The new» facts in studying the alan settlement Upper Dzhulat	7
<i>Yanovsky V.S.</i> The evacuation of the population of township Nizhniy Baksan in summer and autumn 1942	13
<i>Bgazhnokov B.H.</i> Circassian fancy riding	18
<i>Pashtova M.M.</i> Circassian guest house: the results of exploring the universal and local cultural and historical versions	26
<i>Dzamihov K.F.</i> Ussian and adygsy connections and crimean and turkish politics in Northern-Eastern Black Sea in the second part of XV – first part of XVI century in the works of A.M. Nekrasov	42
<i>Ostahov A.A.</i> The circassian suit as weapon of adiga's warriorhood for conduct of maneuverable combat (XVIII–XIX cent.)	57

PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Bgazhnokov B.H.</i> About two approaches in an assessment of quality of life (On materials of researches in Kabardino-Balkarien)	64
<i>Appaeva Zh.M.</i> Painting techniques M.A. Vannakh the example of painting «Rink Itkol»	72
<i>Dzamihov T.K.</i> About political and legal basics of becoming of the system of national and territorial autonomies in USSR (By the materials of the history of peoples of the Northern Caucasus)	77

LINGUISTICS

<i>Hezheva M.R.</i> In numerical parameters in the language of works of T.M Kerashev	86
<i>Murzakanova F.H.</i> Stylistic use of phraseological facilities in the language of newspaper kabardian	89

LITERARY CRITICISM

<i>Havzhokova L.B.</i> Artistic understanding of theme of Caucasian War in the Alim Keshokov's poem «Yew tree»	94
<i>Malkonduev H.H.</i> Karachay-balkar folk tale. Motives about Fox and Snake. Composition	99
The authors of this issue	119

УДК 904 (470.6)

В.А. Кузнецов

«НОВОЕ» В ИЗУЧЕНИИ АЛАНСКОГО ГОРОДИЩА ВЕРХНИЙ ДЖУЛАТ

Золотоордынское городище Верхний Джулат, или Татартуп (XIV в.) некоторыми авторами отождествляется с летописным Деяковым – местом казни в 1319 г. князя Михаила Тверского. Во время раскопок этого городища Е.И. Крупновым, О.В. Милорадович и В.А. Кузнецовым в конце 50-х и начале 60-х гг. XX в. на городище (близ Эльхотово Северной Осетии) были открыты остатки подстилающего культурного слоя X–XII вв., вполне обычные для массы таких же аланских городищ Притеречья. Полученный материал весьма скромен и не дает оснований для далеко идущих выводов.

Тем не менее в 2011 г. в журнале «Историко-филологический архив» (Владикавказ) появилась статья Р.Ф. Фидарова, в которой это совершенно неизученное городище объявлено «священным городом аланов», «крупнейшим городским центром Алании», «столицей Алании» и т. д. Эти и подобные сенсационные, беспочвенные построения фантастичны и не имеют научного значения. Место аланского городища Верхний Джулат в истории Северного Кавказа может обозначиться только в результате крупных раскопок этого памятника.

Ключевые слова: Северный Кавказ, раннее Средневековье, Верхний Джулат, Татартуп, Эльхотовские ворота, Змейский катакомбный могильник.

Проблема изучения раннесредневековых аланских городищ Северного Кавказа полна значения – эти крупнейшие археологические памятники почти не затронуты полевыми исследованиями. А.П. Новосельцев не случайно писал: «Из всего круга проблем, связанных с аланской историей, вопрос об аланских городах один из наименее изученных» и приводил сообщение арабского автора первой трети XIII в. Йакута о том, что у алан нет известного большого города¹. Как видим, у Йакута речь о «большом городе» (о том же говорит ал-Мукаддаси: «...в стране аланов нет ни одного известного города»²). Очевидно, что критерием определения города как «большого», «известного» для образованных арабов были такие знаменитые в то время исламские города, как Мекка, Каир, Дамаск, Самарканд, Бухара. На Северном Кавказе таких действительно не было. Но это не значит, что их не было вообще – были крупные городища: Нижний Архыз, Первомайское, Рим-гора, Нижний Джулат, Верхний Джулат, Алхан-кала, «занимающие большие площади при относительно высокой плотности застройки, хорошо укрепленные, стоящие на больших путях и окруженные богатыми могильниками. Безусловно, все они были еще слабо развитыми, но в то же время мы видим в их планировке четко выраженную социальную топографию: цитадель местного феодала, детинец его ближайшего окружения, обширный неукрепленный посад, где жил простой, феодально зависимый люд»³. В последнее время такие городища, возглавляющие «гнезда» – агломерации так называемых «земляных» городищ I тыс. н.э. (например, городища в долинах рек Баксан и Сунжа), археологи стали именовать протогородами⁴. Среди них фигурирует и Верхний Джулат⁵. Посмотрим те критерии, которые дают право считать Верхний Джулат одним из аланских протогородов.

Должен подчеркнуть, что речь будет идти не о золотоордынском городе конца XIII–XV вв. Верхний Джулат, или Татартуп, а об аланском городище, существовавшем в этом же месте в предмонгольский период, вероятно, в X–XII вв., на левом берегу Терека. Местоположение городища до 1981 г. было отмечено одиноким Татартупским минаретом первой половины XIV в., в 1981 г. обваленным узбекским реставраторами.

Интересующий нас вопрос рассматривался мной в монографии об истории Эльхотовских ворот⁶. Указывалось, что «следы этого поселения, перекрытого золотоордынским городом, впервые выявлены О.В. Милорадович в 1958 г.». Сразу подчеркнем, что в эпоху Золотой Орды слой предшествующего позднеаланского времени был сильно перекопан и разрушен новым строительством, «данные о поселении X–XII вв. ограничены»⁷. Каковы эти данные? Они обнаруживались при раскопках золотоордынских объектов. Так, в 1958 г. при вскрытии мусульманской мечети XIV в. О.В. Милорадович выявила материал аланского времени – кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи, обломки серо-черной керамики X–XII вв., железные шлаки, прослойки угля. Это позволило О.В. Милорадович сделать вывод, что аланы, захороненные в Змейском катакомбном могильнике X–XII вв., были жителями Верхнего Джулата и что «тут был крупный аланский центр»⁸. При раскопках в 1959 г. кирпичной церкви было расчищено 20 ям аланского времени и гончарная печь с 7 сквозными отверстиями-продухами, найдены фрагменты керамики, куски турлучной обмазки стен, железные шлаки и т.д., полуземлянка с глиняным полом и открытым круглым в плане очагом, тремя хозяйственными ямами и обломками аланской керамики X–XII вв. Наконец, в 980 м к югу от церкви 1 О.В. Милорадович заложила разведочный раскоп, открывший культурный слой аланского времени, толщиной до 1 м. Это свидетельствует о протяженности аланского городища с севера на юг на расстояние до 1 км, и дало нам основание считать существование крупного аланского городища X–XII вв. на Верхнем Джулате «установленным фактом»⁹. Змейский катакомбный могильник представлялся некрополем аланского населения Верхнего Джулата¹⁰. В частности, я писал о том, что хотя «археологическое исследование далеко не завершено, Верхний Джулат в X–XII вв. мог быть не только крупным населенным пунктом, но возможным политическим центром восточной Алании (или ее части)»¹¹.

По существу, это все, что мы знаем сейчас об аланском периоде в истории Верхнего Джулата, ибо в моих раскопках золотоордынских объектов встречались лишь обломки аланской керамики, шлаки, угли и кости животных – материал рядовой, обычный для раннесредневековых городищ аланского Притеречья. Соображения о принадлежности змейских катакомб обитателям Верхнего Джулата и предположение о статусе его как центра Восточной Алании основывались на выгодном местоположении этого городища в Эльхотовских воротах, на крупном пути через «область Ардоз Кавказских гор» нового списка «Армянской географии» VII в.¹² Свое влияние на формирование таких выводов оказали также два объективных обстоятельства: 1) огромные размеры аланского некрополя у станции Змейской указывают на факт концентрации населения, не свойственный сельскому поселению, но типичному для городского населенного пункта; 2) отождествление раскопанной О.В. Милорадович и опубликованной Е.И. Крупновым церкви 1 с домонгольским слоем Верхнего Джулата, датирование этого здания концом XII в. в связи с зодчеством Киевской Руси¹³ определялись нами как весомый аргумент в пользу городского характера застройки городища.

С тех пор прошло более 50 лет. За это время в археологии Северного Кавказа оказались полученными такие обширные материалы, такие источники, что без корректировки материалы и публикации Северо-Кавказской археологической экспедиции 1950–1960-х гг. не отвечают современному уровню знаний. Так, впечатляющие масштабы Змейского катакомбного могильника (98 катакомб –

раскопки С.С. Куссаевой, 88 – раскопки В.А. Кузнецова, более 500 – Р.Ф. Фидарова) не делают этот объект уникальным: на катакомбном могильнике Зилгинского городища Ф.С. Дзугеевым раскопано более 800 катакомб, а В.Л. Ростуновым зафиксированы около 1200 аланских курганов¹⁴; сходная картина выявлена Т.А. Габуевым. В.Ю. Малашевым у Брутского городища «Каууат»: подкурганые и грунтовые катакомбы, ориентировочно «несколько десятков тысяч»¹⁵. Ясно, что ни о какой случайности здесь речи нет: «Все отмеченные материалы в своей совокупности позволяют полагать, что во 2-й пол. II–IV вв. н.э. аланы создали в Центральном Предкавказье мощное, возможно, протогосударственное объединение с необычайно высокоразвитой культурой, феномен который еще не до конца выяснен исследователями¹⁶. Теперь Змейский катакомбный могильник вполне вписывается в круг таких же больших аланских некрополей, но на более позднем этапе их существования – в X–XII вв. Сами по себе эти факты не дают пока оснований для предположений об особом месте и роли аланского городища Верхний Джулат.

Есть еще один факт, вызывающий сомнения относительно нашей старой версии: Змейский катакомбный могильник – это некрополь Верхнего Джулата. Эти два объекта находятся на расстоянии около 4 км друг от друга. Возникает вопрос – почему? Обычно могильники сопутствуют аланским городищам, и это понятно. В данном случае объяснения феномену нет, тем более потому, что рядом с Змейским могильником существует Змейское поселение, исследовавшееся в 1957 г. В.Б. Ковалевской и признанное одновременным катакомбному могильнику X–XII вв.¹⁷. Не логичнее ли это поселение (раскопано было всего 208 кв.м) связывать в один комплекс с могильником? В случае подтверждения нам придется корректировать уже существующие исторические реконструкции.

О церкви 1. Построения Е.И. Крупнова о ее дате XII вв. и древнерусском происхождении неприемлемы и имеют конъюнктурный характер. В истории это нередкое явление. Академик Б.А. Рыбаков не в меру часто везде находил влияние Руси, М.М. Блиев Кавказскую войну превратил в набеговую систему, В.Б. Виноградов и С.Ц. Умаров объявили о добровольном вхождении Чечни в Российскую империю ... Версия Е.И. Крупнова хорошо вписывалась как в поиск древнерусского влияния на народы Центрального Кавказа, так и в идею вековой дружбы народов СССР. Интересы политики оказались сильнее интересов научной беспристрастности, но версия моего учителя и действительного авторитета в кавказоведении не выдерживает критики. Нет никаких сомнений в том, что церковь 1 полностью вписывается в золотоордынское строительство Верхнего Джулата XIV в., о чем говорит не только стратиграфическое положение фундамента здания в позднеаланском слое, но и тождество строительных материалов («мамайский» квадратный кирпич, черепица, раствор) и строительной техники такой же, как в других постройках Верхнего Джулата XIV в. Церковь 1, исследованная О.В. Милорадович, не имеет отношения к аланскому слою Верхнего Джулата. Он археологическим исследованием только затронут, известные нам материалы очень невелики и не дают оснований для далеко идущих выводов, которые относительно локализации на Верхнем Джулате известного по русским летописям города Дедаков-Тютяков прозвучали в литературе (Бутков П.Г., Лавров Л.И., Скитский Б.В., Крупнов Е.И., Сафаргалиев М.Г.)¹⁸. Наиболее четко высказалась против таких отождествлений Е.Г. Пчелина: «Отождествление Верхнего Джулата – Татартупа с Дедаковым, на мой взгляд, также сомнительно, как и предыдущие гипотезы»¹⁹. Я разделяю эту оценку.

В этой связи следует коснуться недавно опубликованной статьи Р.Ф. Фидарова, содержащей широкие исторические построения и обобщения относительно аланского городища Верхний Джулат²⁰. Автор статьи известен нам как успешный полевой археолог, ведущий уже немало лет раскопки Змейского катакомбного

могильника X–XII вв. и получивший огромный и весьма интересный археологический материал, к сожалению, не изданный. Судя по всему, именно он побудил Р.Ф. Фидарова к публикациям своих идей и реконструкций, нерасчетливо поставив «телегу впереди лошади» – интерпретации автора основаны на неизвестных артефактах и источниках. Говорю об этом потому, что Р.Ф. Фидаров уверенно считает Змейский катакомбный могильник (далее – ЗКМ) «городским некрополем Верхнего Джулата домонгольского времени»²¹. Выше уже говорилось о недосказанности и сомнительности этих предложений, которые воспринимать как истину невозможно. Второй тезис Р.Ф. Фидарова – Верхний Джулат это «крупный городской центр средневековой Алании», возникший «в эпоху централизованной государственности в Алании»²²; один из крупнейших городских центров Алании»²³. На чем основываются эти смелые, далеко идущие утверждения, способные вскружить головы неподготовленных читателей? На основании примитивного каменного жилища из раскопок 1958 г.²⁴ или 20 ям в слое, подстилавшим церковь 1? Давайте признаем, что об аланском городе X–XII вв. на Верхнем Джулате мы (и я в том числе) ничего не знаем; говорить о нем как о крупнейшем городском центре преждевременно впредь до широких раскопок городища.

В подтверждение своих выводов Р.Ф. Фидаров выдвигает теорию об «особом статусе» аланского города в Эльхотовских воротах²⁵. Этот статус обозначен в подзаголовке «священный город аланов». Автор делает очередной смелый вывод, что «аланский город на Верхнем Джулате уже в предмонгольское время являлся крупнейшим сакрально-культовым центром аланской религии, т.е. священным городом аланов»²⁶. Подарив Верхнему Джулату этот до сих пор неизвестный оригинальный статус, Р.Ф. Фидаров делает еще один шаг по крутой лестнице славы и объявляет о возможности считать Верхний Джулат столицей Алании²⁷.

Доказательства его: устойчивая народно-фольклорная традиция осетин о Татартупе²⁸. Только такой статус Верхнего Джулата – Татартупа «как центра особой сакральности», мог преодолеть границы средневековой Алании²⁹. Еще одна интересная цитата: «Очень может быть, что в предмонгольское время Верхний Джулат становится не только религиозным, но и важнейшим общеаланским административным, экономическим, торговым и культурным центром; есть достаточно оснований видеть в Верхнеджулатском городище достойного претендента на звание столицы средневекового Аланского государства»³⁰. Это государство Р.Ф. Фидаров видит единым и монолитным с единой централизованной царской властью, имеющей резиденцию, конечно, в Верхнем Джулате. Соответственно, отрицается моя версия о дуализме политической структуры Алании: Западная Алания в верховья Кубани (дигорская группа), Восточная Алания в верховьях Терека (иронская группа) – с двумя правящими династиями: на западе эксусиократоры, на востоке архонты (византийская титулатура). Полемика по этим вопросам здесь не входит в мои задачи.

Как гласит русская поговорка, каждый кулик хвалит свое болото. Ясно, что постоянно работающему на ЗКМ Р.Ф. Фидарову искренне хотелось подчеркнуть значимость своих раскопок, тем более, что предшествующая историографическая традиция указывала вариант: ЗКМ есть кладбище крупного города, а таковым был Верхний Джулат, а он – летописный Дедаков-Тютяков. После этого следовали «творческие добавления» самого Р.Ф. Фидарова о святости Верхнего Джулата, его особой сакральности, о единой столице Алании и т. д. Вызывает недоумение та легкость, которая характеризует исследовательский «метод» Р.Ф. Фидарова – никакого серьезного исследования, императивно-умозрительные, ничем не аргументированные, но весьма амбициозные построения и выводы, которые нельзя принимать всерьез. Наиболее же удивительным для археолога-профессионала является тот факт, что все вышеперечисленные высокие статусы

Верхнего Джулата Р.Ф. Фидарова держатся на песке и элементарно фантастичны, ибо нет главного – культурный слой аланского городища на Верхнем Джулате почти не изучен, а то, что есть, не дает никаких оснований его выделять как нечто особое, сакральное и столичное. Вызывает тревогу та «легкость в мыслях необыкновенная», непрофессионализм; которые в историографии Северного Кавказа ведут постоянное наступление на фундаментальную науку, завоевывая для себя пространство в общественном сознании целых народов.

У меня нет мысли обвинять в подобных грехах уважаемого Р.Ф. Фидарова. Но в ходе совершенно закономерного, естественного процесса поиска объективной научной истины, когда гипотезы, добросовестные заблуждения и прямые ошибки бывают неизбежны, исследователь не может терять очень важное чувство меры и самоконтроля. «Чтоб в бесконечном путь найти верней, и различать, и сравнивать умей» (Гёте). Как пример научной добросовестности, тщательности и корректности в ходе обсуждаемой здесь проблемы хочу привести полемику между В.И. Марковиным, Х.Д. Ошаевым, с одной стороны³¹, и Х.М. Мамаевым – с другой³². К сожалению, эта дискуссия Р.Ф. Фидарову осталось неизвестной.

«Новации», которых мы коснулись выше при анализе статьи Р.Ф. Фидарова, следует признать не состоявшимися.

Примечания

1. Новосельцев А.П. К истории аланских городов // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969. Т. II. С. 132, 134.
2. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 327.
3. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 227.
4. Ковалевская В.Б., Кузнецов В.А. Памятники эпохи раннего Средневековья (IV–XIII вв.) // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч. 2. С. 152; Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009. С. 8 и др.
5. Там же.
6. Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X–XV вв. Владикавказ, 2003. С. 20–48.
7. Там же. С. 20.
8. Кузнецов В.А., Милорадович О.В. Археологические исследования в Северной Осетии в 1958 г. // Краткие сообщения Института археологии. М., 1961. Вып. 84. С. 112.
9. Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X–XV вв. Владикавказ, 2003. С. 23.
10. Там же. С. 23.
11. Там же. С. 24.
12. Из нового списка географии, приписываемой М. Хоренскому. Перев. К. Патканова // Журнал Министерства народного просвещения. Т. ССХХVI. СПб., 1886. С. 30.
13. Крупнов Е.И. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат // Средневековые памятники Северной Осетии (Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960 гг. Т. II). М., 1963. С. 65.
14. Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч. 2. С. 72.
15. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009. С. 9.
16. Ковалевская В.Б., Кузнецов В.А. Памятники эпохи раннего Средневековья (IV–XIII вв.) // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч. 2. С. 88.
17. Ковалевская В.Б. Змейское средневековое селище // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961. С. 49.
18. Пчелина Е.Г. О местонахождении яского города Дедакова по русским летописям и исторической литературе // Средневековые памятники Северной Осетии (Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960. Т. II). М., 1963. С. 154–155; Кучкин В.А. Где искать яский город Тютяков? // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. XXV. История. С. 183.
19. Пчелина Е.Г. Указ. соч. С. 155.

20. *Фидаров Р.Ф.* Роль Верхнего Джулата в государственной идеологии Алании // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2011. № 7. С. 4–25.
21. Там же. С. 9, 10, 11, 21.
22. Там же. С. 4.
23. Там же. С. 9.
24. *Кузнецов В.А., Милорадович О.В.* Археологические исследования в Северной Осетии в 1958 г. // Краткие сообщения Института археологии. М., 1961. Вып. 84.
25. *Фидаров Р.Ф.* Роль Верхнего Джулата в государственной идеологии Алании // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2011. № 7. С. 11.
26. Там же. С. 13.
27. Там же.
28. *Семенов Л.П.* Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.
29. *Фидаров Р.Ф.* Роль Верхнего Джулата в государственной идеологии Алании // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2011. № 7.
30. Там же.
31. *Марковин В.И., Ошаев Х.Д.* О местоположении ясского города Деякова // Советская археология. М., 1978. № 1. С. 83–95.
32. *Мамаев Х.М.* О городе Деякове и Алхан-калинском городище // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 112–124.

V.A. Kuznetsov

«THE NEW» FACTS IN STUDYING THE ALAN SETTLEMENT UPPER DZHULAT

The Golden Hord settlement Upper Dzhulat or Tatartup (XIV century AD) has been associated by many authors with the mentioned in manuscripts settlement of Dedyakowo – the place where in 1319 the Duke of Twer Michael was executed. During the excavations of this settlement performed by E.I. Krupnov, O.V. Miloradovich and V.A. Kuznetsov in the late fifties – the early sixties of the XX century in the settlement (near Elhotovo in North Osetia) the remnants of the substrate cultural slice of the X–XII centuries AD quite usual for the bulk of the similar Alan settlements situated by the river Terek have been discovered. The material obtained looks rather modest and gives no reasons for far going conclusions.

Nevertheless in 2011 the article by R.F. Fidarov had been published in the magazine «Historical and philological archive», in which this settlement which absolutely hasn't yet been studied has been declared «the holy town of Alans», «the largest city center of Alania», «the capital of Alania» and so on. These and similar sensational and groundless assertions are fantastic and don't have any scientific meaning. The place of Alan settlement Upper Dzhulat in the history of North Caucasus could be denoted as a result of large excavations of this monument only.

Keywords: North Caucasus, Early middle ages, Upper Dzhulat, Tatartup, Elhotovo Gateway, the Zmeyskaya catacomb tomb.

В.С. Яновский

ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПОСЕЛКА НИЖНИЙ БАКСАН ЛЕТОМ–ОСЕНЬЮ 1942 г.

Данная статья посвящена эвакуации населения поселка горняков Нижний Баксан из Баксанского ущелья на Северном Кавказе в Закавказье, а затем и в Сибирь. Эта эвакуация, которая была успешно проведена летом–осенью 1942 г. стала уникальной и беспрецедентной по своей масштабности операцией, организованной для спасения более чем полутора тысяч человек из обреченного на оккупацию гитлеровцами Баксанского ущелья.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, поселок горняков, оккупация, наступление, контрнаступление, горный перевал.

Великая Отечественная война затронула каждую советскую семью, не оставив никого в стороне. И пускай она была не самой длинной войной в истории России, но то, что самой кровопролитной – сомнению не подлежит. Военные события 1941–1945 гг. сопровождались невиданными ранее по своим масштабам эвакуациями учебных заведений, предприятий, целых поселков и городов. И вот одна такая, во многом уникальная, эвакуация, вызванная угрозой гитлеровской оккупации, была осуществлена для спасения жителей высокогорного поселка Нижний Баксан в конце лета и осенью 1942 г.; в этом году исполнилось 70 лет с того времени, как произошло это памятное и даже легендарное событие.

В конце 1930-х гг. близ старого балкарского аула Герхожан (Кирхожан), возле вольфрамово-молибденовых месторождений, возник небольшой поселок, названный Нижним Баксаном. С 1955 г. и по настоящее время он известен как город Тырныауз. В нем поселились инженеры и рабочие, направленные правительством для работы на молибденовом комбинате. Поселок был в первые годы своего существования очень чистым и благоустроенным. Нижний Баксан состоял из одноэтажных и двухэтажных домов, где располагались квартиры со всеми удобствами. Были также в поселке Дом культуры, десятилетняя школа, больница, поликлиника, почта, баня, магазины, детский сад, большая и благоустроенная столовая. При Доме культуры функционировали хоровые, танцевальные, рисования и другие кружки, художественная самодеятельность, кинозал. Электроэнергией поселок снабжался от построенной в 1936 г. БаксанГЭС. Отопление в зданиях обеспечивала поселковая котельная. Население в поселке в то время преобладало русское, но жили также кабардинцы и балкарцы. Поскольку государство окружало особой заботой предприятия, которые были в высшей степени важны для него, в первый год войны, т.е. до лета 1942 г., в поселке сохранялся довоенный быт и ритм жизни. Вызванные военным временем изменения в жизни коснулись только тех семей, из которых кто-либо был призван на фронт. Все, что было построено в поселке перед самой войной – исправно функционировало почти до осени 1942 г.¹

Ситуация изменилась летом 1942 г., когда 25 июля началось стремительное наступление гитлеровцев на территорию Северного Кавказа. Жители Нижнего Баксана стали получать по радио тревожные вести о том, что оставлены Ростов, Сальск, Краснодар, Ставрополь. Угроза оккупации Баксанского ущелья становилась все более реальной. Но надо заметить, что эта ситуация не застала врасплох

органы НКВД, которые задолго до июля 1942 г. стали готовиться к возможной эвакуации поселка. Жилищное и прочее строительство в Нижнем Баксане было остановлено. Заключение, силами которых велось это строительство, – вывезены. А еще в конце июня – начале июля группа альпинистов и помогавших им учащихся 10 класса поселковой школы ушли в горы прокладывать маршрут для эвакуации в Грузию. Для этих целей был выбран перевал Бечо, который при своей высоте в 3367 м, был гораздо проще для преодоления, чем большинство других перевалов Главного Кавказского хребта, но в то же время не был столь открытым для возможных налетов гитлеровской авиации, как самый низкий и простой перевал Донгуз-Орунбаши².

В поселке уже тогда начались разговоры о возможной эвакуации, и все надеялись, что эвакуироваться не придется, а угроза оккупации минует ущелье. Особенно беспокоились и боялись эвакуации молодые женщины с грудными или просто маленькими детьми, а также пожилые люди. Следует отметить, что детей ясельного и дошкольного возраста в поселке насчитывалось более 230 человек³. Имели место среди населения поселка и коллаборационистские настроения. Некоторые сотрудники комбината («из бывших») в доверительном кругу близких знакомых и друзей говорили, что эвакуироваться вовсе не нужно, что коммунисты уйдут, придут немцы, и в Нижнем Баксане начнется новая «прекрасная» жизнь⁴.

Так или иначе, в конце июля стало понятно, что эвакуация неизбежна – гитлеровцы подошли слишком близко, и медлить было уже нельзя. По поселку пошли слухи о том, что будет взорвана БаксанГЭС, чтобы не оставлять ее врагу. Согласно воспоминаниям участницы эвакуации, Л.Ф. Яновской, официально начало эвакуации объявили 7 августа. Впрочем, многие документальные данные говорят о том, что эвакуация началась 11 (если верить наградному листу альпиниста Г. Одноблудова, подписанному полковником Курашвили – 10 августа)⁵. Из поселка выступила первая партия жителей не только Нижнего Баксана, но и поселка Былым, а также легко раненные бойцы Красной Армии из госпиталей Кавминвод. Каждая очередная группа эвакуировавшихся, ежедневно отправлявшаяся в путь, состояла из 60–100 человек⁶. Транспорт, снабжение продовольствием, маршрут, инструктаж по технике безопасности были самым тщательным образом проработаны и подготовлены. Инструктаж проводился заранее, а затем уже те, кому предстояло эвакуироваться, забрав деньги, документы и теплую одежду, собирались в условленном месте, откуда грузовиками их увозили в аул Тегенекли. Там для участников эвакуации предусматривалась ночевка в здании школы. А уже на следующее утро эвакуировавшиеся продолжали путь в сторону перевала пешком (из-за отсутствия проезжей дороги в ущелье Юсеньги). В лагере, называемом «Северная Палатка» (у начала подъема непосредственно к перевалу), многие задерживались на несколько дней. Причина заключалась в том, что всех сразу через перевал переводить было нельзя. Людей разместили в больших армейских палатках. Снабжение сухим пайком осуществлялось ежедневно. Также один раз в день в большом котле варился суп с бараниной для участников эвакуации⁷. В распоряжении военных находилась значительная часть колхозного скота, переданная им жителями сел. В частности, несколько тысяч голов колхозного скота сел. Заюково было передано командиру 392-й стрелковой дивизии 37-й армии полковнику Г.И. Купарадзе в районе сел Лашкута и Былым. При этом руководители колхоза М. Кармоков, Х. Бгажноков, М. Лосанов оформили эту передачу документально, что позволило им после изгнания немцев в полном объеме восстановить колхозное поголовье⁸.

За сутки до выхода в дальнейший путь составлялся список примерно из 30 человек. Людей накануне инструктировали, и проинструктированная группа под утро (еще затемно) в сопровождении альпинистов отправлялась на перевал. В один из дней высоко в небе над лагерем пролетел вражеский

самолет. Говорили, что гитлеровцы на одном из близлежащих перевалов выбросили десант, который был еще в воздухе расстрелян красноармейцами. Переход через перевал выглядел следующим образом. Эвакуировавшиеся загружали вещи на ослов, предоставленных балкарцами-проводниками. Ослы более подходили здесь в качестве выючных животных. С лошадьми, которых использовали для перевозки детей и ручной клади до лагеря, на ледник идти было нельзя. До ледника предстояло проходить по узкой и сложной тропе. И только днем каждая очередная группа достигала его. Сам ледник представлял также немало опасностей. Иногда узкая тропа была буквально зажата между глубокими трещинами в ледяном покрове. У ледникового выступа под названием «Куриная Грудка», группы обычно разделялись. Одна часть эвакуировавшихся маленькими группами по 5 человек в сопровождении 2 альпинистов каждая отправлялась вверх по вырубленным во льду ступеням, держась за трос. Этот маршрут подготавливался и обустроивался альпинистами и помогавшими им добровольцами в течение нескольких дней⁹. Другая часть эвакуировавшихся огибала «Куриную Грудку» и поднималась на перевал по крутому, заснеженному склону. И таким образом все благополучно достигали перевала. На перевале все вещи сгружались с ослов, и балкарцы, получив за провоз ручной клади оплату, отправлялись с ледника обратно к «Северной Палатке» для сопровождения следующей группы на перевал¹⁰.

На перевале очередная группа некоторое время отдыхала и обедала, а затем уже принималось решение о том, как осуществлять спуск. У кого были силы и хотя бы какой-то опыт передвижения по горной местности, спускались самостоятельно к лагерю «Южная Палатка», располагавшемуся с грузинской (южной) стороны. Те, у кого были маленькие дети, нанимали прямо здесь грузинских горцев – сванов для переноски самых маленьких детей вниз. Остальные вынуждены были ждать, пока от «Южной Палатки» приведут ослов. Поэтому женщины, пожилые люди и маленькие дети иногда были вынуждены ночевать на самом перевале¹¹.

Путь до «Южной Палатки» обычно занимал еще целый день. Много времени требовалось на то, чтобы преодолеть сложный и опасный участок ледника с южной стороны от Бечо. Дальше предстояло идти по глинистой тропе до самого лагеря.

Лагерь располагался на поляне, имевшей форму амфитеатра. Рядом находилась воинская часть. Пробыв в лагере около двух дней, участники эвакуации, погрузив кладь на лошадей, предоставленных воинской частью, отправлялись в путь к самому ближайшему населенному пункту – сванскому селу (вероятно, Мазери). Эвакуировавшиеся обычно задерживались в Мазери на несколько дней. Ночевали в здании школы. В обычном режиме осуществлялось снабжение сухим пайком и горячей пищей. Сваны относились к эвакуировавшимся весьма дружелюбно. Желавшие могли приобрести у местных домохозяек творог, молоко, масло, овечий сыр, сметану, яйца. Причем сваны с большим доверием относились к покупателям и с легкостью давали им продукты в долг, показывая, в какой дом перед отъездом нужно будет занести деньги¹².

Из Мазери людей в грузовиках по дороге, выстроенной только в 1936 г., вывозили на равнину – в город Зугдиди. В городе эвакуировавшиеся были размещены в двух школьных зданиях. Одно располагалось в центре города, а другое – на окраине. Зугдиди был как бы основным местом сбора на нелегком маршруте эвакуации. Пока самые последние группы участников перехода через Бечо не прибыли в Зугдиди, эвакуация не продолжилась. Известно, что последняя группа прошла через перевал 2 сентября 1942 г. Примечательно то, что, помимо осуществления эвакуации людей, из Баксанского ущелья удалось вынести 18 тонн молибденового концентрата, который, по имеющимся сведениям, был распределен в количестве 100–500 граммов между

многими участниками эвакуации. Но в основном эту задачу взяли на себя военные. Комбинат в Нижнем Баксане затем был взорван, чтобы его не смогли эксплуатировать гитлеровцы. Готовить комбинат к уничтожению выпало главному инженеру Э.-Д. Ильницкому, который уже в 1943 г. вернулся на Кавказ и восстановил этот же комбинат к весне 1944 г.¹³ Из Баксанского ущелья в Грузию было также перегнано в общей сложности 30 000 голов скота¹⁴. А комсомолец Я. Евплов вынес из Нижнего Баксана и благополучно доставил в Местийское агентство Госбанка в Сванетии комбинатскую кассу¹⁵. То, что грандиозная эвакуация была не напрасной, подтверждается тем упорством, с которым гитлеровцы продвигались к линии Главного Кавказского хребта. Уже 18 августа егеря дивизии «Эдельвейс» появились на склонах Эльбруса. С сентября начались бои Красной Армии с немецкими и румынскими батальонами в Баксанском ущелье, а уже 2 ноября Красная Армия вынуждена была отступить в Закавказье, оставив верховья Баксана гитлеровцам. И только с 1 января 1943 г. началось мощное контрнаступление Красной Армии, выбившее гитлеровцев с Кавказа¹⁶.

В один из дней в начале сентября все участники эвакуации прибыли на вокзал города Зугдиди, куда был подан пассажирский поезд для отправки людей в Баку. Перед посадкой в поезд люди были тщательно проинструктированы, поскольку поезду предстояло ехать переполненным. Вагоны были купейные и плацкартные. В каждом купе разместилось по 8 человек, считая и детей. Т.е. на всех полках, включая третьи (для багажа) и на полу. Вместо проводников были назначены старшие по каждому вагону для контроля за соблюдением порядка и чистоты. Также старшие по вагону следили за тем, чтобы в туалете всегда была вода. Питание выдавалось сухим пайком, но в вагоне-ресторане готовились горячие блюда. Кипяток брали на станциях. Путь предстоял не длинный по расстоянию, но очень долгий. После проверки наличия всех эвакуированных по составленным спискам поезд отправился в Баку. Состав двигался очень медленно, подолгу стоял на полустанках, где набиралась вода, закупалось продовольствие. Самая большая (двухдневная) остановка была в Тбилиси. Но в город никого не выпускали, поскольку он был на военном положении. Здесь два товарных вагона были наполнены продовольствием для дальнейшего следования. В Баку прибыли ночью, причем состав был подан прямо в порт. Около 10 часов утра началась выгрузка людей, которая продлилась до 4 часов пополудни. Ночевали участники эвакуации прямо под открытым небом, расстелив на земле одеяла¹⁷.

В 5 часов утра следующего дня была подана огромная грузовая баржа для следования к пристани Красноводска. Часть людей разместились в трюме, а другая часть – на палубе под открытым небом. Только в 4 часа вечера второго дня пути баржа подошла к пристани Красноводска. Пассажиры баржи сошли на берег, и около полуночи был подан железнодорожный состав. Он был уже не пассажирским, а товарным («телячий вагон»). Но в вагонах были сделаны полки-нары в два яруса для пассажиров.

Этот состав шел не быстрее, чем закавказский. Также делалось много остановок на полустанках, чтобы набирать воду из цистерн. Сухой паек и крупы пассажирам выдавались. Ежедневно делались остановки в степи, и люди торопились разжечь костры и приготовить себе горячую пищу. Города проезжали ночью¹⁸. Приблизительно 20 сентября поезд прибыл в Ташкент. Несколько человек здесь сошли с поезда, так как имели направление в Среднюю Азию. Однако основная часть эвакуированных продолжила долгий путь до Красноярска, а затем уже на пароходе по Енисею – до Норильска. Там все трудоспособные стали работать на никелевом комбинате¹⁹.

Не будет преувеличением сказать, что эвакуация поселка Нижний Баксан стала одной из блестяще проведенных операций времен Великой Отечественной войны. Всего шестеро альпинистов за 23 дня эвакуировали 1300 жителей поселка и еще

несколько сотен человек прибывших сюда в начале войны – семьи политработников, ученых из Ленинграда и группу еврейских детей из Украины²⁰. При этом за все время эвакуации не произошло ни одного несчастного случая. Никто не погиб. Никто не покалечился. Имена героев-альпинистов: Г. Одноблюдова, А. Сидоренко, А. Малеинова, Н. Моренца, Г. Двалишвили, В. Кухтина – заслуженно увековечены и записаны на обелиске, находящемся на перевале Бечо²¹.

В советский период об этой масштабной эвакуации было написано немало статей и очерков. Однако самыми ценными являются те сведения, которые могут дать лишь живые участники описываемых событий. Только с каждым годом их становится все меньше.

Примечания

1. Яновский В. Перевал Спасения (очерк об эвакуации жителей поселка Нижний Баксан в 1942 г.) // <http://temnyjles.narod.ru/Pereval.htm>
2. Симонов Е.Д. Слово об Эльбрусе. М., 1983. С. 119.
3. Симонов Е.Д. Указ. соч. С. 120.
4. Яновский В. Указ. соч.
5. Заиченко Г.Н. Легендарный переход // http://galina-soleil.narod2.ru/metodicheskaya_kopilka/istoriya_i_kultura_kabardino-balkarii/pereval_becho_1942g_tirniauz/; Симонов Е.Д. Указ. раб. С. 126–127.
6. Заиченко Г.Н. Указ. соч.
7. Яновский В. Указ. соч.
8. Бгажноков Х.Г. Самое сокровенное. Нальчик, 1986. С. 51–53.
9. Жилетежев С. Испытание: главы из документального романа // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2009. № 2. С. 17.
10. Яновский В. Указ. соч.
11. Там же.
12. Там же.
13. Толстов В. Эдуард-Доминик, ординарец Котовского. И главный инженер рудника в Норильске // Заполярная правда. 2000. 1 сент. № 132 (12370).
14. Заиченко Г.Н. Указ. соч.
15. Симонов Е.Д. Указ. соч. С. 124–125.
16. Кудинов В.Ф. Эльбрусская летопись. Нальчик, 1976 // http://www.skitalets.ru/books/letopis_elbrus/
17. Яновский В. Указ. соч.
18. Там же.
19. Там же.
20. Симонов Е.Д. Указ. соч. С. 119.
21. Заиченко Г.Н. Указ. соч.

V.S. Yanovsky

THE EVACUATION OF THE POPULATION OF TOWNSHIP NIZHNIY BAKSAN IN SUMMER AND AUTUMN 1942

This article focuses on evacuation of the population of township Nizhniy Baksan from the North Caucasus to Transcaucasia, and then to Siberia. The evacuation, which was successfully carried out in the summer and autumn of 1942, has become a unique and unprecedented operation in its scale, which was organized for the salvation of more than a thousand people from Baksan valley condemned to the occupation by the Nazis.

Keywords: The Great Patriotic War, the evacuation, the township of miners, occupation, offensive, counterattack, mountain pass.

УДК 39 (=352.3)

Бггэжьнокъуэ Б.Хь.

ШЭРКЭС (АДЫГЭ) ШУДЖЭГУ ЛІЭУЖЬЫГЪУЭХЭР

Шэркэс (адыгэ) шууейхэм зэман гуэр къахуэдэхуам, яш ягъасэу, ягъэджэгуу, зэпеуэу шытащ. АпщІондэху езыхэм я Іэпкъыгъэпкъхэри ягъэлажьэрт, шууей Іэмалхэм, зекІуэкІэхэм сыт шыгъуи хуэхъэзыру, хуэшэрыуэу шытын папщІэ. Аращ шуджэгу (джигитовкэ) хъужыр. Адыгэ шуджэгу лІэужьыгъуэу мы тхыгъэм къыщыгъэлъэгъуахэр пщыкІубл мэхъу.

Адыгэ шузэбэнри, адыгэ шыгъажэри апхуэдэу зыр адрейм къышхъэщыкІыу, къыпищэу зэтэгъэпсыхъащ, абыхэм сатепсэлъыхъыну иужькІэ си мурадщ.

Хэзыгъэгъуазэ псалъэхэр: шуджэгу, адыгэш, шузэбэн, шыгъажэ, псагъэеуэ, шууей, шууей цэнхабзэ.

Шуджэгу зэпеуэр зищІысымрэ и мыхъэнэмрэ

«Шым и Іэпкъыгъэпкъыр дахэ-дахэу земыкІуэмэ, хуэмыху мэхъу, – жалэр. ИкІи пэжщ, шуушыр куэдрэ щыбгъэзмэ, умыгъасэ зэпытмэ, ерейм хуэкІуа нэужь, утыку укъринэнкІэ тІэу еплъынукъым. Аращ адыгэлІхэм зэман гуэр къазэрахуэдэхуэу, яш ягъасэу, ягъэджэгуу, зэпеуэу щІышытар. АпщІондэху езыхэм я Іэпкъыгъэпкъхэри ягъэлажьэрт, шууей Іэмалхэм, зекІуэкІэхэм сыт шыгъуи хуэхъэзыру, хуэшэрыуэу шытын папщІэ. Шыр щІагъапхъуэрти зэуэ зыкърагъэгъэкІэрэхъужьэрт, жэрыжэм тету къелъэрти шэсыжэрт, къелэбыхэрти щІым хуагъэтІыла гуэрхэр къаштэжэрт, псагъэ зэмылІэужьыгъуэхэм еуэхэрт. Апхуэдэ щІыкІэкІэ шымрэ шууеймрэ я пІалъэ зрагъэщІэжэрт, я зэфІэкІыри къагъэлъагъуэрт, абы хагъахъуэрт. Ауэрэ, езы тІур зэрыщІэрти, зэщхъэпэжу зауэ гуащІэм хуэхъэзыр, хуэлэзэ хъурт.

ИпэкІэ пщыхэр, уэркъхэр губгъуэм ит мэкъумэшыщІэхэр къахъумэу шу пщыІэу зэхэзмэ е зекІуэ кІуэуэ гъуэгу тетмэ, яш ягъэджэгу зэпытт. Ауэ псом хуэмыдэу шуджэгур убгъуауэ щашІу шытар адыгэ джэгушхуэхэм, тхъэлъэІухэм, илъэс къурІэнаджэхэм, дамыгъэтэдзэхэм дежт. Абы нэмышІкІэ диным ехъэлла махуэшхуэхэм – нэщІ икІыж, къурмэн хуэдэхэм ирырагъэхъэллэрт. Абы щыхъэт тохъуэ, псалъэм папщІэ, «Отечественные записки» журналыр къыдзэыгъэкІыу шыта П.П. Свиныйн. Абы зэритхыжымкІэ, 1825 гъэм бадзэуэгъуэ мазэу Къэбэрдейм Бещто лъапэ хуэзэу шыса ХъэжыкъалэкІэ зэджэ къуажэшхуэм щрагъэкІуэкІащ къурмэн джэгушхуэ, щІалэгъуалэр къыщыфэу, уэрэд шыжаІэу, шууейхэр щызэпеуэу, шыгъажэ ящІу¹. Абы куэдэ кърихъэллат Псыхуабэ кыкІыу зыгъэпсэхуакІуэ къэкІуа урыс гуащэхэр, къулыкъу зыщІэ урыс офицерхэр, пэщтыхъым и лэжыакІуэхэр. ЗэрыхуагъэфашэмкІэ, абы къэкІуауэ шытагъащ Михаил Лермонтоври². Къызэхуэса псоми яфІэтелъыджэт адыгэхэм я фашэ дахэр, я къэфэкІэр, я уэрэд жыІэкІэр. Ауэ псом хуэмыдэу яфІэгъэщІэгъуэну я нэр тедияуэ зэплъыр шуджэгу зэпеуэрт. Сыт щхъэкІэ жыпІэмэ, адыгэхэм я деж фІэкІа апхуэдэу шыр зыгъэІурыщІэ, абы лъагэу зезыгъэлэрт, джэгум и курыкупсэм изыгъэуэф нэгъуэщІ зыщІыпІи щыплъагъунутэкъым. Иджыри къыздэсым дунейм теткъым адыгэм хуэдэу къафэр, уэрэдыр, шуджэгу зэпеуэр дахэу, зэкІужу зэпызыщІэфа.

Уеблэмэ, шууей зэпеуэ зыхэмыт джэгур джэгум хамыбжэххэу шытащ. Зы гуфІэгъуэшхуи къанэртэкъым ахэр къызэхуэмысу. Ауэ нэхъыбэу шууейхэр куэдэ, шуджэгу зэпеуэхэм хуэхъэзыру къыщрихъэллэу шытар нысашэ джэгу, хъэгъуэллыгъуэ, къурмэн джэгу, къантешэ хуэдэхэращ. Гуп къэскІэ нэхъыж

ялэурэ зэгъэпэшауэ къафлэурти, джэгу тхьэмэдэм и унафэкIэ, къэфаклэуэхэм я щIыбагы къыдэуэрт. Езыхэм уалуплэамэ, зауэм Iут шуудзэ фIэкIа пщIэнтэкъым: адыгэ фашэ дахэр ящыгт, къамэм къыщыщIэдзауэ клэрахьуэмрэ фочымрэ щихуыжу, Iэщэ япщIыхэлт, яшхэр Iэпслэпс дахэкIэ гъэщIэрэщIат. Шы натIэхэм сокум хэхуэнауэ нэтемыгъахуэ дыуэхэр къеблэблэхуи плыагъунут. Я бжыгэкIэ ущIэупщIэмэ, щэм къыщымынэу, минхэм щынэс цыIэт.

Абы зиш зыгъэджэгун къахэкIынтэкъэ? Куэдэу къахэкIырт, жылэр ягъатхьэрт. Шууейхэм лъэкI къагъанэртэкъым: щхьэж сыт хуэдэ джэгукIэм нэхъ хуэлэзэми, игъэлъагъуэфт. Ахэр (езы джэгукIэхэрщ жыхуэсIэр) лэужыгыгуэ зыбжанэ хьурт. Сэ си щхьэкIэ, зэбэн-зэпеуэри, шыгъажэри хэзгъэкIри лэужыгыгуэ пщыкIуз къэзбжри къытездзауэ цытащ 1991 гъэм фокIадэ мазэм къыдэкIа «ЩIэнгъуазэ» (Адыгэ энциклопедие) газетым³. ИужькIэ шу зэбэн-зэпеуэми, шыгъажэми, шымрэ шууеймрэ ехьэлIа нэгъуэщI Iуэхугъуэхэми а газет дьдэм къыкIэлъыкIуэ номерхэм мащIэу сыщытепсэлъыхьащ. Иджы мурад сщIащ зэ сыхэплэжжу а псори къызэщIэскъуэжыну щIэныгъэ-къэхутакIуэ хьисэным тету.

Псом япэрауэ, сэ къызолъытэр адыгэм къыщIэна шууей зэпеуэхэр шыуэ дгуэшым нэхьыфIу: *шуджэгу*, *шүзэбэн*, *шыгъажэ* жиIэу. Шуджэгур нэхьыбэу зыхуэхьар джигитовка жыхуалэращ. Апхуэдэм деж шууейхэм гъуэрыгъуэрэ езымрэ я шымрэ я зэфIэкIыр цыхум я пашхьэм къралъхьэр, щагъэлъагъуэ. Зэпеуэ щхьэкIэ, шуджэгу щашIкIэ шууейхэр зэран зэхуэхьуркъым, зэпэщIэувэркъым, зэжъэхуэркъым. Шүзэбэн лэужыгыгуэхэр нэгъуэщIуэ гъэпсаш. Шууейхэр зэпеуэ къудейм къыщымынэу зэпэщIоувэр, зофыщIауэр, зозауэр, зыр адрейм хуимыкIуэту, зым адрейр хигъэщIэну, лъэныкъуэ иригъэзыну яужь иту. Шыгъажэр а тIум яку дэтщ: шууейхэр гъуэрыгъуэ лъэпкъ хэмыту зэгъусэу зэдоль, зэдожьэр, псэемыблэжжу зэпоуэри япэ къэсым текIуэныгъэр ират. АрщхьэкIэ шүзэбэным ещхьу, зэран зэхуэхьуркъым, зэхуэхьунуи хуиткъым.

Адыгэ шуджэгу зэпеуэр тэмэму къыбгъурыIуэн щхьэкIэ, а щыми щхьэхуэу, укъуэдияуэ, хуэфашэ гулъытэ хуэпщIу утэпсэлъыхьын хуейщ. Иджыпсту, фи пашхьэ иль «Вестник» къыдэкIыгъуэм сэ сызытепсэлъыхьынур шуджэгукIэ сызэджэращ. КъыкIэлъыкIуэ къыдэкIыгъуэхэм си мурадщ ещхьыркъабзэу шүзэбэнымрэ шыгъажэмрэ сатетхьыхьну.

Шуджэгу

I. ЩIакIуэлъэ. ЩIакIуэр ягъэджэрэзырт, и клэпитIыр яубыдырти, зы метр-метррэ ныкъуэрэ хуэдизкIэ ялэтырти щIалитIым ялыгъыу увырт. «Ыхьы, иджы хьуащ» – жалэрти, абы елъэну зыфIэфI шууейхэр, зи къару къыгъэгугъэхэр, къэувырти зыр адрейм яужь иту елъэхэрт. Емылъэфу икIуэтыжи цыIэт. «Нэхъ лъагъу фIэтыт, моуэ шым и жьэгъум къэсу», –жалэу ирагъэлэту щIэпхьуэрэ елъэри нэхьыбэжт. Жылэр, ини-цыкIуи, абы еплъырт, лъэныкъуитIымкIи еувэкIауэ.

ЛъагапIэ елъэнкIэ яхузэфIэкIыр зрагъэщIэну нэгъуэщI Iэмал гуэрхэри къагъэсэбэпырт. ПсалъэмпашIэ, бжъэдыгъухэм, фызышэ шухэркъыщыдыхьэкIэ, къуажэ щIэлэжхэр уэрамым и деж шапэщIэувэрти, бжэгъукIэ ягъащтэрт. Абы хэту хьэуазэ мафIэшхуи ящIырти, абы емылъауэ зыши блогъэкIыртэкъым. Апхуэдэ IэмалкIэ шыр мафIэм щымыщтэу, къызэтемыувыIэу кIуэцIрыкIыу ягъасэрт.

Шууейхэр мафIэм фIэкIыу куэбжэм нэса нэужь, пхьэрыгъажэр Iулъу е гъэбыдэпауэ ирихьэлIэрти, абыхэми елъэн хуей хьурт. Пхьэрыгъажэм (е куэбжэм), нэгъуэщI мыхьуми, зыш емылъауэ, нысэр зэрыс фитоныр (тешанкIэр) пщIантIэм дагъэхьэнутэкъым. Мыхьужыхьхэмэ, шыбгъэкIэ Iуаудырт.

Фызышэм деж имызакъуэу, хьэгъуэлIыгъуэм е нэгъуэщI джэгу лэужыгыгуэхэм къекIуэлIа шухэри пщIантэм хуиту къыщыдамыгъыхьэ къыхэкIырт. Куэбжэр ягъэ-быдэрти, жалэрт: «Хэтми зыгуэр фыкълэ, фыкъемылъауэ фыдэдгъэхьэнукукъым».

ЗэрыжалэжымкIэ, зэгъуэрым щIакIуэлъэкIэ икъукIэ Iэзэу шапсыгъ щIалитI – Хьэгъур Исхьэкърэ Лъэпщыкъуэ Исуфрэ – бжъэдыгъухэм джэгу ялэти,

еклүэлхэц. Аршхэклэ куэбжэшхуэр кыхуагъбыдаш: «Флэклэ, фыкелъэ, флэмыклэ, фыклуэж» – жари, гушылу. Ауэ цыхум, жылэм яфлэтелъджэу, тлүри зэклэлъхъужу елъаш. Джэгур зи джэгум шууей хахуитлым лэпслэпс зэгъэпэца зырыз кыхушлхаш. «Лыгъэ зэрызефхэм папшлэ фызот», – жери. Ауэ модрейхэм: «Мылъку цхэклэ дыкелъакъым», – жалэри лхын ядакъым⁴. Апхуэдэ жэуапри адыгэ лыгъэм цыщт.

Араш иджыри кыздэсым Хьэгур Исхэкърэ Лэпшыкыуэ Исуфрэ я цлэр цыхум ягу кынэжауэ ящымыгъушцэу шлызэлэпахыр. Лыгъэ зезыхьэр хагъэгъуэцэнклэ лэмал илэтэкъым ипэклэ: зыгуэрклэ уакыхэжаныклэм, асыхьэтым цлэрылуэ ухьурт, уи пшлэм зилэтырт.

2. Шыкелъэ. Дэтхэнэ зы адыгэ шууейри жэрыжэклэ клуэ шым келъэрти шэсыжырт: шым зыкыридзыхырт, уанэ кыуапэр лэ ижымыклэ, шым и жалыр лэ сэмэгумклэ илыгыу уанэгум итлэхьэжырти, маклуэ-мэлъей, ежэжырт.

Апхуэдэхэр нэхъ хьэлэмэтыж зышлэну хушлэкъу куэди кыхэклырт. Бжэдыгъу кыуажэ Аскэлай цыщ Чысаби Нэнау мыпхуэдэу ишлэу цытауэ зи нэгү шлэлахэм жалэж: шым тесу шлэпхуэрти, шым и бгъумклэ мыхуу, и клэмклэ зыкыридзыхырт. Шыклэр илыгыу тлэклүрэ жэрт, итланэ и лъэ кыззэрихьклэ зидзырт, лъэрти, аслээн флэклэ умышлэну, уанэгум итлэхьэжырт. «Чысаби Нэнау и шы келъэклэр» жалэу ар цыхухэм кыхуэнауэ цыташ. Езы Нэнау Граждан зауэм хэклуэдаш⁵.

Шыкелъэр, дауиклэ, нэгүзегъужь кудейтэкъым. Ар адыгэ зауэлхэм кыагъэсэбэп лэмалхэм ящыщ зыт. Зауэм здыхэтым, шым келъэурэ шэсыжыну кыащыхуихуэ шылэт. Псалъэм папшлэ, шым зыкырадзыхырти бийм и шым кьамэ клуэцлахуэрт. Инджылыз тхаклуэ Эд. Спенсер цыхьэт тохуэ, адыгэ зауэлхэм апхуэдэ лэмалыр кыагъэсэбэпу зэрышытам. Бийм пэгъуэнэгъу зэрыхуэхуу, апхуэдэу келъэхэрти, абы (бийм) и шым и бгъэм кьамэр халурти, асыхьэтуи езым я шым шэсыжхэрт⁶. Мыдрейуэ кьамэклэ зэпыджа шыр зэрыджалэу, тесыр кьехуэхынтэкъэ, кьехуэхырт: ауэ шыхуаклэ, ухуеймэ фочклэ еуэ, ухуеймэ сэшхуэклэ упшлэтэ, хьэуэ жыплэрэ, гъэр шлэ – гугъу удехьыжынутэкъым.

3. Шулэбых. Абасэ кьащтэ. Дыжын сом, апэсы е, псалъэм папшлэ, бэлътоку, пылэ хуэдэхэр шлым ягъэтллыбхырт. Кумб цыклу кьатлу, абы бэлътоку ираубгъуэу ахьшэр шралъхыи шылэт. Шухэр зыр зым клэлъыклуэу, чэзууэ шлэпхуэрти кыхуэштэр кьащтэрт. Уанэкыуапэр е шы сокур лэ сэмэгумклэ яубыдырт, шым зрагъэлэлэхырти, лэ ижымыклэ кьащтэм, цыхум хуадзурэ ириклуэхэрт.

Джылахьстэнейхэм шулэбых шалклэ, апэсыр ямыгъэтллыу шлым хатлэрт, и зэхуэдитыр кыхэплъу. Фызышэр кышчыклуэжклэ, апэсы зыбжанэ хухатлэрти, ар кьамыштауэ ягъаклуэртэкъым, клуэнуи хуиттэкъым. Сытми, мо шу гупыр абы игъэгувэрт, апшлэндэху мыдрей кыуажэдэхэр нысашлэм, яфлэгъэщлэгъуэну, яфлэтелъджэу епллырт.

Шулэбыхымклэ лэзэ дыдэу цытахэм я цлэхэр иджыри кыздэсым жалэр ди нэхыжхэм. Псалъэм папшлэ, Шахэклэишхуэ (Большой Кичмай) жыхуалэ кыушхьэдэс шапсыгъ кыуажэм цыщ Хьушт Ахьмэд и цлэр куэдрэ иралуэу зэхэсхаш сэ. Зэрыжалэмклэ, абы мыпхуэдэхэри ишлырт: «Ахьшэр сеныч пхуантэм тефлэхьэ», – жилэрти, сеныч пхуантэ зэфлэтым тралъхьа клэплейклипшлыр трипхуэтыкырти, пхуантэр имыгъэсысыххуэ ежэжырт (Хьушт Ахьмэд хэкур ибгынэри Францым шыллэжаш)⁷.

Ахьмэд нэхэри нэхъ лэзэт, – жалэр пэжмэ, – мыдэклэ Астемырей цыщ Техэж Хьэжумар. «Зэклэлъхъужу хэфтлэ», – жилэт, метрэ зытлуш флэкла ямызэхуакуу хригъатлэрти, зы кьэмынэу кыипхуатэурэ и жып ирилъхьэжырт. Ар зэфлэкла нэужь: «Хэфтлэт иджыри», – жилэрт, шым кьепсыхырти мо шлым хэтла апэсыхэр зригъэзыхуэрэ, напшлэклэ кыиштэрт⁸.

Клэшт Пэлпытлэ жари Къуэшырыкыуей лы абрагъуэшхуэ дэсаш. Ари хуабжыу хуэлэзэт, жалэрт, шулэбыхым. Ахьшэ, бэлътоку, пылэ сыт кыишта нэужь: «Зэ фымыпшлэ, – жилэрти шыр ирихужэрт, зыкыригъэлэлэхырти и лэфраклэр аршыну тридзэурэ шлыр кыипшурэ ириклуэрт⁹.

Иджыри зы шапхъэ гъэщIэгъуэн къэсхьынуш. Краснодар пэмыжыжъуэ шыс шапсыгъ къуажэ БанэхэскIэ зэджэм дэсаш Жадэ Башир жари лIы ахьырзэман гуэр. Абы гырэ хьэлъэшхуитI зыр зым кIэлъыкIуэу иригъэгъувырти шыр иутIыпщырт, еIэбыхт, тIури къиштгэрти, Iэтауэ Iэ зырызым фIэлъу ихьырт. «Жадэ Башир мыгъуэр дэнэ къипхыжын», – жари нобэр къыздэсым шапсыгъэм абы и цIэр фIыкIэ къраIуэр¹⁰.

4. Шудэч. Шыудэчъ. Шаку дэж. Джэгум къекIуэлIахэм тIузращIыкIырт. Язэхуакум метрэрэ ныкьуэрэ хуэдиз нэхъ дэмылъу, я гупэр зэхуэгъзауэ кIыхьу иувыкIырти «гъуэгу» ящIырт. Гъуэгур метр шэщI-шэныкьуэхэм нэсырт; цIыху къекIуэлIам елытат.

Иджы, а гъуэгум сиш дэзгъэкIыныш жызыIэу хьуар къэувырт. ЩIэпхьуэным ипэ къихуэу, шым къепсыхьырти шэсыжырт, а щIыкIэмкIэ и шыфэлIыфэр жылэм дахэ-дахуэ яригъэлъагъурт, и шы къепсыхьыкIэмрэ шы шэсыкIэмрэ яригъэцIыхурт. Псалъэм папщIэ, абдей мыхьэнэшхуэ хуащIу шытащ, лIым и Iэцэ-фащэр зыхуэдэм, ар и Iэпкълъэпкъым зэрилъым, и къамышы IыгъыкIэм, шышэскIэ, и цейкIэр зэрыщIиупщIэм, н.къ.

Сытми, лIыр шэсырт, шыр щIигъапхьуэрти, и лъэ зэрихькIэ, зэ дигъэжырт. Дэжа нэужь, нэр темпыIэу шыр къигъэувылэрт, лъакъуиплIымкIи щIым тету. ИтIанэ зыкыгъэкIэрахьуэрт, ещхьыркъабзэу къигъэзэжырти гупым яхьхьэжырт.

Шыр цIыхум шыштэмэ, езы шууейм и цей кIапэр къыщIэкIрэ жьым зэрихуэмэ, и къамышыр зэщIимыкьуэу иупщIэмэ, ар хуэмышум хабжэрт. Зэ дэклауэ зыкышцигъэкIэрэхьуэжкIэ, и шыр кIэбдзкIэ увамэ: «Ари дэгъуэкъым», – жалэрт.

Сытми, апхуэдэ лъэпкъ къыхамыкIуэ дэтхэнэ зыри зэрыдэкIыным хушIэкъурт. Ар къызэхьулэм и цIэр жылэм ягъэлурт. Щытхьу къахьын папщIэ шууей зырызхэм, зи къарум къигъэгугъэхэм мыпхуэдэуи ящI хабзэт: япэу шыдэжкIэ, лъэс гупым хьыджэбз дахэ гуэр къыхапхьуэтыкIырти уанэгум ирагъэтIысхьэрт. КъышагъэзэжкIэ, шым хуэм зрагъэщIырти, хьыджэбзыр здэщыта дыдэм хуэзэу хуэсакъыу ирагъэувэхьыжырт. Апхуэдэм хуабжьу хуэлэкIуэлъагъуэ, жалэр, Банэхэс къуажэм шыщ Жадэ Башир, ищхьэкIэ зи гугъу тщIа лIы бэлыхьырт.

«Шудэч» джэгү-зэпеуэр Къэбэрдей лъэныкьуэмкIэ шылащ, жалэу сэ зейкI срихьэлIакъым. Нэхьыбэу ушрихьэлIэр бжъэдыгъухэм, шапсыгъхэм я дежщ. Ауэ кIахэ лъэныкьуэмкIэ нэгъуэщI жылагъуэхэми ящIу шытащ, апхуэдэ дыдэу шымытами. Псалъэм папщIэ, абзэххэм, кIэмыргуейхэм, Лабэдэс къэбэрдей хьэжрэт къуажэхэм «шукIуэцIрыху», «шукIуэцIрыкI», шаку дэж жари ящIырт¹¹. Шудэчымы къызэрыкIэрыху щIагъуэ шылэтэкъым ар.

Псоми зэрыжалэмкIэ, шудэчымы хуэлэзэ шууейхэм апхуэдэ Iэмалыр зауэм къышагъэсэбпырт. Шынэу щIэпхьуэж хуэдэу защIырти бийр утыку ирашэрт, нэр темпыIэу къэувылэхэрт, зыкъагъазэрти къэмыувылэжыфу щIихьауэ къыкIэлэлыжэ пхьэрыр кърагъэпсыхьырт. Аращ, апхуэдэ Iэмалщ «кIапсэрышэкIэ», «шу кIапсэрышэкIэ» зэджэр.

KIэщIу жыпIэмэ, джэгум хэтү шудэч зыщIхэм, япэрауэ, зауэм зыхуагъэхьэзы-рырт, етIуанэрауэ, зэрыхуэхьэзырыр, я зэфIэкIыр здынэсыр къагъэлъагъуэрт, абы фIыщIэ, щIыхь кърахьырт.

5. Шу кIапсэрышэ. Шудэчыр, шэч хэмылъу, шу кIапсэрышэм къытепщIыкIащ. Дэ зэрытщIэмкIэ, шу кIапсэрышэ жыхуалэр адыгэ шуудзэхэм куэдрэ къагъэсэбэпу шыта Iэмалхэм ящыщ зыщ: шур щIэпхьуэрти пхьэрхэр кIыхьу, зыр адрейм кIэлъыкIуэу хишт. ИтIанэ зэплъэкIт: «Хьуащ, иджы!» – жиIэрти, уащхьуэдэмыщхьуэу зыкыгъазэрти мо пхьэр бэлэрыгъахэр и сэшхуэмкIэ иупщIатэрт.

Ещхьыркъабзэу, гупышхуэ щыхьукIэ, зэуэ зыкъагъэкIэрахьуэрт, къаухьуреихьти зэтраукIэрт. НэгъуэщIу жыпIэмэ, бийр къэбгъапцIэу утыку ипшэн папщIэ, уи щхьэр хьуымыгъэкIуадэу, узэуэкIрэ зыгуэрхэр хэбукIыкIыурэ къыздэпшэн хуейт. Арат адыгэм я хабзар. ЩIэпхьуэж хуэдэу защIырт, бийр ягъэбэлэрыгъырти, адэкIэ-мыдэкIэ зэуэ къыкьуэкIт, зыкъызэдыкьуахьыжырти яхэуэрт. Урыс генерал И.Ф. Бларамберг мызэ-мытIэу и нэгү щIэкIат, апхуэдэ Iэмалыр адыгэхэм къагъэсэбэпу. Ауэ сытми жилакъым абы: «Шэркэсхэм (адыгэхэм), парфянхэм ещхьу, бийр къагъапцIэу утыку ирашэну яужь итщ. Дэ дызылут зауэм наIуэ ищIащ, «Адыгэ зауэлIхэр

щлопхуэжыр», жыплэу утегушхуэ зэрымышхунур, иклуэт щхэкIэ, «Датеклуаш», – жыплэу уахэлъэдэнкIэ Iэмал иIэкъым»¹².

А кыбжытIахэм кыагэлъагъуэ шудэкI шащIкIэ, псынщIэ кыудейуэ мыхуу, шабэу, шыр кIэбдзкIэ имыгъуэу адыгэлIым кыигъэзэн хуейуэ щIалъытэр: апхуэдэу фIэкIа, пхэрыр кыпхуэгъэпцIэнутэкъым. КыагапцIэт, ягъэбэлэрыгъырти зырызыххэу, зэкъуэхуауэ зэтраукIэрт. Пхэрыр гушхуауэ, лъэщыхъэным, теклуэным шэч кыщытримыхъэж дакыкъэм адыгэ шууейр зэуэ кызэтеувыIэрт, бийм зыкыхуигъазэрти зэшзэпIэр кыыхуигъакIуэрт.

Шыр псынщIэу икIи шабэу кыэбгъэкIэрэхуэфу ушытын хуейт нэгъуэщI зэуэкIэ лIэужыгъуэ гуэрхэм дежи. Псалъэм папщIэкIэ, а зэфIэкIыр пхэлъыныр иккIэ сэбэпышхуэт, бийм ебутIыпща шэр абы темыхуэу, ауэ езым фоч узэдэр кыптриубыдауэ къэсамэ. Урыс офицер, барон Ф. Торнау щыхъэт зэрытехуэмкIэ, апхуэдэм деж адыгэхэм сэшхуэр кырапхуэту бийм жьэхэлъэдэныр нэхъ къаштэрт. Ауэ фочыр кытраубыдауэ ялъэгъуамэ, пцIэншэу зыхамыгъэкIуэдэн папщIэ, псынщIэу зыкыагъазэрти щIэпхуэрт, я фочыр яузэдыжырти кызэуэкIыурэ пхэрым кыахуэрт. А щIыкIэмкIэ пэмылгъэщмэ, зэуэ шыр кыагъуэуыIэрт, бийм хуэгъэзауэ иувыкIт, трагъапсэрти еуэрт.

6. ШыныбэгъуэцIэпщ. Шыр здэжэм лIым зыкыригъэлэлэхт, шыныбэгъуэ щIагъым щIэпшырти уанэгум кыитIысхъэжыр. ИщэкIэ зи гугъу тщIа Къуэшрыкыуей (Кенжэ) щыщ КIэшт ПIэпIытIэ апхуэдэхэм хуабжыу хуэлэкIуэлъагъуэу щытауэ жаIэж. Къуэшырыкыуей лIыжхэм зэрыжаIэжымкIэ, шыныбэгум ар щIэпшу куэдрэ ялъагъуу щыташ.

Къушхъэ шапсыгъхэм ящыщ, илгъэсищэм нэсыху псэуа Алалэ Мус (1897 гъ.кы.) и щIалэгъуэм апхуэдэхэр гугъуехъышхуэ димышэчу ищIу щыташ, жаIэр. Мус Iэгъуей (Куйбышевкэ) жыхуалэ шапсыгъ кыуажэм дэсащ, Туапсэ пэмыжыжбэу. Езым жиIэжыну и щхъэ тримыльхъэ щхэкIэ, абы нэхърэ нэхъ шууей Iэзэрэ нэхъ лIы хахуэрэ хэкум исакъым. Иджыри къэс зи гугъу тщIа шу джэгъу зэпеуэ лIэужыгъуэхэм нэмыщI, абы нэгъуэщI Iэмал гъэщIэгъуэнхэри игъэлъагъуэрт. Апхуэдэхэщ *шыкъэукI нэпцIымрэ шузэфIэт фочауэмрэ*.

7. ШыкъэукI нэпцI. ЗэрыжаIэжымкIэ, Мус шым зыкыригъэхуэхырти зигъэджалэрт. ЖылэмыгъэщIагъуэу, асыхъэтымишми зыкыигъэмэхт, кыаукIа фIэкIа умыщIэнуи гъуэлъырт. Дунейм теттэкъым, жаIэр, ар кызэрыпхуэгъэгъэджыжын, езы Мус унафэ хуимыщIауэ¹³.

Хэт дежкIи гурылуэгъуэщ, бийм ушыпэщIэткIэ апхуэдэ Iэмалым ар кырибгъэпцIэну, ирибгъэбэлэрыгъыну уасэ зэримыIэр. Шы кыэукI нэпцIым хуэлэзэ адыгэ шууейхэм зауэшхуэм и курыкупсэм апхуэдэу зыкытрагъахуэрти, бийр трагъэплъэкъукIырт, зэуэ кызэщIэувэжхэрти яхуэрт.

8. ШузэфIэт фочауэ. ГуфIэгъуэшхуэхэм хэту Алалэ Мус *шузэфIэт фочауэкIэ* узэджэ хъун Iэмал игъэлъагъуэрт. Жэрыжэм тету уанэгум лъакъуитIкIэ иувэрти, зэфIэту и фочыр фочыльэм кырихырти игъауэрт. Абы адэкIэ уанэ кыуапитIыр IэкIэ иубыдырти и лъакъуитIыр Iэтауэ шыр кыигъажэрт.

9. Цыхуехъэжэ. Цыхуехъэжэ джэгум кыщыхуу куэдрэ урихъэлэрт. Шууей-хэр яш ягъэджэгъуу, псагъэ еуэу щызэпеуэкIэ, абы щыщ гуэр гугу зэхэт хыджэбзхэм бгъэдэлъадэрт, пщашэм я нэхъ дахэр кыхипхуэтыкIырт, уанэгум иригъэтIысхъэрти жылэр къаплъэу ихъ, ирихъэжэ хуэдэу зищIт. Аращ цыхуехъэжэ хъужыр.

Мыри, зэрыгурылуэгъуэщи, зауэлIхэм, зекIуэлIхэм я Iэмалхэм я Iэмэпсымэхэм ящыщ зыт. ЗекIуэ кIуэхэм кыаугъуейм я нэхъ лъаплэ дыдэу ябжырт, кIэсу щIалэ цIыкIу, хыджэбз цIыкIу е хыджэбз зи шэгъуэ кыахыныр. Аращ «кIэсу кыахыащ» жыхуалэр. Апхуэдэхэр е пщылI ящIырт, е ящэрти унагъуэу ягъэтIысыжырт. КIэс кыахыныр апхуэдизкIэ адыгэм я гъащIэм хыхъати, кыуажэхъ нэгъунэ кыыхуагупсысащ: «Них, пхищ, кIэ закъуэ, лъакъуий», – жари.

ЗэрыжаIэжымкIэ ещхыркыабзэу зауэм здыхэтми гъэр кыахуэ щыташ. Бийр кыэпыжыым хуэдэу шыплIэм дадзэрти щIэпхуэрт. Пхэрым кыIэщIэкIа нэужь, гъэр хуам и Iэр япхырти, кIэсу кыахыт.

Ипэклэ кыхэдгэщаш шудэклым хэт хыджэбзыр кыхапхуэтыклрэ «яху», кыгэзэжрэздэщытам дежкырагэуэвэхыжу зэрыщытар. Цыхуепхэжэу пхэрым укылэщлэклын щхэклэ, абы сыт шыгэуи ухуэхэзыру зыхуэбгэсэн хуейт. Абы кыхэхэклэ, адыгэ шууейхэм зы джэгуи блогэклыртэкым, цыхуехэжэ ямышлэ. Абы нэмышлэ, пхэрым фочклэ (шабзэшклэ) кыхэуэ зэпыту зэрылэщлэклыфри ягэлыагуэрт. Урыс тхаклуэ А. Махвич-Мацкевич адыгэ нысашэм ирагэблэгэуэ илэгэуауэ щытащ, цыхуехэжэ зэрашлэ щытам и зы лэужыгыгуэ. Абы зэрыжилэжымклэ, кыафэр зэпагэурти жылэр пшлантлэм кыдэклт, шыгэжэ, псагэеуэ яшлыну. Жэрыжэм тету псагэм еуэрт. Нэх зыхуэзфлэхэм, зи кыару кыгэгугэжэм гупу зыхэт хыджэбзхэм гунэгэу зыхуашлэ, ягу ирихыр кыхапхуэтыклырти уанэгум ису яхырт. Яху гыуэгу здытетым, псагэм еуэрт. Хыджэбзыр кытрахыжыну шууейхэм щыщ ебгэрыкыуамэ, шлэпхуэрти кызэлэбэклэуэ пхэрым фочклэ кыхэуэрт¹⁴.

10. Псагэеуэ. Адыгэхэм псагэеуэм гулытэшхуэ хуашлырт. Арагэнш: «Дунейм тету кышлэклынкым адыгэхэм хуэдэу фочауэ, шабзауэ лэзэ», – жалэу шлэныгэлл куэд абы шлытетхыхари. Ар кыпхужалэн щхэклэ, зэпымыуэ зыбгэсэн хуейт: шэрыуэр езыр-езыру кыалхуркым. Араш адыгэхэм псагэеуэ лэужыгыгуэ куэд кыгэзэбэпу шлыщытари. Абы щыщу псом нэхрэ нэх мыхэнэ илэу кыалытэрт шыр жэрыжэм тету псагэ гэнэхуа гуэрым утехуэныр.

Псагэр пхэм кыхэшлыклауэ лыагуэ ялэтырти, шууейхэр эклэлхэужыу шлэжурэ еуэрт. Псагэм блэжрэ зыкыргэзэкыжу ар кезудыхи кыхэклырт. Дж. Белл 1837 гэм натхуаджхэм я деж шилэгэуауэ етхыж, адыгэхэр а шлыклэм тету псагэм шабзэшклэ зэреуэу щыта шлыклэр. Шыр шлагыапхуэрти, – жи, – псагэм кызырыфлэку, зыкырагэзэклт, трагыапсэрти еуэрт¹⁵. Апхуэдэу шлашлэ щытар гурылуэгыуэщ: шууейхэр зауэм щыхэтклэ, куэдрэ кыхуихуэрт бийхэр, пхэрхэр я шлыб дэту кыаклуэу, кыаклыны мурад ялэу кыаклэлыжэу. Апхуэдэхэр лэкуэлэтыкыуэ уеуэу кызыребгэпсыхыным зыкыомрэ зыхуумыгасэу хынутэкым. Шуджэгухэм деж шууейхэм псагэеуэ лэужыгыгуэу хуам, зэпеуэрэ а луэхугуэм зыщыхуагысэрт икли я зэфлэклэр кышлагэлыагуэрт. Апшлондэху абы еплэхэри теурт.

Шэч хэлкыым мы псагэеуэ лэужыгыгуэр зи гугэу тшлэ шу клэпсэрышэм хэту кыгэзэбэпу зэрыщытам. Абы шыгэуэми, клэпсэрышэу бийр езышэжым гупсэхуу и лэжэр абы кытригэпсэнэ лэмал щимыгэуэтклэ, апхуэдэу зызыгэсэм и мурадыр кыехуэлэрт: кызыуэклырти пхэрыр хыгашлэрт.

Бийр кызырыбгэпшлэн лэмалхэм щыщ Хыан-джэрий «кебек» (кыэбак) жыхуилэ псагэеуэ лэужыгыгуэри. Апхуэдэм и деж псагэм нэмыс шлыклэ, шууейм шым зыкыргэжэхуэ нэпшлэ зишлырт; шым и ижырабгымклэ елэлэхуэ шабзэшэр иутыпшырти пхэбгым кыхэшлыкла псагэм (кыэбакым) еуэрт, зэгуиудырти кыргэжэхуэрт. Ар зэгуэбудыным нэх пшлэ илэт, сыт щхэклэ жыплэмэ абы, шууейр зэрымыуэщхым нэмышлэ, кыаруушхуэ зэрыхэлэри кыгэлыагуэрт. Дауи, апхуэдэ зэфлэклэ зилэр зырызыххэт. Ауэ шуджэгур нэх гугэу яшлыхуклэ, адыгэхэм нэх кыаштэрт, зауэм ушылутклэ утыншыжыныш, ухушлэгыужынкым жыхуалэу.

11. Лэпхуалэпылыгэ. Адыгейм, бжэдыгэухэм я деж шызэхэсаш, ипэклэ Лэпхуалээр (бжэдыгэухэм «хыкыусталы» жалэр) мастэм палээрэ, абы фочауэ лэзэхэр еуэу щытауэ. Зэрыжалэмклэ, япэ шлыклэ мастэр зыхыхэн пхэ шабэ гуэр кыгэжэзырырт. Мастэр абы халурт, Лэпхуалээр палэжырти, арат псагэ хыужыр. Итланэ шууейхэр зыр адрейм клэлыкыуэу еуэхэрт.

Лэпхуалэпылыэр псысэ кыудейуэ щыткыым. Джэддыхыэблэ шыпсэу Джэримокыуэ Тыркубий кызыжилэжыгуэу щытащ, абыхэм я кыуажэ апхуэдэ псагэеуэкыклэ хуабжыу лэзэу зылл гуэр дэсауэ, Хыутыж Ухыаб жары. «Сэ сошлэж, – жи Тыркубий, – а лыр. Сэ балигэ сыщыхуам, Ухыаб лыжы дыдэт. Лэпхуалэпылыгэм еуэу сэ езыр слэгэжыакым, ауэ ар зылыгэуа ди кыуажэ лыжыхэм (Хыут Исхыэкэ сымэ) жалэжу зэхэсаш. Ухыаб и зэманыгуэм а лыжыхэр шлалэшлэу Джэддыхыэблэ дэсаш»¹⁶.

12. Мастэпыльгэ. Гэпхуалгэпыльгэм сигу кыггэкыжащ Гүэрыуатэм кыыхэщыж зы псаггэеуэ лгэужыггуи. Абы зэреджэр мастэпыльгэщ.

Хыбар, псысэхуэдэхэмуашрохэллэр: «Хыаныжымыипхумжыр мастэ хупилгати, жылэм дэс шууейхэр кыызэхуэсат», – жиГу. Мастэр, сэ кызырызгурыуамклэ, лгэгэу пхэ дыкыуакыуэ гуэрым паллэрти, Гуданэ ирашГэрт. Шууейхэр шГэжурэ абы еуэрт. Зэуэр, мастэр мыхуу, Гуданэрат, сыт шхэкГэ жыпГэмэ Гуданэр зэпыбуду мастэ кыехуэхыр шым узэрытесу шГакГуэ клапэкГэ кыгупхуэртэн хуейт. Ар зыхуэзфГэкым дышэ пут е езы хыаныжымыипху тхэлГухудыр иратырт, желэр хыбарым.

Хыбарыр, дауи, хыбар кыудейш. Ауэ ижэ зэманхэм адыгэхэм апхуэдэ псаггэеуэ лгэужыггуи ялаггэнкГи хыунуш, ямылами, хыбарым апхуэдэхэр кызызырыхэщыр гэгэшГэгэуэнш.

13. Сэихуэдзэуэ. Кыармыхэблэ шыш Бетуггэн Данил шыхэзт зэрытехуэмклэ, и шГалэггуэу шышыта зэманым шууейхэр нэчанэ еуэнумэ, сажних (зы сажнэр метритГрэ сэнтиметрэ пшыкГушрэ мэху) хуэдиз и жыжыагыу сэшхуэр хатГэрт, и дээр фочауэхэм дежклэ кыггэзауэ. Шууейхэр кыэувырти зэкГэлгэхэужуэ шГэпхуэрт, псаггэеуапГэм зэрынэсу, фочыр траггэапсэрти сэшхуэм и дзэм еуэхэрт. Шэр и дзэм зэрытехуэу, сэшхуэр заншГуэ джалэрт. Зыггэджэлам текГуэныггэр иратырт. ИкыуГэ нэ жан уилэн хуейт сэшхуэдзэм утехуэн папшГэ¹⁷.

14. ДжэдыкГэуэ. Фызышэ шухэм нысэр кыашэу кышшыдыхэкГэ, кыуажэбгум, уэрамхэм деж, джэдыкГэ шыпагыэтГылырт. Шууейхэр абы кыфГэкГыну хуитгэкым, фочкГэ еуээрэ ямыкыутауэ. Кыызтеувылэхэрт, зэбгуэрыту кыэувхэрти чэзууэ шГэпхуэхуэрэ еуэрт, зы кыэмынэу якыутэху. Араш пасэрейм «Зы джэдыкГэ зымыкыутэф фызышэ здашэркыым» шГыжалар.

Сэ кызызырысшыхуэмклэ, джэдыкГэр псаггэ яшГыныр пышГаш ГутГыж (пасхэ) жыхуилэ тхэлгэГум. Адыгэхэр чыристан диным щитам, мартымрэ апрелымрэ ирихэлГуэ махуэ плышГкГэ лы, кхуей хуэдэхэр ямышхуу шыташ. ИужкГэ «ГутГыж» жари джэгущхуэ, ефэ-ешхэшхуэ яшГыжырт.

ДжэдыкГэуэр абы кышежыауэ е зыгуэркГэ пышГашэу шГыхуэзггэфащэр мыраш: ГутГыж джэгум иужэ дыдэ кыхуэу псаггэеуэ яшГыжырт; псаггэ папшГуэ джэдыкГэ яггэувырти, шууейхэр зыр адреим иужэ иту бггэдэлгэдэрти фочкГэ еуэрт. ТекГуэм кыурмэн яшГашэ былымхэм я фэхэм шыш иратырт. Сыджыкыуэ кыалэ (иджырей Новороссийск) пэмыжыжыу адыгэхэм апхуэдэ нэчанэ яшГашэу еуэу илгэггуауэ етхыж инджылыз тхакГуэ Эдвард Спенсер¹⁸.

15. ДжэдыкГэкыутэ. Мыр Кыэбэрдей лгэныкыуэмклэ джэдыкГэуэм хэту яшГу шыташ. ДжэдыкГэуэр зэфГэкГашэ нэужэ, шы лгакыуэмклэ якыутэн хуейуэ шГым зэфГэту джэдыкГэ зы-Гуш шууейхэм кыыхутраггэуэвэрт. Ахэр зыр зым клэлгыкГуэу ежээрт, лгэху-лгэушуи, шы лгакыуэмклэ джэдыкГэхэр якыутэрт.

Хуимыггэзэфу е джэдыкГэм и быдагыым пэмылгэшу (джэдыкГэр зэфГэту пкыутэну гуггуш, атГэ) зымыкыутэфи кыыхэкГырт. ДжэдыкГитГэ зэуэ зэ ежэггуэм зыкыутэфар Гээ дыдэу кыалгытэрт. Сэ зэрысшГэмклэ, джэдыкГэкыутэр 1930 ггэхэми Дыгулыбггэуей, Тыжгэй, Кыссейхэблэ, Мысостей дэсхэм яшГу шыташ.

16. ПыГэуэ. ДжэдыкГэуэмрэ джэдыкГэкыутэмрэ кыпыту яшГ хабзэт. Пылэр шГым яггэтГылырт. Здэжэм шухэм дохгутейм фочыр кырахырт, еуэрти яуггэуэнырт. Мыпхуэдэуи зышГ кыахэкГырт: фочыр зэрыпшГыхэлгэу шГэпхуэрт, елэбыхт, пылэр кыишГэрти лгэгэу дридзейрт; дридзейр кыемыхуэхыж шГыкГэ фочыр дохгутейм кырихырт, «ггуэгу тет» пылэм триггэапсэрти еуэрт, пхриудырти шГым нимыггэсу кыиубыдыжырт. ИпэкГэ апхуэдэхэр зыхуэзфГэкГэ куэд Кыэбэрдейм дилауэ жалэж. Дэтхэнэ зы кыуажэми абы шыхэзт техуэ нэхыжыфГэхэм ушрихэлГуэ шыташ.

17. Шыггэуджэ (шыкыэггэафэ). Хыггэуэлгыггуэхэм деж пшГантГэкум шыр кышаггэафэу шыташ. Пшынауэхэм шыггэуджэ жари кыафэ дахэ пшынэм кыраггэкГырт. Макыамэм декГуу шым и лгакыуэхэр зэблидзырт, и шхэмрэ и пкыымрэ дишГу. Апхуэдэу шу зыжанэ зэпеуэрти, текГуэныггэр кызыыхар яггэлгэпГэрт: хыдждэбз кыызэхуэсахэм абы иратырт дышэ идэкГэ гэгэшГэрэшГашэу бэлгэтоку, хыумпГырэ (кГэрахуалгэ), шГопш.

ТегъэцIапIэхэр

1. *Свиньин П.* Письмо издателя Отечественных записок к редактору «Отечественные записки». 1825. Ч. 23. С. 242–245.
2. *Андреев-Кривич С.А.* Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. Нальчик, 1949. С. 74.
3. *Бгъэжънокъуэ Б.* Шыр лIым и гъуджэц (етIуанэ Iыхьэ) // *ЩIэнгуазэ*, 1990, июл. Н. 4–5.
4. Сэргъуш Ибрахым Индрис и къуэ, 1902 гъ. къ. Афыпсып, Адыгей.
5. Анцкъу Нухъ Хьэджьыбэч и къуэ, 1902 гъ. къ. Лъостэнхьэблэ, Адыгей.
6. *Spenser Ed.* Travels in Circassia, Krim, Tartari. London, 1837. Vol. 2. P. 259.
7. Ныбэ Уэсмэн Нажэ и къуэ, 1897 гъ.къ., Шахэпэ, Къущхьэ шапсыгъ (Краснодарский край).
8. Ныбэжъ Хьэбалэ Мэжид и къуэ, 1911 гъ.къ. Инэрыкъуей, Къэбэрдей.
9. Тау Токъан Хьэтэкъушыкъуэ и къуэ, 1896 гъ.къ. Къуэшырыкъуей, Къэбэрдей.
10. Ачмыз Мухьэрбий Бирам и къуэ, 1914 гъ.къ. Банэхэс, Адыгей. Жьадэ Мурат КIыщмыдэ и къуэ, 1910 гъ.къ. Банэхэс, Адыгей.
11. Къущхьэ Али Шолэху и къуэ, 1904 гъ.къ. Хуэдз, Адыгей.
12. *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое и военное описание Кавказа // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 403.
13. ЩауэтIэху Сули Ахьмэд и къуэ, 1900 гъ.къ. Iэгусей, (Куйбышевка), Къущхьэ шапсыгъ (Краснодарский край).
14. *Махвич-Мацкевич А.* Абадзехи // Народная беседа. 1864. № 3. С. 21.
15. Джэrimокъуэ Тыркубий ХуцIыкIу и къуэ, 1914 гъ.къ. Джэджьыхьэблэ, Адыгей.
16. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии. Т.1. Перевод с англ. К.А. Мальбахова. Нальчик, 2007. С. 299.
17. Зытхыжар Ехътэныдж Хьэсэнц.
18. *Spenser Ed.* Op. cit. P. 397; *Тебу де Мариньи.* Путешествие в Черкесию // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 397.

Б.Х. Бгажноков

ЧЕРКЕССКАЯ ДЖИГИТОВКА

Традиционно при каждом удобном случае черкесские наездники в яркой зрелищно-игровой, агональной форме отработывали, совершенствовали навыки верховой езды, всаднические упражнения и приемы. В составе черкесской джигитовки мы насчитали и описали семнадцать наиболее распространенных приемов.

Продолжением джигитовки являются такие разделы наезднического искусства, как скачки и всадническая борьба. Им будут посвящены наши последующие публикации.

Ключевые слова: джигитовка, кабардинская лошадь, всадник, всадническая борьба, скачки, стрельба в цель, всаднический этикет.

В.Н. Bgazhnokov

CIRCASSIAN FANCY RIDING

Traditionally at each opportunity the Circassian equestrians in a bright spectacular and game, agonalny form worked, improved skills of riding, exercises and receptions. As a part of the Circassian fancy riding we counted and described seventeen most widespread receptions. Continuation of a fancy riding are such sections of a riding art as jumps and rider fight . Our subsequent publications will be devoted to them.

Keywords: the fancy riding, the kabardian horse, the rider, riderfight, jumps, hit in the purpose, rider etiquette.

М.М. Паштова

**ЧЕРКЕССКИЙ ГОСТИНЫЙ ДОМ:
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ
И ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМ**

Статья посвящена исследованию исторических и современных локальных форм функционирования черкесского гостинного дома (кунацкой). Впервые обращается внимание на прагматико-семиотический аспект функционирования стереотипных устных рассказов о хачешах (кунацких), на сакральный статус происходящих здесь ритуальных действ. Показаны формы сохранности института в одной из локальных традиций черкесской диаспоры, трансформация его социальных функций в современных условиях. Прилагаются полевые фотоматериалы автора: интерьеры гостинных домов, выполненные в традиционном стиле.

Ключевые слова: гостинный дом, хачеш, кунацкая, черкесы, адыги, фольклор, диаспора, Узун-Яйла.

Гостинный дом – *хъэщ/эщ* (в русской транслитерации – *хачеш* (от *хъэщ/э* / *хъак/э* – ‘гость’ и *-щ* – ‘место’, ‘помещение’)) – отдельное строение на традиционном адыгском подворье. Как известно из этнографической литературы и описаний посещавших Кавказ путешественников¹, гостинный дом является важным полифункциональным явлением традиционной черкесской культуры. В общественном сознании эта институция представляется в первую очередь как мужской клуб², высокостатусная коммуникативная площадка, способствующая поддержанию норм морально-правового кодекса *Адыгэ Хабзэ*, трансмиссии важнейших социокультурных навыков и компетенций.

Автор XIX в. С. Хан-Гирей пишет: «Гостинные дома черкесами называются *хатчеш* (жилище гостя); слово же *кунацкая* есть татарское, но русские на Кавказе нередко употребляют это название, полагая, что оно черкесское»³. Именитые семьи часто содержали по две кунацких – малую и большую. Вторая предназначалась для гостей, приезжавших большой группой. Двери хачеша всегда были открыты, в нем находились предметы первой необходимости и другие атрибуты, предназначенные для обслуживания, развлечения гостей. Другой автор XIX в. А.-Г. Кешев пишет: «Каждый дворянин или отпущенник считает первым долгом выстроить перед своей саклей приют для гостей. И эти приюты играют очень важную роль. В них сосредоточивается общественная жизнь черкеса. Кунацкая для черкеса то же, что кофейни, клубы, трактиры в Европе, с той огромной разницей, что в кунацкую даром входит всякий желающий. В ней черкесы едят, пьют, веселятся за счет хозяина; обсуждают свои дела и набирают новостей в таком количестве, что их не уместишь даже на столбцах любой газеты»⁴.

В настоящей работе мы впервые хотели бы выделить прагматико-семиотический аспект функционирования стереотипных устных текстов о хачеше, обратить внимание на сакральный статус происходящих здесь ритуальных и ритуализованных действ, формы сохранности института в локальных традициях и трансформацию его социальных функций в современных условиях. Предметом исследования являются стереотипные устные тексты – хабары, мемораты, паремии, диалоги, отражающие динамику изменения исследуемых явлений мужской аристократической культуры. Материал исследования – полевые записи автора, собранные в ходе фольклорно-этнографических экспедиций в черкесской

диаспоре (2009, 2011, 2014 гг.), архивные материалы наших коллег, а также опубликованные ранее фольклорные и литературные (XIX в.) источники, дающие возможность сравнения: а) исторических и современных форм, б) «общеадыгского знания» и локально-культурных представлений о функционировании гостинных домов у черкесов.

Лексика и фразеология института хачеш наиболее полно сохранилась в локальных культурных традициях (далее – ЛКТ) черкесской диаспоры. На материале⁵ одной из них – Узун-Яйла (Кайсери, Турция) – мы попытаемся выявить отдельные культурно-языковые элементы и соотнести их с «универсальными» традициями, бытовавшими на исторической территории, в т.ч. зафиксированными в исторических документах. Можно думать, что именно в Узун-Яйле фиксируется наиболее динамичная дискурсивная практика, связанная с историческими и современными формами функционирования хачешей.

Так, по сей день в названной ЛКТ употребительны выражения: *хъэцIэц хабзэ* – ‘хачешевый обычай, этикет’; *хъэцIэц зэхэс* – «сидение-говорение» в хачеше (старших мужчин); *хъэцIэц уэришэр* – игровое ритуализованное общение в хачеше (в т.ч. молодежные и стариковские игровые ухаживания); *хъэцIэц унафэ* – ‘решение, принимаемое в хачеше’; *хъэцIэц фадафэ* (махъсымафэ) – ритуализованные застольные песнопения в хачеше; *хъэцIэц нысаишэ егъажьэ* (хъуэхъу) – ритуал отправления свадебного поезда и приуроченная хачешевая молитва; *хъэцIэц арпэ* – ‘[запас] ячменя для [лошади] гостя’.

Общепотребительны для всех черкесов фразеологемы типа: *зи хъэцIэцыбжэр зэIуха* – ‘[семья, человек] чьи хачешевые двери всегда открыты’; *хъэцIэцыбжэр зэхуэцIыжын* – ‘закрыть насовсем двери [своего] хачеша’ (иносказательное обозначение биологической или социальной смерти главы семьи); *кIэгъуасэмыцI* – негостеприимный, малолюдный, букв. ‘пепла не образующий [очаг, хачеш]’; *хъэцIэц сэлам / хъакIэц сэлам* – ‘хачешевое приветствие’ и др. Все черкесы атрибутируют данный термин суффиксальным эпитетом -жъ/-жъ со значением ‘старый’, ‘бывалый’, ‘священный’: *хъэцIэцыжъ*; иногда, в зависимости от контекста, – с отрицательным оттенком значения: *хъэцIэц нэцIыжъ* – ‘старый пустой (большой, холодный) хачеш’. Символика «пустоты» в дискурсивной практике хачеша реализуется также в стереотипном узун-яйлинском выражении «*НэцIрэ цIыIэу фыцIыдгъэсас*» – «Голодными [букв. ‘пустыми’] и в холоде вас продержали» (т.е. «мы не успели угостить вас должным образом»).

Экономический аспект функционирования гостинного дома содержит три важных элемента, каждый из которых вербализуется через стереотипные устно-речевые тексты:

- неприкосновенный запас продуктов для угощения гостя и тех, кто наносит ему визиты вежливости (универсальная «общеадыгская» паремия *ХъэцIэ къэкIуэнуц жыIи гъэтIыль, куэдрэ цылыащ жыпIэу умышхыж* – ‘«Для гостя», сказав, отложи, «долго лежало», сказав, не съедай’);
- неприкосновенный запас фуража для лошадей (*хъэцIэц арпэ* – ‘ячень [для лошади] гостя’);
- запас топлива для освещения и обогрева помещения, приготовления гостевого угощения⁶.

В любой черкесской ЛКТ по сей день сохраняется память об известных в свое время на всю округу гостеприимных фамильных хачешах. Выбор останавливался на гостинных преимущественно родовитых и состоятельных семейств, однако важную, решающую роль часто играла готовность всех членов семьи (от ее главы до юношей и девушек) на протяжении длительного времени обеспечивать прибывающих в хачеш – как «дальних» так и «ближних»⁷ гостей – всем, чего требует закон гостеприимства, т.е. оправдывать ожидаемые от них социальные функции.

Официальное признание места как социально значимого (священного) для всей округи локуса символически сопоставляет хачеш с сакральными природно-

ландшафтными объектами (*тхьэлъэIулэ*)⁸. Так, в числе широко известных (до 1960–70-х гг.) во всей Узун-Яйле называют хачеши, принадлежавшие фамилиям Коший, Дыгеш, Тох, Сасик, Чермит, Яган и др.

За отдельными общепризнанными хачеши, наряду с их высокостатусностью, закреплялась слава «удачных» – для отправления в путь военного отряда, свадебного поезда, зачина какого-либо важного предприятия: «Кунацкая наша стала любимым сборищем всех, кто с винтовкой на плече садился на коня, – не из одного нашего аула, а из целого околотка. Так правилом и сделалось, чтобы каждая партия непременно выезжала с нашего двора; иначе, думали, и удачи не будет»⁹.

Таким образом, в каждом селении (шире – местности) происходило официальное закрепление за некоторыми гостинными домами статуса одновременно социально-коммуникативной площадки и сакрального локуса:

*Къуажэм хьэцIэц дэтым и бжыгъэмIэ – къуажэ лъэц, къуажэфI... Уэркъ къару, мылкъу дэлъуэ къалъытэрт... Зыцыхъужхэрт. – 'По количеству хачешей <судили>, сильное ли, хорошее ли село... Считалось, что в таком селе есть дворянская сила, имущественность... Хвалились этим'*¹⁰.

Своего рода «материализацией» статуса конкретного хачеша являлись многочисленные метки на дверях и косяке гостиной: побывавший здесь гость вырезал на память свою фамильную тамгу (знак).

В первые годы расселения черкесов на новых местах в диаспоре функционирование хачешей было ориентировано на создание устойчивых вертикальных и горизонтальных связей, поддержание старых, сложившихся еще на исторической территории¹¹.

Статус принимаемых в гостинных домах решений был довольно высок – от фамильных до общенародных. Так, значимые для судеб всей Узун-Яйлы решения (например, в 1960-е гг. о фиксированной сумме *уасэ* – калыма) принимались в хачеших крупных черкесских селений Атажукино, Куденетово, Газей (Пинарбаши). Эти собрания обозначаются в меморатах не иначе, как терминами *Хасэ* (общенародный совет, парламент) и *жылэ унафэ* ('всенародное решение').

В сообщениях информантов исследуемой ЛКТ гостинный дом упоминается как место, в котором происходило отправление обрядов жизненного цикла: заключение брака, снаряжение свадебного поезда, лечение больного или раненого (чапш¹²), отпевание усопшего. А также ритуализованное «сидение-говорение» *зэхэс* и *уэриэр* (употребительны также «универсальные» термины *уэриэракIуэ*, *цысакIуэ*, *лъагъунлъагъу* и др., которые соотнесены не только с хачешем, но и с другими локусами усадьбы). Как рассказывает один из старейших информантов Узун-Яйлы, в первый год переселения, когда зиму семьи селения Мударей вынуждены были провести в землянках, хачеш его предков был не просто местом собраний, но какое-то время исполнял и функции молитвенного дома¹³.

В диаспоре и на этнической территории в зависимости от характера ритуальных действий роль **жреца** (*тхьэмадэ* / *тхьамат*) могут исполнять: *нэхъыжэ* (старший), *нысашэ тхьэмадэ* (распорядитель в свадебном поезде), *джэгу хьэтэ*, *джэгу хьэтым*¹⁴ (старший на чапшевом игрище) или *ефэнды* (эфенди или другой служитель мусульманского культа). Функции жреца в хачешевом пространстве заключаются прежде всего в произнесении главных застольных хохов-молитв, разделывании головы жертвенного барана (*цхьэлъэныкъуэжъутэ*), регуляции функций других участников ритуала (гостей, шагарытов¹⁵), а также исполнителей песенных партий (очередность вступления *къыхэзыдзэ* – запевалы, *жъыу пацэ* – первого подголоска, *жъыу Iлацэ* – второго подголоска – регулировались еле заметным движением указательного пальца старшего или наиболее компетентного из присутствующих).

Атрибутика и инвентарь хачеша¹⁶ условно делятся на предметы *военно-бытовые* (оружие, снаряжение), *ритуальные и игровые* (жезлы – *баш*, музыкальные

инструменты, кости и шашки – *кIэн, нхъэкIэн / сантIраш*), хозяйственно-бытовые (деревянные и глиняные приспособления для сидения (лежания), циновки (*пIуаблэ / арджэн*; использовались в т.ч. и для ритуальных целей), постельные принадлежности, столики для еды – *хъакIэ Iан* (гостевой столик), *зэкъо Iан / лЫжъ Iан* (персональный или «стариковский» столик), трости-подпорки, палочки для обслуживающих застолье и присутствующих в качестве слушателей молодых людей – *шъхъэгъэрыт баи, бгыкъужъый* и пр.).

Оружие и предметы снаряжения, висящие на стенах, подчеркивают доминирование, первичность мужского, воинского духа в пространстве хачеша. Здесь же, по некоторым сообщениям, происходило ритуальное оплакивание женой доспехов мужа и их раздача.

Совершение мини-ритуала – передачи оружия гостя в руки хозяина – происходило непременно перед *хъэщIэщ сэлам / хъакIэщ сэлам* – хачешевым приветствием¹⁷, что, естественно, символизирует добрые намерения, открытость, невраждебность прибывшего по отношению к хозяину и присутствующим. Единственным оружием, остававшимся в распоряжении гостя, был кинжал, который с пояса не снимался.

Встретившиеся случайно кровники не могли выказывать в хачеше вражду или неприятие. Это правило подчеркивает редкий случай его нарушения, зафиксированный в истории: «Сам факт отмщения (даже за отца!) в собственной кунацкой, с точки зрения адыгэ хабзэ (адыгского этикета), не мог смягчить тяжесть преступления Адел-Гирея против законов гостеприимства. Нарушая законы гостеприимства и принципы княжеской чести, Адел-Гирей не мог не знать, что он переходит всякие мыслимые и немыслимые границы, позволяя унести голову Аслан-Гирея в Прочный Окоп. На такой шаг Адел-Гирей мог пойти скорее всего под сильнейшим давлением, и, судя по обстоятельствам, одним из тех, кто мог оказать такой нажим, был генерал Засс»¹⁸.

Многие из хачешевых предметов функционируют в качестве инструментов метакоммуникации. Например, коновязь, которая, несмотря на то, что находится вне хачешего пространства (во дворе, у ворот, у порога), безусловно, является высокосемiotичным атрибутом, актуализирующим социальные иерархии: уздечка привязывается к одному из колышков коновязи в соответствии с местом, занимаемым хозяином лошади в прибывшей группе гостей (оппозиция «выше/ниже») ¹⁹. Аналогично на специальных колышках в помещении гостинного дома развешивалось снаряжение и оружие.

Внутри хачеша *плеть*, сама по себе являющаяся символом власти, дополнительно использовалась в качестве инструмента метакоммуникации. Если плеть вешается гостем так, что рукоять (*щIопщыкъу*) обращена вовнутрь помещения, а нашлапка (*щIопщ тхъэмпэ*) – в сторону двери, это говорит о недолгом визите. И наоборот, вывешивание рукоятью к дверям и нашлапкой вовнутрь хачеша «сообщает» о том, что прибывший гость намерен задержаться (*щысын хъэщIэ / щысын хъакI*).

С помощью палочки регулирования молитвенных функций (*Iэнэ баи, хъуэхъу баи*), определялась прежде всего очередность произнесения застольных тостов – *хохов*²⁰.

Наблюдения С. Хан-Гирея, относящиеся к традиционным музыкальным инструментам, отражают характерную социально-ритуальную регламентацию в пространстве хачеша: «Этот инструмент (щичепщин. – *М.П.*) общеупотребителен: в гостиных играют сами князья и дворяне; на празднествах во время плясок играют скрипачи низшего сословия. <...> **Флейта** (къэмыл). Инструмент этот есть принадлежность **певцов**, у которых бывают флейты, оправленные серебром под чернью и с позолотой. На них эти **певцы** играют в гостиных князей и дворян и во время торжества и плясок»²¹. В западно-черкесской традиции фиксируется особый зачинный инструментальный наигрыш – *хъакIэщ орэд* ('хачешевая

песня') – исполнение которого являлось сигналом к началу музицирования и песнопений²².

Вовлеченность всех участников ритуала в происходящее в хачеше действо как нельзя лучше иллюстрирует впервые зафиксированный Б.Х. Бгажноковым и детально описанный нами на материалах экспедиции 2009 г. ритуал под названием *хъэцц/эц махъсымафэ* ('хачешевое распитие бузы')²³. *Махсымафэ* является в Узун-Яйле одним из самых важных элементов *хъэцц/эц зэхэс* (хачешевых мужских собраний). Обычно оно приурочивалось к свадебным циклам, но могло устраиваться спонтанно, собственно по поводу приготовления *махъсымэ* (*бахъсымэ*). Характерная особенность *махсымафэ* – эстафетность, подобно древнегреческим сколиям (σκόλιον μέλος). В хачеше рассаживались самые лучшие знатоки старинных черкесских песен, привезенных с Кавказа. Каждый участник застолья, пропевая одну строфу песни, передавал рядом сидящему чашу с напитком со словами *нок/уэ, уэрс!* ('идет [к тебе]!'). Принимающий, произнося *гъуэзгуп/!* ('в добрый путь!'), отпивал один глоток махсымы из рук передающего, затем брал чашу в свои руки и пропевал следующую строфу. Этот мини-ритуал называется *зэрызафэ* ('отпитие по одному глотку'), *зы уэрэд едзыгъуэ едзын* (букв. 'метнуть один песенный куплет')²⁴.

В контексте рассказов о махсымафэ часто вспоминают о том, как некто Дыгешев, просчитав, какую строфу ему придется петь, с отчаяньем обнаружил, что забыл ее слова. Он встал из-за стола, вскочил на лошадь и отправился к старику, хорошо знавшему эту песню, выучил куплет и успел вернуться к тому моменту, когда подошла его очередь²⁵.

Естественным требованием являлось умение исполнять хоровой подголосок *ежъу*.

Таким образом, владение «хачешевым преданием» – *хъэцц/эц хъыбар* (контекстным нарративом, сопровождающим героическую песню), этикетными, вокальными навыками, необходимыми для участия в ритуале *махсымафэ*, расцениваются в указанной ЛКТ как атрибут социально компетентной личности.

Махъсымафэ уэрэдхэр ('песни [поющие на] махсымафа') представляют собой своего рода замкнутый репертуар, куда включена «классика» адыгского фольклора: «*Дунеижъыр цымыджэмыпц/эм...*» («Когда этот старый мир еще не заквасился...»), «*Песня о Мхамате Хатхе*» («Хьэтх Мыхьэмэт и уэрэд»), «*Хьэтхым и Къуэжласэм и уэрэд*» («Песня о Хатхе Кочасе»), «*Жэцтеуэжъым и уэрэд*» («Песня о великом ночном нападении»), «*Къэбэрдей къаным и уэрэд*» («Песня о кабардинском воспитатнике»), «*Хьымсад-гуащэ и гъыбзэ*» («Плач Химсад-гуаши»), «*Ажджэришкъуэ Кушыкупц/и гъыбзэ*» («Плач о Кушук-князе Аджигирее»), «*Зэхэджокъуэм и уэрэд*» («Песня о Захаджоко») и др. Некоторые из песен этого репертуара на этнической территории утрачены. Примечательно, что магия удачи походной песни переносится и на зачин хачешиного застолья: его, как и поход, начинают с «Песни о Мхамате Хатхе», которую называют *гъуэзгупэуэгуэуэ уэрэд* ('песня удачного начала пути').

На существование некоего особо популярного во всей Черкесии репертуара обращал внимание еще С. Хан-Гирей: «Многие **предания**, известные в одном племени, не все знают в другом, или не в таком виде они сохранились. О **песнях** то же самое можно сказать, с тою, однако, разницею, что древние, лучшие песни во всех племенах более известны, хотя и тут наречие каждого племени производит некоторую разницу в выговоре слов и в выражении напева»²⁶.

Кратко заметим здесь, что этот феномен – существование замкнутого «общаадыгского» (от Шапсугии до Кабарды) корпуса текстов – может объясняться спецификой коммуникативных функций хачеша в традиционном черкесском обществе и стать предметом отдельного фольклористического исследования.

Мифо-ритуальная, этикетная, социальная **табуация** в традиционном хачеше коррелирует с запретами внутри человеческого жилища и запретами,

связанными со священным локусом. Например, акустическая табуация: запрет на громкую речь, сквернословие, свист, хохот и т.п.: *ХьэццIэцц Iужым улуцаццэуэс уццIпсэлъэфыр*²⁷. – ‘На веранде хачеша только шепотом можно разговаривать’. Кинесико-проксемические запреты чаще связаны с позой молодых людей, стоящих над старшими, обслуживающих застолье: нельзя облокачиваться об стены или косяк, принимать позу, не соответствующую принятой: стоять строго вертикально, с руками, сомкнутыми чуть ниже пояса. Относительно позы сидящих в хачеше обращается внимание на положение ног: сидеть полагалось «с собранными ногами» (не расставляя, не перекидывая).

Нэхъыжъ хьэццIэр хьэццIэццым ирагъэблагъэри, ццIэсхэм яхэплъэс, зэригъаццIэри, я ныбжъми трилъыта, сымти... “Фэ дэхъа хьэццIэццым фыццIэсынум <иджыри> хуейс, мыдежым фи лъакъуэ зхэгъэлъэдэжау сымт фыцхуыццIэсыр, фыццIэкIи Iэнэ зефхъэ”, – жери кыццIигъэкIыжауэ жаIыжъ”²⁸ – «Старшего гостя в хачеш [когда] пригласили, на сидящих он посмотрел, оценил, по их возрасту может рассудил, в общем... “Вам еще рано в хачеше заседать, чего вы тут сидите, протянув друг к другу ноги, выходите и обслуживайте столы”, – сказав, выводил их, говорят...

Речевая, этикетная регламентация хачешевского пространства распространялась в т.ч. и на профессиональных джегуако (народных поэтов-музыкантов). З.М. Налоев пишет в связи с этим: «В тех случаях, когда пирующие и гости изъявляли желание поплясать, Тхаишау (Аутлев. – М.П.) становился хатяко, Куйнеш (Джанчатов. – М.П.) играл на шичепшине, остальные подпевали плясовой мелодии и отбивали такт на пхацичах. В кунацких смягчался площадной поведенческий текст джегуако, а ансамбль Аутлева считался одним из самых пристойных, отчего спрос на него всегда оставался высоким»²⁹. В Узун-Яйле бытуют мемораты о народных певцах, приглашаемых в гостинные дома местной аристократии. Информантами также отмечается относительно степенное («неплощадное») поведение народных певцов в пространстве хачеша.

Как было сказано выше, хачеш – исключительно мужское пространство. Отражение **гендерной табуации** (наряду с социально-иерархической, возрастной) мы находим в паремии *ХьэццIэццыр хьэццкъым*³⁰ – ‘Хачеш не псарня’. Поговорка была приведена информантом в ответ на наш вопрос о месте женщины в хачеше, но ее, однако, не следует понимать буквально и упрощенно: мы имеем здесь архаическую мифологическую дихотомию «мужское (=человеческое) / женское». Как пишет З. Кардангушев, женщина, вне зависимости от ее статуса («чужой», «прибывший издалека гость»), относилась к категории *унэ хьэццIэ* – ‘гость, [приглашаемый] в дом’ (не в хачеш)³¹. К этой же категории относились близкие родственники-мужчины.

Здесь заметим, что в сатирических стихах периода колонизации Кавказа, посвященных русскому генералу, есть строфа *унэр уи хьэццIэццI – гостей принимаешь в доме* (букв. «дом – твоя гостиная»)³². Прием важного гостя в доме (т.е. жилком помещении, где проходит повседневная жизнь женщин и детей) воспринимался черкесами отрицательно. Это обстоятельство, скорее всего, натолкнуло на мысль о том, что «главнокомандующий и все чиновники российские должны в домах своих иметь особые комнаты, всегда готовые принять гостей своих»³³.

О девушке с общепризнанным социально активным статусом говорили *хьэццIэцц хъыгъэбз, хьэццIэцц кIуэрей* (зап.-черк. *хьакIэццыкIуал*) – «часто посещающая хачеш», вернее сказать, «часто призываемая в хачеш».

Несмотря на то, что женщина приглашалась в хачеш обычно только для ритуализованного приветствия или выражения благодарности, эффективное функционирование, достойное поддержание самого института во многом зависело от женщины – супруги хозяина, от навыков и умений, привитых ей в родительском доме:

Шпалэр хъэцІэщым къыщІигъэкІ аІым, хъыг'эбзыр унэм къыщІимгъэкІ'ыурэ <ильэс ныцкІутІ-ныцкІутхум> итыхункІэ зэтригъэпІаІым. – Юношѹ из хачеша не выпускал, и девушку из дома не выпуская, до двенадцати-пятнадцати лет скрывал их друг от друга³⁵.

В описании архитектуры хачеша в исследуемой диаспорной ЛКТ употребительны термины *лэгунэ* и *унэ*, ими могут обозначать само главное помещение: *ХьэцIэцыр зы Iужрэ зы лэгунэ[рэ] мэхьу...* – ‘Хачеш состоит из одной веранды и одной комнаты...’³⁷. Мы имеем также случаи упоминания о том, что старшая дочь (девушка на выданье – *хьыг’эбз дэс*, *хьыг’эбз тIыса*) принимает своих посетителей не в специальном помещении – девичьем салоне *хьыджэбз лэгунэ* (зап.-черк. *пхьэцхьэун*), а в хачеше отца³⁸.

Мудархэ я хьэццИэц жьсантIэр мыбы щафIэкIуэдами ярейс. – ‘Похоже, что Мударовы здесь потеряли жанта [почетное место] своего хачеша’³⁹.

Хэти и кэиху-бэжэхуэц! и жэхафэ кытиригэйт! Үсхээн, уи цхьэ елыти, узэри! Үэтэжыным уегуцыскэ... – ‘Кто же позволит своему слуге осесть на своем жэхафэ, посуди сам, что он о тебе рассказывать станет’...

Наряду с тем, что эти изречения содержат выраженный социально-маркирующий акцент, они устойчиво соотносятся с контекстом сакрализации

пространства гостинного дома (ностальгические рефлексивы о былом значении хачешей).

В отдельных гостинных домах Узун-Яйлы «верхнее» место (*жъантIэ*), расположенное непосредственно рядом с местом хозяина, было табуировано почти для всех посетителей. По сообщению информантки М. Сасик (1945 г.р.), ее дядя лишь пару раз позволил сесть кому-то из гостей на традиционно пустующее место в «верховье» своего хачеша. И это было духовное лицо, освященное не столько своим саном, сколько всенародной славой мудреца, знатока одновременно Корана и Адыгэ Хабзэ⁴¹. Подобный запрет информанты объясняют, как правило, возможностью прихода «еще более старшего (уважаемого)». Но, судя по всему, это этикетное требование имеет мифологическое происхождение, а табуированное место символически предназначено ушедшим предкам. Б. Бгажников, который последовательно объясняет связь между глинобитным сиденьем у очага (*emIэбай*)⁴² и жанта, пишет в связи с этим: «Глинобитный диван был как бы признаком его (отца. – М.П.) власти над домочадцами <...> Даже в отсутствие патриарха его место не смел занять кто-либо из членов семьи»⁴³.

С другой стороны, выраженное стремление занять самое «высокое» место в хачеше, даже если оно свободно и положено тебе по статусу, само по себе считается недостойным: *Гуацэмыхъу жъантIакIуэц* – ‘Гуаши (княгиня) недостойная стремится занять жанта’. В исследуемой диаспорной традиции эта характеристика является одним из групповых маркеров и атрибутов социальной компетентности: *Абазэхэр жъантIакIуэс* (Абазины стремятся к жанта)⁴⁴, *Тыркухэм жъантIэ яIэ?!* (‘Разве турки понимают, что такое жанта?!’); *Узидэсыр жъантIэс* – ‘Где сидишь, там и жанта’ (т.е. не стремись к почетному месту, если ты его достоин, то все развернутся к тебе).

ХъэцIэц Iуж (веранда хачеша) – место, где помимо хозяйственного инвентаря локализуется «скрытое» присутствие всех, кто по своему социальному (возрастному, гендерному, классовому) статусу не может шагнуть дальше, непосредственно в само главное помещение:

ХъэцIэм и вакъэ, и цIакIуэ, и къамышы, и къэльтмакъыр, и тас-къубгъэныр Iужым дэтиц... ХъэцIэц пэшымрэ Iужымрэ я зыхуаку блыным зы цхъэгъубжэ цIыкIу хэтиц, абы ит уэздыгъэм лъэныкъуитIри егъэунэху... Iужым Iэнэхэр цызыблах, шейр дэным тетци имгъэутицIыIужыну... ХъэцIэм темыхъэ цIыхубзхэмрэ IухутхъэбзацIэ цIалэгъуалэмрэ Iужым дэтиц. – ‘Обувь, бурка, плет, переметная сума, таз и кумган [кувшин] гостя находятся на веранде... В стене между гостинной комнатой и верандой есть маленькое окошко, стоящая на нем лампа освещает обе стороны. На веранде разносят еду, чай стоит на углях, чтобы не остыл... Женщины и обслуживающая молодежь, те, кому не положено появляться перед гостем, находятся на веранде’⁴⁵.

«Сакральное и профанное» в хачешевой культуре соотнесены с оппозицией «хачеш / дом». В данном случае под «домом» условно могут подразумеваться и другие локусы усадьбы, селения: *хъэцIэц хъэцIэ / унэ хъэцIэ* – ‘хачешевый (=почетный) гость’ / ‘домашний» гость’. Место под окном хачеша (*хъэцIэц цхъэгъубжэ лъабжэ*) принадлежит, как правило, молодым людям, которые в силу возраста или родственных отношений (обычая избегания), не могут находиться в хачеше, но условное присутствие которых негласно признается сидящими внутри хачеша старшими: например, коммуникативные сообщения формулируются ими в т.ч. и для этого «невидимого» адресата. Оппозиция *хъэцIэц хъыбар / мэжг’ыт г’абэ хъыбар* – «хачешевые сказания / разговоры у стены мечети» очерчивает жанровый статус сообщаемого текста: один из наших рассказчиков с помощью этих выражений актуализировал свой статус как информанта, т.е. заявил тем самым, что он рассказывает не «легкие» рассказы (анекдоты и байки), а «серьезные» истории, являющиеся достоянием хачеша⁴⁶.

Как видно из песни и предания о Гудаберде, Азепша сыне и многих других фольклорных сюжетов о кровной мести, хачеш традиционно был **местом убежища**, дающим право неприкосновенности (*цтанIэ*):

*ТхытцIэхэ я ццIантIэр дэжIыгъуэ кIыхъц,
ЦыкIуэкI кIыхъыжъыр согъэджэрэз, срегъэзэи,
Пиыр зыукIам уэ уи лIыукIыр зэхашэ,
Сыт уи мураду хъэщIэццыжъ нэцIыжъым уцIэс?⁴⁷*

*У Тхипцевых двора подъем длинный,
Старое длинное веретено я вращаю, утомилась,
Князя убившие тебя погубить задумали,
На что надеясь в старом пустом хачеше отсиживаешься?*

Уединение в хачеше с целью самоизоляции от внешнего мира – право человека, претерпевшего несчастье, навет, незаслуженную обиду (*цхъэкIуэ зыльыса*). Инструментом развязки сложной социальной ситуации, послужившей причиной подобной самоизоляции, зачастую является очистительная песня (термин З.М. Налоева: *зэрызухеиж уэрэд*⁴⁸). Так, история песни «Сетование Боры Могучего» повествует о том, как герой по ошибке стал убийцей родного сына. Похоронив его, несчастный отец, желая предать себя мучительной смерти, закрылся в хачеше, где и сложил эту трагическую песню. Исповедальная песня Боры отвела возможное обвинение в сознательном пролитии им родной крови.

По сюжету одного из нартских пшинатлей («Сватовство нарта Орзамеджа к Сатанай», зафиксировано в среде черкесов Сирии), огорченный отказом Сатаней, Орзамедж замыкается в хачеше. Что примечательно, в тексте употреблен термин *нэчахъыц* (от араб. *нэчахъ* – ‘заключение брака’ и *-ц* – формант со значением ‘место, помещение’). Возможно, это еще один ритуальный локус, функции которого вобрал в себя хачеш:

*Орэмэджри ра къэкIожъи, рираци орэда,
Нэчахъыцым етIысхъэжъ, рираци орэд,
Орэмэджри ра иси, рираци орэда,
Нарт ельфьыри зэфэси, рираци орэд,
Орэмэджыри къыраци, рираци орэда,
ИшъхъакIори къырагъаIуи, рираци орэд...⁴⁹*

*Орзамедж (ра) вернулся, рираци орэда,
В доме для заключения брака уединился, рираци орэд,
Орзамедж там сидит, рираци орэд,
Нартский род собрался и... рираци орэд,
Орзамеджа [оттуда] вывели, рираци орэд,
Обиду свою дали ему высказать, рираци орэд...*

Н. Дубровин пишет о том, как народные поэты-музыканты удалялись в близлежащие рощи на время сочинения новой песни: «И так как вдохновение требует уединения, то их удаляли на время из аула в ближайший лес, снабдив всем необходимым для жизни»⁵⁰. Аналогичные свидетельства мы имеем об уединении одного джегуако или его ансамбля в хачеше.

Как было сказано выше, «закрытый хачеш» (букв. «запертые двери хачеша») – символ социальной смерти главы семьи, разрыва его общественных связей, в более широком смысле – разрушения установленного миропорядка. Аналогичным эсхатологическим значением обладает фольклорная метафора «крушение дверного косяка». Символы и эмоции, связанные с *опустевшей кунацкой*, образно выражены в повести А.-Г. Кешева «Абреки»:

*Меня тянуло в нашу кунацкую, я желал хоть раз еще взглянуть на нее. Я шел быстро...
ноги мои чуть касались земли, колени дрожали, сердце мое билось так сильно, что я*

слышал каждый его стук, в ушах раздавался ужасный шум, будто вблизи меня работал кузнец; я вбежал в ограду, страшный вид опустения больно кольнул меня; я подошел к двери кунацкой и толкнул ее дрожащей рукой, но дверь была забита изнутри. Подбегаю к окну, тоже заперто. Сердце мое сжалось, слезы чуть не прошибли из глаз. Как мне хотелось взглянуть, хоть впотьмах, на внутренность нашей кунацкой, этого теперь и выразить не могу. Я насилу оторвался от стен кунацкой и направился к назначенному мне месту⁵¹.

В исследуемой диаспорной локальной традиции (Узун-Яйла) фольклоризировались сюжеты-диалоги типа «Рашад Марзей и Ататюрк», «Хажумар Тох и авшар», ключевой фразой в которых являются слова черкеса: *«Я слышал это в хачеше своего отца»*. По одному из таких рассказов, известный старейшина Хажумар Тох помог своим советом авшару⁵² разрешить конфликтную семейную ситуацию. Когда тот, удивленный ответом Хажумара, заметил, что *хьэццIэцц унафэ* ([мудрое] хачешевое решение) – это то, что помогло черкесам выжить на чужбине, и стал задаваться вопросом, почему же у них, авшаров, нет чего-либо подобного, Хажумар ответил: *«Хьэзэрышхыр хьэццIэцц унафэ хьунIым»* – *‘Собачья грызня хачешевым решением стать не может’⁵³*.

Таким образом, архаичный социально-культурный институт гостинного дома обнаруживает довольно сложную систему мифо-ритуальных элементов. Устные нарративы, связанные с ним, имеют в современной культуре черкесов диаспоры ряд социально-прагматических функций: когнитивная (репрезентация этнического образа, этнической памяти, народно-философских рефлексий, для молодежи – пополнение языковых знаний), коммуникативная, рекреативная (регулярные встречи по выходным дням, обеспечивающие в городских условиях неформальное общение). Вокруг стереотипных устных рассказов о «черкесских университетах» – хачешах – происходит структурирование этнической (цивилизационной) и локальной идентичности, и эту функциональную особенность нужно отметить как главную в диаспорной культуре.

Современным аналогом традиционного хачеша являются не только частные салоны, но и офисы черкесских общественных организаций (Хасэ), где происходят внутриобщинные встречи, вырабатывается единая точка зрения на те или иные явления общественной и политической жизни, принимаются значимые решения, организуются встречи с известными гостями и представителями официальной власти. Большая часть традиционных семиотически значимых элементов хачеша сохраняется и в современной практике: «главные» и «второстепенные» помещения, иерархическое рассаживание, стереотипные модели общения, ролевые функции (половые и возрастные, импровизированные и закрепленные), угощение (в основном сведенное к чайному столу – *шей Iэнэ*) и т.п.

Устойчивость рассматриваемых институциональных явлений, их сохранность в условиях урбанизации, глобализации объясняется в т.ч. и сакральным началом гостинного дома, уходящим корнями в мифопоэтическую традицию, о чем еще в XIX в. писал С. Хан-Гирей⁵⁴.

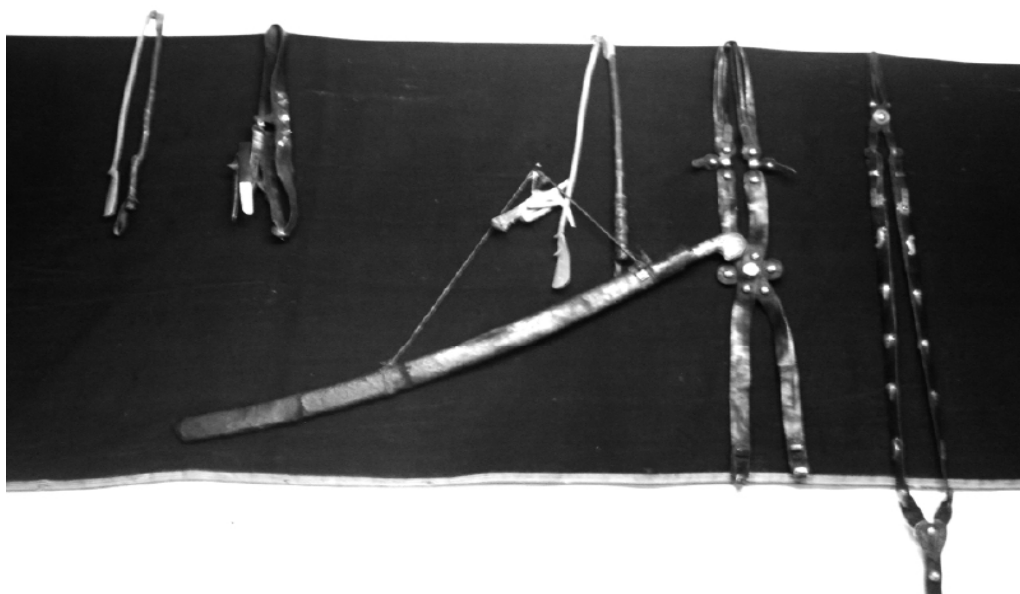
Объем и цели нашей работы не позволяют детально описать формы актуализации хачешевой культуры в нартском эпосе, что позволило бы проследить некоторые параллели в социальных структурах нартгов и черкесов (адыгов). Отдельного исследования заслуживает также проблема метакоммуникативного (символического, иносказательного) поведения в пространстве гостинного дома, богатый материал к чему дает диаспорное поле. Актуальным является, на наш взгляд, сравнительное изучение дискурсивных практик, связанных с институтом гостеприимства, выявление локальных особенностей хачешевой культуры в других черкесских анклавах.

*1. Хачеш: внутренний вид
(семья Курашиновых, сел. Курашинхабле)*

*2. Хачеш: внутренний вид
(семья Вакачевых, сел. Дикили)*

3. Хачеш: оружие и снаряжение, увезенные с Кавказа в XIX в.
(семья Курашиновых, сел. Курашинхабле)

4. Спальня пожилых супругов, приспособленная позже под женский хачеш:
внутренний вид (семья Курашиновых, сел. Курашинхабле)

5. Женский хачеш: выход на веранду; слева от дверного проема – душевая кабинка («гуацэм и цхъэхуцІыпІэ») (семья Курашиновых, сел. Курашинхабле)

6. Веранда хачеша («хъэцІэц Іуж») (семья Хацуковых, сел. Дикили)

Примечания

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (Далее – АБКИЕА) / Сост., ред. переводов, введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 50, 54, 71, 221, 366, 386, 592; Мамбетов Г.Х. О гостеприимстве и застольном этикете адыгов // Ученые записки Адыгейского НИИЭЯЛИ. Этнография. Т. 8. Майкоп, 1968. С. 228–250; Бгажноков Б.Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения / Под. ред. А.К. Байбурина. Л., 1985. С. 179–202; Бгажноков Б.Х. Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов // СЭ. 1987. № 2. С. 89–101.
2. Ю. Карпов пишет об этой функции гостевых домов: Карпов Ю.Ю. Мужские союзы в культуре и общественной жизни горцев Кавказа // Россия и Кавказ. СПб.: ЗАО Журнал «Звезда»: Довлатовский фонд, 2003. С. 64–84.
3. Султан Хан-Гирей: Избранные труды и документы / Сост., подг. текстов, научное ред., комм. М.Н. Губжогова. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. С. 305.
4. Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса. Нальчик: Эльбрус, 1988. С. 121.
5. Архив автора: полевые материалы, зафиксированные в ходе экспедиций в Турции 2009, 2011 и 2014 гг., а также переданные нам через интернет. Далее – Архив автора...
6. В широко бытующем анекдотическом сюжете о негостеприимном хозяине «темный и холодный хачеш» соотносится с загробным миром: гость, которому не уделили должного внимания, оказывается вместе со своим хозяином на соседских похоронах; дочь умершей причитает: «Туда, куда тебя уносят, нет ни света, ни тепла, ни еды!»; гость обращается и спрашивает у хозяина: «Ее в ваши хачеш несут?»).
7. Примечательно, что изменение ландшафтных условий в диаспоре – меньшее, в сравнении с Кавказом, количество рек – деактуализирует, как нам показалось, в местной устно-речевой практике привычный универсальный критерий измерения дальности расстояния, пройденного гостем (т.е. его «почетности»): «Псибл кыкIа хьэщIэ» – «Гость, прошедший через семь рек». В то же время о госте, прибывшем с Родины – Кавказа – могут сказать «пересекший море», т.е. «особо дорогой».
8. В качестве таковых являются у черкесов священный лес, роща (тхьэчIэгъ мэз/тхьэщIагъ мэз), священное дерево (тхьэчIэгъ чьыг/ тхьэщIагъ жыг), родник (псынэ / псынащхьэ / псынэкIэчъ), место на берегу реки (псыIушъу / псыIуфэ), гора, холм, возвышенность (бгы, Iуашхь). Функции тхьэлъэIуиIэ могут исполнять также кладбище, могила, в особенности убитого молнией человека или животного (кхъэ / къэ, кхъэхалъэ, мыжъуакъэ), старая (разрушенная) крепость или усыпальница (къалэ, чэщанэжъ, кхъэлэгъунэ). Четко выраженными признаками сакрального локуса обладает также кузня (кIыиц).
9. Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса... С. 127.
10. Архив автора... Инф. Бюлент Адеже (Адэжэ Бюлент). Сел. Мударей (Узун-Яйла) – Адана.
11. «К тому же, в достаточно тесном и достаточно узком кругу, где все все обо всех знали, образы и мнения складывались, естественно, не только в связи с этими проблемами, и шлейфы тянулись еще из России, «из прежней жизни»». Цивьян Т. Ремизов – своими и чужими глазами // Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация. Тарту, 1997. Электронный ресурс: <http://www.ruthenia.ru/document/551619.html>
12. Об обряде чапш см.: Налоев З.М. Функция песни в обряде «чапш» // Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 5–24; Мафедзев С.Х. «ЩIэпщакIуэ» и игры, связанные с ним // Мафедзев С.Х. Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1979. С. 168–188; Паиштова М.М. Текст обряда чапш: мифология, прагматика, этнокультурные диалекты // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации: генезис и развитие: Материалы международной научной конференции. Майкоп, 2012. С. 219–223.
13. Электронный ресурс: <https://www.facebook.com/photo.php?v=381951601822091&set=vb.228944800868&type=2&theater>
14. Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Нальчик, 1991. С. 43.
15. Щхьэгъэрыт (шхагарыт) – молодой мужчина, обслуживающий застолье, виночерпий.
16. Этнографическое описание предметного мира гостинного дома – тема отдельного исследования, мы лишь кратко коснемся семиотически значимых атрибутов и их функций.

17. Повторное, вслед за приветствием во дворе, ритуализованное приветствие внутри хачеша.
18. Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2005. С. 378.
19. Коновязь могла быть украшена оленьими рогами, в этом случае роль колышков играли отростки. Символически статус гостя в иерархии сидящих в хачеше может выражаться через «буйное поведение» его коня у коновязи, что характерно больше для мифопоэтических сюжетов (мотив «прибытие героя на хасу нартов»).
20. Табишев М.А. Исполнительские традиции адыгских хохов (на примере гимнов Тхагаледжу) (на кабардино-черкесском яз.) // Журнал «Псалъ». Майкоп, 2008. № 5. С. 271.
21. Султан Хан-Гирей. Указ. соч. С. 100.
22. Исполнитель Карагулан Каратабан, запись 1931 г. // Музыкальный фольклор адыгов / Под ред. Г.М. Концевича. Майкоп, 1994.
23. Бгажноков Б.Х. Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов. С. 90–92; Паитова М.М. Игровые институты в фольклорной культуре черкесов Турции: на материале экспедиции 2009 г. // Вестник АГУ. Майкоп, 2010. С. 50–55.
24. Архив автора... Информант Али Шоген (Щоджэн Али). Сел. Шигебахой (Узун-Яйла) – Анкара.
25. Архив автора... Информант Раджеб Тлостан (Льостэн Рэджэб). Сел. Мударей (Узун-Яйла) – Кайсери.
26. Султан Хан-Гирей. Указ. соч. С. 381.
27. Архив автора. Информант Якуб Темель (Тэгьулан Екьуб). Сел. Хапашей (Узун-Яйла) – Стамбул.
28. Архив автора... Информант Эркан Кадикой (КІэдыкІуей Еркан). Сел. Шигебахой (Узун-Яйла) – Кайсери.
29. Налоев З.М. Институт джегуако. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2011. С. 181.
30. Архив автора... Информант Раджеб Тлостан (Льостэн Рэджэб). Сел. Мударей (Узун-Яйла) – Кайсери.
31. Кардангушев З.П. Избранные труды (на кабардино-черкесском яз.). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. С. 537.
32. Там же. С. 411.
33. Цит. по Аутлеву М. <http://adygi.ru/index.php?newsid=5490>
34. Султан Хан-Гирей. Указ. соч. С. 216.
35. Архив автора, неизвестный сказитель. Аудиозапись передана нам жителем г. Кайсери Хаканом Шак (Шакъ Хьэкъан).
36. КІэпцэун: от *кІапцэ* – название врачевального обряда и *ун* – ‘дом’; *лэгьунэ чыжь* – ‘дальняя лагуна’ (спальня, комната супругов). Из архива Р.Б. Унароковой.
37. Архив автора... Информант Эркан Кадикой (КІэдыкІуей Еркан). Сел. Шигебахой (Узун-Яйла) – Кайсери.
38. Архив автора... Информант Али Шоген (Щоджэн Али). Сел. Шигебахой (Узун-Яйла) – Анкара.
39. Из архива М. Табишева.
40. Устное сообщение М. Табишева со ссылкой на полевые материалы, зафиксированные в Узун-Яйле.
41. Речь идет о Хафизе-эфенди, образ которого в Узун-Яйле фольклоризировался: нами зафиксирован цикл преданий и меморатов, связанных с его именем.
42. О глинобитной кровати у очага см.: Миллер А.А. Черкесские постройки: Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914. С. 71.
43. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 41.
44. Абазины, наряду с кабардинцами, хатукайцами и абадзехами, составляют «черкесское» (по самоопределению – «адыгское») население Узун-Яйлы.
45. Архив автора. Информант Якуб Темель (Тэгьулан Екьуб). Сел. Хапашей (Узун-Яйла) – Стамбул.
46. Архив автора. Информант Ата Шигалуго (Шыгъэлыгъуэ Ата). Сел. Газей (Узун-Яйла) – Анкара.
47. Кардангушев З.П. Указ. соч. С. 311.
48. Налоев З.М. Героические величальные и плачевые песни адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 1. М.: Советский композитор, 1986. С. 15.

49. Архив Центра адыгovedения НИИ комплексных проблем Адыгейского Госуниверситета. Зап. 1992 г. Информант Юсеф-Азадин Тугуз (Сирия).
50. Дубровин Н. Черкесы (адыге). Краснодар: Издание общества изучения Адыгейской автономной области, 1927. С. 81.
51. Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Абреки // Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса. Нальчик: Эльбрус, 1988. С. 151.
52. Авшары – одна из турецких этнических групп.
53. Устное сообщение М. Табишева со ссылкой на полевые материалы, зафиксированные в Узун-Яйле.
54. «Во времена язычества черкесы, кроме божеств, имели и святых, *нартов*: в числе их Саусрук был чтим более всех; в определенную на то зимнюю ночь совершали в честь его пиршество, причем относили в гостиную комнату лучшую пищу и питье для Саусрука, а в конюшне приготавливали сено и овес для его лошади. Разумеется, Саусрука не бывало, но случайно заехавший гость заменял его, и каждый, почитая приезд гостя за хорошее предзнаменование, с радостью угощал его. Если не случалось приезжать никому в ту ночь, то радость семейства бывала не столь торжественна. Таким образом, самое суеверие содействовало черкесов хлебосолами» (Султан Хан-Гирей. Указ. соч. С. 419).

М.М. Pashtova

CIRCASSIAN GUEST HOUSE: THE RESULTS OF EXPLORING THE UNIVERSAL AND LOCAL CULTURAL AND HISTORICAL VERSIONS

The title is dedicated to explore the historical and contemporaneous local forms of a Circassian guest house (kunatskaya). It is the first time when attention is given to the pragmatical and semiotical aspects of the stereotyped word-of-mouth narratives about khacheshes, kunatskayas, to the sacred status of the rituals which take place in khacheshes. There are also shown the forms of keeping of the institution in one of the Circassian diaspora local traditions, the transformation of its social functions nowadays.

Keywords: guest house, khachesh, kunatskaya, Circassians, Adigas, folklore, Diaspora, Uzun-Yayla.

К.Ф. Дзамихов

**РУССКО-АДЫГСКИЕ СВЯЗИ И КРЫМСКО-ТУРЕЦКАЯ ПОЛИТИКА
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.
В РАБОТАХ А.М. НЕКРАСОВА**

Статья посвящена анализу научного изучения А.М. Некрасовым процесса взаимовыгодного сближения Русского государства и адыгских княжеств во второй половине XV – до середины XVI в. Освещаемые события даются известным кавказоведом в широком контексте международных отношений Османской Турции и ее вассала – Крымского ханства, Русского государства и Черкесии.

Ключевые слова: международные отношения XV–XVI вв., Черкесия, Кабарда, Османская Турция, Крымское ханство, Русское государство.

Впервые в отечественной историографии исследование исторических судеб адыгских народов в контексте международных отношений в Восточной Европе в последней четверти XV – первой половине XVI в. было осуществлено А.М. Некрасовым в монографии «Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в.» (М.: Наука, 1990) и многочисленных статьях. Изучение этого хронологического периода исключительно важно для понимания исторических предпосылок складывания прорусской ориентации адыгских княжений к середине XVI в.

Решению поставленной задачи способствовало использование автором целого комплекса как новых, так и хорошо известных науке источников. Нарративные источники были представлены русскими летописями, средневековыми османскими хрониками, записками иностранцев о Причерноморье и Западном Кавказе. Посольская документация, в первую очередь, включала русские «посольские книги» и дипломатическую переписку XV–XVI вв. из архивов Турции. Например, впервые так широко А.М. Некрасов пользуется средневековыми османскими хрониками (Мехмед Нешри. Зеркало мира; История дома османов Ибн Кемаля; История Сахиб-Гирей-хана Реммал-ходжа и др.) и целым рядом крымско-татарских сочинений. Последние анализируются в тесной связи с документами XV–XVI вв. из государственных архивов Турции, опубликованными французскими историками в сборнике «Крымское ханство в архиве музея дворца Топкапы». Отдельная группа источников – сочинения европейских авторов. Среди них есть авторы, чьи работы давно пользуются отечественные исследователи (И. Барбаро, А. Контарини, Дж. Интериано, М. Меховский, Э. Челяби и др.), так и малоизвестные, как «Дневники» М. Сануто.

А.М. Некрасов дает картину существенного изменения международной ситуации в Восточной Европе во второй половине XV в. Это было связано с распространением на данный регион захватнических замыслов Османской Турции. Османская агрессия против народов Южной и Центральной Европы началась еще во II половине XIV в. и создала серьезную угрозу для всех европейских стран.

Автор справедливо считает, что рост и укрепление Османского государства были тесно связаны с захватническими войнами. Внешнеполитическая активность османов находилась в зависимости от характера социально-экономического строя, степени развития феодальных отношений, политической борьбы внутри

Османского государства. Захватнические войны с самого начала были одной из главных статей доходов османского господствующего класса. Складывание в середине XV в. единого государства, окончательное оформление его политической и социальной структуры способствовали изменению характера войн, которые постоянно велись султанами. С этого времени постепенно «грабительские набеги отходят на второй план, уступая место борьбе за политическое господство в Европе и Азии»¹. Вместе с тем военная добыча, доходы с захваченных территорий, оставались важным источником обогащения османских феодалов. Сами завоеванные земли превращались в источник султанских земельных пожалований той связанной с тимарной системой части османского феодального класса, которая стала главной опорой власти султанов².

Во второй половине XV в. внешнеполитическая активность османских султанов распространилась на Северное Причерноморье. В 1475 г. здесь были захвачены последние генуэзские колонии с центром в Кафе. Под властью султанов оказалось и Крымское ханство, выделившееся еще в первой половине XV в. из распадающейся Золотой Орды в качестве самостоятельной политической единицы. Подчинение ханства османам не было единовременным актом: процесс превращения ханства в вассала османских султанов занял ряд лет и завершился утверждением на престоле зависимого от султана хана Менгли-Гирея.

Совершенно справедливо Некрасов считает, что для крымских ханов набеги на соседние земли – русские, литовские, молдавские, адыгские – были важнейшим источником богатств. Во время регулярных походов захватывалось имущество, скот и многочисленные пленные для продажи в рабство. Постоянный приток добычи был одной из основ экономики Крымского ханства и определял могущество господствующего класса – татарских феодалов. Проникновение османского влияния в Северное Причерноморье сразу же сказалось на адыгских народах, первыми попавших в сферу завоевательных интересов султанов и крымских ханов.

С начала XVI в. начинается серия осmano-иранских войн за господство на Ближнем Востоке. Войны султанов с шахами Сефевидского Ирана длились с перерывами почти весь XVI в. и продолжались затем в первой половине XVII в. Одним из главных театров военных действий было Закавказье, на которое претендовали обе стороны. Исключительно важное значение для султанов имело обладание северокавказским путем, связывавшим османские владения в Причерноморье с Закавказьем. Путь шел через земли адыгов и Дагестан к Дербенту. Иранские шахи, в свою очередь, стремились укрепить свои позиции в Дагестане. Таким образом, осmano-иранская борьба на Северном Кавказе непосредственно влияла на политику обеих могущественных держав в этом регионе.

Важным средством укрепления крымско-османского влияния на Северном Кавказе было распространение ислама среди местных народов. Уже во второй половине XVI в. русские источники сообщают, что адыгские князья присягали по «мусульманскому закону». Вместе с тем османский автор XVII в. Эвлия Челеби указывает, что адыги стали мусульманами лишь недавно, а итальянец Дж. Лукка тогда же заметил, что «одни из них магометане, другие следуют греческому обряду»³. Со второй половины XV в. наблюдается активный интерес представителей рода Сефевидов к проникновению на Северный Кавказ, а именно в бассейны Терека и Кубани. Речь идет о четырех походах в промежутке между 1459 и 1488 гг. главы ордена сафавия шейха Джунайды и его сына Хайдары Сефевы. Богатый эпиграфический материал, опубликованный Т.М. Айтберовым, позволяет считать главной задачей отмеченных походов «...ведение священной войны с неверными черкесами» и рассматривать их как первоначальное звено в начавшемся осmano-иранском противоборстве за сферы влияния на Северном Кавказе⁴. Позже надгробная надпись 1553 г. с шамхальского кладбища в Кумухе (Дагестан) все еще называет черкесов «неверными», т.е. немусульманами⁵. Все

это говорит о том, что распространение ислама среди адыгов не было особенно успешным. Оно шло, в первую очередь, в среде князей и знати⁶. Медленное утверждение новой религии свидетельствует об упорном сопротивлении адыгов крымско-османскому наступлению.

Проникновение османов на Северо-Западный Кавказ, по мнению Некрасова, начинается одновременно с подчинением Крымского ханства.

В генуэзских архивах сохранилось письмо неизвестного тосканца, описавшего взятие Кафы. В письме, между прочим, говорится: «7 и 8-го числа месяца (июня) 1475 г. – *А.Н.*) все валахи, поляки, русские, грузины, зихи и всякие другие христианские нации, кроме латинян, были схвачены, лишены одежд и частью проданы в рабство, частью закованы в цепи»⁷.

О том, что в Кафе в то время торговало много черкесских и русских купцов, особо говорит османский хронист XV в. ибн Кемаль: «На том берегу был прекрасный портовый город, приезжали купцы с моря и с суши, из степей и с гор; там во множестве торговали татары Крымского государства и неверные Черкесии и Руси»⁸. Таким образом, жившие в Кафе адыги первыми из своих соплеменников столкнулись с османским нашествием.

Во второй половине 1475 г. османы предприняли рейд в сторону Дона и Приазовья, где захватили Тану, Матрегу, Копу, причем в Копе погиб и местный адыгский князь⁹. Османский историк XV в. Мехмед Нешри сообщает об этом следующее: «Послав в ту сторону корабли, завоевали находящиеся на том берегу крепости Азак и Япу-кирман, дойдя до самой Черкесии». Опиравшийся на Нешри ибн Кемаль говорит несколько иначе: «Завоевав другой берег Черного моря до Черкесии, захватили также находящуюся, как говорят, в той земле крепость Азак»¹⁰. Азак – это Тана (Азов), а под названием Япу-кирман (дословно: «городок-крепость»), возможно, по Некрасову, подразумевается Копа. Указание Нешри и ибн Кемалья на то, что экспедиция дошла «до Черкесии», показывает, что османы в 1475 г. ограничивались захватом крепостей и не предпринимали похода в глубь адыгских земель. В 1479 г. султан Мехмед II предпринял новый поход на адыгов. Единственный источник сведений о нем – труд ибн Кемалья. Указывая дату – 880 г.х. (25 марта 1479 – 13 марта 1480 г.), ибн Кемаль приводит следующий текст (в переводе А.М. Некрасовым опущены характерные для восточного стиля многословные пышные обороты, цветистые эпитеты, не несущие смысловой нагрузки): «По приказу государя-завоевателя мира люди победоносного войска прошли горы, во множестве пересекли Черное море и достигли страны черкесов. В той стране каждый день храбрецы своими острыми мечами снимали головы мятежникам, тщетно боровшимся против газиев; изрубив на куски тех нечестивцев, бросали их на съедение воронам; опустошив находящиеся на побережье области, хлынули в тот край подобно океанской волне. В каждом селении страны черкесов пленили по 50–100 красавиц, обратили в рабство множество пленников. Пришедшие в ту страну храбрецы неожиданно нанесли удар, устроили охоту, собрав добычу. Захватив Кубу, которая является одной из знаменитых крепостей, со всеми окружающими землями, разгромили владения черкесов, очистили саблём ту страну, уничтожив бунтовщиков. Присоединив к Кубе также и Анабу, уничтожили врагов, испытывавших ненависть к находившимся в тех краях сыновьям ислама и татарам. С покорением указанных краев вырвав у мира неверных много областей, возвысили в тех краях знамя истинной веры Мухаммеда. Для поднимающихся на газават та земля стала передним краем. Каждому человеку, ищущему дело, открылась возможность заняться в том краю газаватом и приобрести множество драгоценностей и трофеев. Названные области расцвели и благоустроились, там выросло число воинственных тружеников и храбрецов»¹¹.

Таким образом, одной из целей похода был захват пленных для продажи в рабство, и ибн Кемаль с удовлетворением сообщает, что такая цель была достигнута. Из захваченных в 1475 г. крепостей Копа (Куба) и Анапа (Анаба)

местным населением, по-видимому, были изгнаны османские гарнизоны, иначе крепости не пришлось бы завоевывать вновь. Не вполне ясное упоминание татар позволяет автору анализируемого исследования все же допускать, что в походе 1479 г. участвовало и крымское войско. В результате похода в крепости переселилось много османских подданных для участия в дальнейших завоеваниях.

Походы 1475 и 1479 гг. показывают, по Некрасову, что султанское правительство имело целью прочно укрепиться не только в Крыму, но и на Северо-Западном Кавказе, т.е. на адыгских землях. Участие крымского войска в османских походах было одним из главных условий его вассальной зависимости от султанов; это условие регулярно выполнялось ханами и впоследствии. События 70-х гг. XV в. открывают серию завоевательных крымско-османских походов на земли адыгов.

В работах Некрасова раскрывается, как с конца XV в. и Русское государство, и адыги активно участвуют в борьбе с Большой Ордой. Русь в это время заключила антиордынский союз с Крымским ханством. Орда после провала похода 1480 г. на Русь безуспешно пыталась вернуть себе былое влияние, но под ударами Крыма и Руси все больше приходила в упадок.

А. Контарини, проезжавший через земли Кавказа и Астрахань в 1476 г., писал, что татары, «которые живут в степях Черкесии и около «Таны», «пользуются славой безумных храбрецов, потому что делают набеги и грабят черкесов и русских»¹². Набеги Большой Орды на адыгов, вероятно, происходили и в последующие годы. Адыги пытались наладить отношения с Ордой дипломатическими средствами. По данным «посольских книг» 1492 г., в крымский, а затем русский плен попало адыгское посольство, направлявшееся, вероятнее всего, в Орду¹³. Важную роль сыграли адыги в окончательном разгроме Орды на рубеже XV–XVI вв. В июле 1498 г. русский посол Б. Челищев сообщал из Крыма, что «приходили Черкасы на Большую Орду, да побили ... сказывают, татар Большой Орды добре много». Летом 1500 г. ордынский хан Шейх-Ахмед жаловался султанскому наместнику Кафы Мухаммеду, что за Доном ему «недобро кочевать, многие с нами брани чинят от Нагай и от Черкас»¹⁴. Вскоре и русский посол И. Кубенский сообщил в Москву: «Орду ... сказывают в Пяти горах под Черкасы, а голодну кажут и безконну добре; а между себя деи царь не мирен с братьею»¹⁵. В июле 1501 г. русский посол Ф. Ромодановский писал из Крыма, что «Тюмень и Черкасы Орде недруги, и там ся Орда отвселе блюдет»¹⁶. Таким образом, адыги выступили против Шейх-Ахмеда в союзе с Тюменским княжеством. В мае 1502 г. Орда была окончательно разгромлена крымским ханом.

Некрасов обращает внимание, что хотя Русь и адыги непосредственно не контактировали в борьбе с Ордой, однако их цели объективно совпадали. Именно боевые действия с их стороны позволили Крыму одержать решающую победу. Единственным, но весьма важным эпизодом прямых русско-адыгских связей того времени была переписка Ивана III с «таманским князем» Захарьей Гуйгурсисом. Ф.К. Бруном и Л.И. Лавровым убедительно доказано, по мнению Некрасова, что Захарья Гуйгурсис и хорошо известный по генуэзским материалам владетель Матреги князь Захария де Гязольфи — одно лицо¹⁷. Он довольно подробно остановился на этом интересном эпизоде русско-адыгских взаимоотношений. Захария был сыном знатного генуэзца Винченцо ди Гизольфи и дочери адыгского князя Берозоха (Базрука?) Бики-ханум. Женитьба на Бике-ханум (1419 г.) дала Гизольфи в удел принадлежавший Берозоху г. Матрегу (Тамань). С этого времени Матрега находилась в двойном подчинении — генуэзских властей и адыгских князей, но при этом сохранила значительную самостоятельность¹⁸. В 1475 г. Матрега была взята турками. В 1482 г. Захария направил в Геную письмо с просьбой прислать денежную субсидию, но положительного ответа не получил и решил обратиться к Ивану III. Дважды (в 1483 и 1487 гг.) он отправлял в Москву с проезжавшими через Кафу русскими купцами грамоты с предложением перейти на русскую службу. Оба раза великий князь посылал ему приглашения приехать

в Москву (первая грамота Ивана III не дошла по назначению). 8 июня 1487 г. Захария, еще не получив ответа на второе письмо, отправил в Москву своего человека с грамотой, в которой подробно описывал свои злключения, и вновь просил принять его на службу. Великий князь в марте 1488 г. направил в Крым русскому послу Дм. Шеину приказ всячески способствовать переезду Захарии на Русь. Он велел просить Менгли-Гирея послать «в Черкасы к тому Захарьи своих двух человек, которые знают от Черкас полем к Москве, а велел бы тем своим людям того Захарью таманского князя из Черкас приводить до меня». Очевидно, у Шеина ничего не получилось, так как в сентябре 1489 г. Иван III отправляет к Захарии посла Н. Доманова и назначает место и время, где Захарию будут ждать люди великого князя¹⁹.

В мае 1491 г. из Крыма пришли вести, что Доманов не смог выполнить приказания Ивана III, так как «нелзе Захарье ехати, замятня у них велика; а нелзе... тому и свестися, человек... Захарья тяжел, семья велика, подниматися ему надобе тяжело, нолны бы ... Менги-Лирею царю к собе его выпроводить, тебе государю дружачи, ино ... царю того учинить не сметь, турецкому Захарья великой грубник»²⁰. Независимая позиция Захарии по отношению к султану, таким образом, не позволила великому князю воспользоваться услугами Менгли-Гирея для препровождения князя в Москву. После 1491 г. Захария уже не предпринимал попыток перебраться в Москву. В 1500 г. русскому послу И. Кубенскому было велено вновь предложить Захарии служить великому князю. Однако Захария в это время уже перешел на службу к Менгли-Гирею и, вероятно, изменил свое отношение к султану²¹. До 1505 г. Захария упоминается среди крымских «князей», которым посылались литовские поминки. Это свидетельствует о том, что он занимал при дворе Менгли-Гирея высокое положение. Одновременно упоминается его сын Винченцо («Вицент»), несколько раз ездивший послом к великому князю литовскому; последний раз о Винченцо говорится в письме короля и великого князя Сигизмунда крымскому хану Мухаммед-Гирею от 1521 г. Вероятно, сын Захарии стал профессиональным дипломатом и принимал активное участие в сношениях с Великим княжеством Литовским²².

Переписка Ивана III с Захарией демонстрирует, по мнению Некрасова, явную заинтересованность Ивана в привлечении к себе на службу бывшего князя Матреги. Как справедливо отметил Д.И. Лавров, «дальновидный Иван III, охотно принимавший к себе на службу иноземных князей, был заинтересован в Захарье как деятельном и образованном человеке, имеющем связи в Западной Европе, в Крыму и на Северо-Западном Кавказе и хорошо знающем крымско-турецко-кавказские дела»²³. Иван III отлично представлял себе, кто такой Захария: в грамотах великого князя он зовется не только «таманским князем», «фрязином», но и «черкасином», «черкашенином». Поэтому Некрасов справедливо считает, что переписку Ивана III с Захарией де Гизольфи можно считать важным звеном в цепи русско-адыгских связей.

На рубеже XV–XVI вв. возобновляется крымско-османское наступление на адыгов. Осенью 1498 г. состоялся крымский поход на западноадыгские земли²⁴. Опорным пунктом походов становится вновь отстроенная на месте Матреги крепость Тамань, которая являлась с этого времени «главным местом переправы крымцев в пределы черкесские»²⁵. В 1502 г. Тамань уже существует как портовый город и османский пункт сбора пошлин²⁶.

С построением Тамани был связан османский поход на адыгов весной 1501 г., о котором сообщает русский посол в Крыму Ф. Ромодановский. По его словам, османский наместник Кафы «сее весны посылал ратью людей своих на Черкасы триста человек, да двесте человек Черкас с ними ходили, которые у кафинского служат; ... и Черкасы Турков всех да и черкас тех кафинского салтана людей побили»²⁷. Таким образом, первый после перерыва османский поход закончился поражением османов. Часть адыгов, как показывает историк, служила в Кафе

и выступила на стороне турок; в средневековую эпоху подобное было частым явлением во многих странах.

Осенью 1501 г. адыги нанесли еще один удар османам, отогнав от Азова скот и перебив посланных вдогонку казаков²⁸. Летом 1502 г. кафинские власти организовали новый поход на адыгов (вероятно, западных). В 1504 г. предполагалось двинуться еще дальше, на Кабарду, но в связи со смертью кафинского наместника поход на Кабарду не состоялся²⁹. Из-за временных осложнений между османской администрацией и ханом Менгли-Гиреем крымское войско в походах 1501–1502 гг. не участвовало.

Во втором десятилетии XVI в. происходит первое открытое османо-иранское столкновение, которое, как полагает Некрасов, принесло успех османам. Одновременно возобновляется крымско-османское наступление на адыгские земли; связь его с османо-иранской борьбой несомненна. Главную роль в нем играют крымские войска.

В грамоте русского посла в Стамбул В. Коробова (апрель 1515 г.) имеются сведения, что где-то в предшествующее пятилетие крымские «царевичи ходили Черкас воевати»³⁰. Анонимная «История крымских ханов» XVIII в. сообщает, что хан Менгли-Гирей «заставил... повиноваться и буйный от природы народ черкесский»³¹. Турецкий историк XIX в. Ахмед Джевдет-паша сообщает черкесское предание о подчинении адыгских племен Кемиргой и Бесленей крымскому хану в эпоху султана Баязида II (1481–1512)³². Необходимо учитывать, по мнению Некрасова, резко антирусскую направленность труда этого турецкого историка, специально обосновывавшего законность претензий Турции на земли Кавказа в борьбе против России, однако сопоставление всех приведенных сведений все же позволяет предположить, что между 1510 и 1515 гг. крымский хан организовал поход на адыгов, в результате которого какая-то их часть подчинилась его власти. Отмечается, что Крыму тогда подчинились не все адыги, о чем говорят последовавшие вскоре новые крымские походы в этот район.

В 1518 г. крымский ханыч Бахадыр-Гирей напал на адыгов (вероятно, по Некрасову, на Кабарду), о чем писал в Москву: «ежегодная у нас война Черкасы». Крымский ханыч был разбит и потерял две трети своих людей: по словам русского посла И. Челищева, «Богатырь царевич был ... в Черкасех, и Чаркасы его ... побили; сказывают, ... только треть людей вышла из Черкас»³³.

Несмотря на поражение крымского войска, значительная часть адыгов вступает в вассальные отношения к Крыму. Весной 1519 г. хан Мухаммед-Гирей писал в Москву: «Из Черкас к нам послы приходили, да нам били челом, чтобы мы к ним послали, а они нам хотят дати подать; также где и недруг мой будет, и они на нашей службе со всею ратью хотят быти готовы. И яз к ним посла посылаю»³⁴. По-видимому, многие адыгские правители сочли в это время более безопасным переход под сюзеренитет Крыма, полагая, что это гарантирует им защиту от грабительских набегов. Временное спокойствие, однако, обходилось адыгам недешево: они должны были откупаться от ханов богатыми подарками. Возможно (по Некрасову), что зафиксированный позднейшими источниками «обычай» преподнесения каждому вступающему на престол крымскому хану определенного количества адыгских рабов, отсылавшихся в Стамбул султанам³⁵, восходит именно к началу XVI в.

В это же время султан делает новый шаг по укреплению своей власти на Западном Кавказе – там строятся новые османские крепости. Их строительство было, как полагает Некрасов, следствием утверждения здесь крымского влияния. Весной 1519 г. из Москвы в Стамбул отправилось посольство Б.Я. Голохвастова, одной из задач которого были переговоры с кафинским наместником («санджак», «санчак» в русских источниках). Прибыв 2 июня в Азов, русский посол узнал, что «Сенчак ныне в Кубе, делает город от Черкас ... а крымской ... в Перекопи, а присылал к нему турской, чтоб послал людей своих к Черкасам беречи людей его,

которые город делают в Кубе, и ... посылает детей своих ... а с ними ... отпускает восемь тысяч людей³⁶.

За распоряжением наместника об отправке посла в Стамбул «с грамотою к Сенчаку ездил Темеш Кадышев к Темир-Бугузу, где город делают от Черкас». Как сообщает далее Голохвастов, «Сенчак ... сделав город от Черкас да в Кафу приехал месяца августа 26 день»³⁷.

Таким образом, по Некрасову, османская крепость строилась с весны до августа 1519 г.; строительство вели люди султана, но охрану несло довольно большое крымское войско. Географические названия, упоминаемые Голохвастовым, позволяют точно установить историку, что речь шла о строительстве крепости Темрюк в устье Кубани (Куба здесь явно не город, а река Кубань). Темир-Бугуз («железный залив») – это Темрюкский залив, отсюда и название Темрюк. Эвлия Челеби относит закладку крепости Темрюк к 921 г.х. (15 февраля 1515 г. – 4 февраля 1516 г.) и добавляет, что она, согласно надписи на воротах, была достроена позже, в 925 г.х. (1519 г.). Далее отмечается, что в тех же краях, на острове Адахун, была построена и крепость Кызыл-Таш («Красный Камень»): «и ее также построил в 921 г. Селим-шах I, так как в те времена черкесы-разбойники много раз нападали на этот остров и совершали грабежи и погромы, и потому был указ Селим-хана о возведении этой крепости»³⁸.

В 20-х гг. XVI в. адыги, по мнению А.М. Некрасова, сохраняли установившуюся зависимость от Крымского ханства. После своего вступления на престол крымский хан Саадет-Гирей (1523) сообщил в Москву, что «с сию сторону Черкасы и Тюмень мои ж». О том же писали и крымские беи: что «ныне отвселе к нам грамоты пришли... и от черкасов люди пришли», что с ханом в братстве «и черкасы, и тюменская земля»³⁹. Временное прекращение крымско-османского наступления было связано не только с подчинением адыгов ханам, но и с наступившим перерывом в османо-иранских войнах. Однако уже в начале 30-х гг. крымские правители возвращаются к политике наступления на Западный Кавказ. В материалах русско-крымских отношений сохранились сведения, что весной 1531 г. Саадет-Гирей посылал четверых сыновей с войском «на Нагаи, которые на сей стороне Волги, или на Черкасы на пятигорские»⁴⁰. Неизвестно, состоялся ли поход на земли «пятигорских черкесов» (т.е. кабардинцев), но сам факт того, что он предполагался, говорит о стремлении крымских ханов возобновить прерванное наступление на адыгские земли.

Не исключено, как думает Некрасов, что новые агрессивные замыслы крымских феодалов были в этот период как-то связаны с активизацией внешнеполитической деятельности адыгов, включившихся в борьбу вокруг астраханского престола. Под 1532 г. русские летописи сообщают: «пришед ко Азторокани безвестно Черкасы да Астрахань взяли, царя и князей и многих людей побили и животы их пограбили, и пошли прочь; а на Азторохани учинялся Аккубек царевич»⁴¹. Это событие сразу привлекло внимание соседей, в первую очередь ногаев. Еще 20 лет спустя, в 1551–1553 гг., ногайские мурзы писали Ивану IV, что «Аккубеку царю было прибежище в Черкасех, и они его деля посрамились, да Астрохань взяв и дали ему»; что «Акобек царь с черкасы по женитве в свойстве учинился, и они ему юрт ево взяв дали»; что «Ахкобек царь для своего юрта ездил в Черкасы, и юрт его взяв дали»⁴². Ак-Кубек был сыном большеордынского хана Муртазы, который долгое время являлся правителем княжества Тюменского. Скорее всего, именно через Тюмень первоначально и установились связи претендента на астраханский престол с адыгами. В данном случае речь идет наверняка о кабардинцах: именно они в первую очередь имели возможность организовать поход на Астрахань для возведения на престол свойственника одного из своих князей⁴³. М.Г. Сафаргалиев, думается, был неправ, утверждая, что с воцарением Ак-Кубека в Астрахани стали хозяевами черкесы⁴⁴. В летописном известии специально уточняется, что они «пошли прочь» после возведения Ак-Кубека на престол. В пользу того же

свидетельствует и кратковременность правления Ак-Кубека: уже в 1533 г. он был свергнут – вероятно, ногаями, – и ханом стал Абдул-Рахман⁴⁵.

Именно с вмешательством кабардинцев в астраханские дела следует, как кажется, связывать большой поход ногаев против черкесов весной 1535 г. В материалах русско-ногайских отношений имеется грамота от русского посла в Ногайской Орде Д. Губина, привезенная в Москву 2 мая 1535 г.; в ней, в частности, сообщается, что «Кошум мурза, и Мамай мурза, и Смаил мурза, и Келмагмет и Урак и все мелкие мурзы, собравши людей, сказали, пошли черкас воевать»⁴⁶.

Автор статьи неоднократно в различных публикациях обращал внимание, что приведенные русские летописные свидетельства хорошо сопоставляются с памятниками устной традиции кабардинцев, в частности, с циклом сказаний и историко-героических песен о легендарном витязе Андемиркане⁴⁷.

В 1533–1536 гг. османы осуществили широкое наступление на Иран, захватив обширные территории. Сефевидское государство, не имевшее достаточно сил для мощного контрудара, придерживалось оборонительной тактики. Воспользовавшись мирной передышкой во второй половине 30-х гг., оно приступило к завоеваниям в Закавказье, которые велись шахами с перерывами еще с 1516 г. В 1538 г. войско шаха захватило Ширван.

Состоявшийся вскоре крымско-османский поход на адыгские земли явно был призван противопоставить успехам кызылбашей расширение влияния Крыма и османов на Западном Кавказе. Поход подробно описан в крымской хронике XVI в. «История Сахиб-Гирей-хана» Реммал-ходжи, который сам принимал в нем участие; приводится дата – 946 г.х. (19 мая 1539 – 7 мая 1540 г.). Поскольку, считает Некрасов, имеется указание, что войско Сахиб-Гирея вернулось в Крым за 4–5 месяцев до состоявшегося в октябре 1539 г. набега на Русь, нападение на адыгов можно точно датировать маем–июнем 1539 г. Поход был организован по распоряжению кафинского наместника Халиль-бея, сообщившего Сахиб-Гирею о нападении черкесов на османские крепости «Таманского острова» (т.е. полуострова) и предоставившего суда для переправы через Керченский пролив в Темрюк, а также около сотни воинов-янычар. Ханское войско численностью около 40 тысяч человек через 2 недели подошло к адыгским заграждениям на берегу Кубани, которые оказались непреодолимыми. Хан был вынужден отступить. По возвращении в Крым он отправил к султану гонца с известием о походе⁴⁸. Это показывает, что султан был, без сомнения, заинтересован в состоявшейся экспедиции.

К первой половине XVI в. относится ряд использованных Некрасовым документов из турецких архивов, связанных с упрочением османского влияния на Северо-Западном Кавказе. Так, сохранившиеся реестры доходов и расходов османских владений в этом районе, составленные один не позднее 1519 г., другой – в 1542 г., позволяют ему по некоторым пунктам сопоставить бюджет колоний конца второго десятилетия и начала 40-х гг. XVI в. Один из таких показателей – доходы с местностей Северо-Западного Кавказа. Первый реестр дает общую цифру 95 тыс. османских аспров, второй отдельно фиксирует доходы Тамани (53 219 аспров) и доходы от продажи зерна, скота и от налогов на черкесские товары (31 073 аспра). При этом в 40-е гг. появились новые статьи доходов и расходов: жалованье «черкесским беям» и подушная подать с черкесов (ежегодная сумма подати – 34 692 аспра)⁴⁹. Таким образом, структура доходной части бюджета за 20 лет существенно меняется. Доходы от торговли сокращаются, что свидетельствует о начале упадка адыгской торговли с установлением крымско-османского владычества. Появление же новых статей бюджета, не отмеченных в первом реестре, с торговлей не связано. Очевидно, как доказывает Некрасов, они появились позже 1519 г., а введение их в бюджет османских колоний связано с подчинением крымско-османской власти значительной части адыгов.

В 1545 г. крымский хан предпринимает новое широкомасштабное наступление на земли адыгов. В начале октября этого года в Крым прибыл русский гонец Б. Кийков. Он сообщил в Москву, что «царя в те поры в Крыме не было, ходил на Черкас на далних на Хабартку на Пятигорских, и стоял в те поры идучи назад из Черкас у перевоза против Керчи, затем что было возити нельзе, ветры велики»⁵⁰. Тогда же в Крыму находился литовский посол, приехавший «безо заря, как ходил на ближних Черкас, в великое говенье за три недели до велика дни год будет»; этого посла хан отпустил, «идучи сего лето на далних Черкас на Хабартку»⁵¹. Таким образом, Сахиб-Гирей дважды за один год был в походе на адыгов – весной и осенью 1545 г., первый раз – на западных адыгов («ближних Черкас»), второй раз – на кабардинцев. Подробное описание походов, по свидетельству Некрасова, имеется у Реммал-ходжи. Как и в 1539 г., инициатором весеннего похода был османский наместник Кафы, вновь предоставивший суда для переправы войска через Керченский пролив. В составе ханского войска были янычары, вооруженные огнестрельным оружием, и артиллерия. Удар был нанесен по западноадыгскому племени Жане. Решающую роль сыграла артиллерия, с помощью которой адыгское войско было рассеяно. Осенью, воспользовавшись временем сбора урожая, хан напал на кабардинцев и западноадыгских бжедугов⁵².

В 1546–1547 гг. вновь вспыхивает борьба вокруг Астрахани. У Реммал-ходжи говорится, что «Ямгурчи напал на Ак-Кубека, хана астраханского, и захватил титул хана»⁵³. О том, что Ак-Кубек уже в 1545 г. опять был астраханским ханом, известно из русских источников⁵⁴. Есть сведения, что черкесы теперь поддерживали не его, а Ямгурчи: в 1551 г. один из ногайских мурз писал в Москву, что Агурчи, как когда-то Ак-Кубек, черкесам «в свойстве учинился», и они «ему братство учинили, юрт его взяв дали ж, добр деи»⁵⁵. Получив известие о свержении Ак-Кубека, Сахиб-Гирей двинулся с войском на Астрахань, захватил ее и изгнал Ямгурчи. Главную роль сыграло применение ханом артиллерии⁵⁶. В начале 1550-х гг. Ямгурчи прислал «из Черкас» послов в Москву с просьбой помочь вернуть астраханский престол⁵⁷, однако помощь Ивана IV не помешала ему позже переметнуться на сторону Крыма.

Согласно данным Реммал-ходжи, Сахиб-Гирей после взятия Астрахани сразу вернулся в Крым, где вскоре отбил нападение ногаев. Однако в письме хана Ивану IV после сообщения о разгроме Астрахани говорится: «и как оттоле пошли есмя назад в свою землю, и заходили есмя на Кабантерские черкасы да и дань есмя на них положили и взяли дань, а опосле того ходили есмя на Кайтаки»⁵⁸. Поход на Кабарду и «кайтаков» (т.е. Кайтагское владение в Дагестане) Е.Н. Кушева относит к 1547 г.⁵⁹ Эту дату можно уточнить. Реммал-ходжа отмечает, что известие о смерти казанского хана Сафа-Гирея (умер в марте 1549 г.) было получено в Крыму в 956 г.х. (30 января 1549 – 19 января 1550 г.), «на третий год после разгрома ногаев»⁶⁰. Следовательно, ногаи напали на Крым где-то в начале 1547 г. В этом случае взятие Астрахани Сахиб-Гиреем относится к 1546 г., а последующий поход на Северный Кавказ можно довольно точно датировать концом 1546 г. Сахиб-Гирей сообщил о нем в Москву только в конце следующего года из-за перерыва в русско-крымских отношениях с января по декабрь 1547 г., который зафиксирован в крымских посольских книгах. Отсутствие сведений о кабардинском походе 1546 г. у Реммал-ходжи объясняется, вероятнее всего, тем, что он не участвовал в этой экспедиции.

Поход Сахиб-Гирея на Кабарду 1546 г. не привел к закреплению власти Крыма над ней. Уже летом 1549 г. сторонник Москвы ногайский мурза Исмаил писал Ивану IV, что «Тюмень и Черкасы Кабартейские нам здалися»⁶¹. Подчинившись ногаям, кабардинцы, скорее всего, рассчитывали на защиту от крымских набегов.

В 1551 г., по данным Реммал-ходжи, состоялся поход Сахиб-гирея на хатукаевцев и бжедугов⁶², по возвращении из которого хан был убит присланным из Стамбула в Крым Девлет-Гиреем.

К началу 50-х гг. XVI в. в Восточной Европе происходят серьезные перемены, связанные с борьбой Русского государства против Казанского ханства. В этой борьбе принимали активное участие Крымское ханство, Ногайская Орда, Османское государство.

В.Д. Смирнов, писавший о походе на жанеевцев, предпочел в этом следовать сведениям позднейшей крымской хроники Сейида Мухаммеда Ризы «Семь планет», тогда как данные Реммал-ходжи более достоверны.

Успехи Русского государства в борьбе с Казанью и Крымом сопровождались обращением ряда адыгских правителей в Москву с просьбой принять их «на службу» к Ивану IV. Адыгским посольствам, как думает А.М. Некрасов, скорее всего, предшествовали какие-то первоначальные переговоры. Он предполагает, что контакты адыгов с Москвой были установлены через ориентировавшихся на Русь ногайских правителей. В пользу этого говорит факт подчинения кабардинцев ногаям в 1549 г. Кроме кратких сообщений летописей, в распоряжении исследователей нет материалов, позволяющих судить о деталях русско-адыгских переговоров в Москве. Известно только, что речь шла о защите от крымских набегов. Некрасов высказывает ряд предположений: весьма вероятно, что одним из важных моментов переговоров было предоставление адыгам огнестрельного оружия. Решающий перевес в силах крымскому войску над адыгами (как и над астраханским ханом в 1546 г.) давало обладание именно огнестрельным оружием и артиллерией. Получены они были ханом от султана. Единственным путем приобретения такого оружия для адыгов было обращение к России. Известно, что огнестрельное оружие поставлялось из Москвы в середине XVI в. в Ногайские орды. Возможно, по Некрасову, полученная от ногаев информация сыграла свою роль в решении адыгских правителей обратиться к Ивану IV⁶³.

Подводя итог, можно сказать, что на протяжении всего рассмотренного периода А.М. Некрасов на основе тщательного анализа разнообразных источников выстроил картину давления на адыгские народы со стороны крымских ханов и османских султанов. Оно берет начало с 70-х гг. XV в. и к середине XVI в. вырастает в крупномасштабное наступление. Сведений о прямых русско-адыгских контактах в этот период практически нет, за исключением переписки Ивана III с Захарией де Гизольфи. Однако цели внешней политики Руси и адыгов с конца XV в. объективно сближались – в борьбе с Большой Ордой, с Крымским ханством. Это сближение в конечном счете и подготовило почву для состоявшихся в 50-х гг. XVI в. русско-адыгских переговоров. Восстановление прервавшихся после нашествия Батыева русско-адыгских связей было связано во многом с укреплением Русского государства, в котором адыги видели силу, способную противостоять наступлению крымских ханов и османских султанов.

Научные работы А.М. Некрасова посвящены двум большим темам: международному положению адыгских народов Западного Кавказа до середины XVI в., а также возникновению и эволюции Крымского ханства XV–XVI вв. Они находятся в тесной взаимосвязи. Труды уважаемого историка стали давно историографическим фактом и неотъемлемой частью современного адыговедения.

Примечания

1. *Мейер М.С.* К периодизации истории Турции эпохи феодализма // Вестник Московского университета. Востоковедение. 1977. № 4. С. 10.

2. *Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Очерки истории Турции. М., 1983. С. 40.

3. *Элия Челеби.* Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979. С. 67, 84–86; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 70.

4. *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. Нальчик., 2007. С. 18.

5. *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Т. I. С. 149.
6. *Лавров Л.И.* Кабардино-адыгейская культура XIII–XV вв. // Советская этнография. 1957. № 4. С. 21.
7. Перевод дан А.М. Некрасовым по: *Эрнст Н.Л.* Конфликт Ивана III с генуэзской Кафой // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1927. № 1(58). С. 179. «Зихи» в итальянских источниках – адыги.
8. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. С. 42.
9. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе XIII и XV вв. // Истор. записки. М., 1938. Т. 3. С. 128.
10. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа... С. 42.
11. Там же. С. 52. Поход состоялся, скорее всего, в 1479 г.
12. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 220, 223.
13. Сборник Русского исторического общества (далее: Сборник РИО). СПб., 1884. Т. 41. С. 175–176.
14. Сборник РИО. Т. 41. С. 255, 321, 323.
15. Там же. С. 323, 332–333.
16. Там же. С. 358.
17. *Брун Ф.К.* Черноморье. Одесса, 1879. Т. I. С. 214–216; *Лавров Л.И.* К истории русско-кавказских отношений XV в. // Учен. записки Адыгейского НИИЯЛИ. 1957. Т. I. С. 17–26.
18. *Зевакин И.О., Пенчко Н.А.* Указ. соч. С. 80, 106; *Лавров Л.И.* К истории русско-кавказских отношений XV в. С. 17.
19. Сборник РИО. Т. 41. С. 41, 71–73, 77.
20. Там же. С. 114.
21. Там же. С. 309.
22. Там же. С. 441; *Довнар-Запольский М.В.* Скарбовая книга Метрики Литовской 1502–1509 гг. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1898. № 28. С. 38, 43, 47, 49, 55, 60, 84.
23. *Лавров Л.И.* К истории русско-кавказских отношений XV в. С. 25.
24. Сборник РИО. Т. 41. С. 279.
25. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 338.
26. Сборник РИО. Т. 41. С. 408.
27. Там же. С. 357.
28. Там же. С. 381.
29. Там же. С. 433, 519–520.
30. Там же. Т. 95. СПб., 1895. С. 144.
31. *Негри А.* Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. I. С. 383–384; Менгли-Гирей умер 6 апреля 1515 г.
32. *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 247.
33. Сборник РИО. Т. 95. С. 516–517, 607.
34. Там же. С. 635.
35. *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 348–350, 717.
36. Сборник РИО. Т. 95. С. 667–668.
37. Там же. С. 668, 671.
38. *Эвлия Челеби.* Указ. соч. С. 46, 49.
39. Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА) Ф. 123. Кн. 6. Л. 9, 12 об., 13 об., 14 об.
40. Там же. Кн. 6. Л. 315.
41. Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. VIII. С. 279; Т. XIII. С. 60–61; Т. XX. С. 413.
42. РГАДА. Ф. 127. Кн. 4. Л. 12, 90, 197 об. (продолжение Древней Российской библиотеки, далее – ПДРВ. Ч. VIII. С. 229, 317; Ч. IX. С. 110).
43. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 187.

44. Сафаргалиев М.Г. Заметки об Астраханском ханстве // Сборник статей преподавателей Мордов. пед. ин-та. Саранск, 1952. С. 42.
45. ПСРЛ. Т. VIII. С. 284; Т. XIII. С. 72, 115; Т. XX. С. 441.
46. РГАДА. Ф. 127. Кн. 2. Д. 63 (ПДРВ. Ч. VII. С. 244).
47. Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). Нальчик, 2001. С. 46; *Он же*: Адыги – веки истории. Нальчик, 2008. С. 167–168.
48. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. С. 103–104.
49. Некрасов А.М. Внешнеполитические предпосылки вхождения адыгов в состав Русского государства в первой половине XVI в. // Известия СКНЦВШ. Общ. науки. 1985. № 4. С. 48–49.
50. РГАДА. Ф. 123. Кн. 9. Л. 15 об. – 16.
51. Там же. Л. 28; См. также: Л. 56.
52. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М., 1990. С. 107.
53. Там же. С. 108.
54. РГАДА. Ф. 123. Кн. 9. Л. 27 об.
55. Там же. Ф. 127. Кн. 4. Л. 90 (ПДРВ Ч. VIII. С. 317).
56. Некрасов А.М. Международные отношения... С. 108.
57. Сборник РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 375–376; ПСРЛ. Т. XIII. С. 170; Т. XX. С. 487; Т. XXIX. С. 166.
58. РГАДА. Ф. 123. Кн. 9. Л. 57 об.
59. Кушева З.Н. Указ. соч. С. 187.
60. Некрасов А.М. Международные отношения... С. 109.
61. РГАДА. Ф. 127. Кн. 3. Л. 90. А.М. Некрасов уточняет, что в подлиннике ошибочно л. 100 (ПДРВ. Ч. VIII. С. 127–128).
62. Некрасов А.М. Международные отношения... С. 110 В.Д. Смирнов, писавший о походе на жанеевцев, предпочел в этом следовать сведениям позднейшей крымской хроники Сейида Мухаммеда Ризы «Семь планет», тогда как, по мнению А.М. Некрасова, данные Реммал-ходжи более достоверны.
63. Подробнее см.: Некрасов А.М. Некоторые вопросы истории русско-адыгских отношений в XVI в. // Общность судеб народов СССР: история и современность. М., 1989. С. 193–197.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб, 1884. Т. 41. Под ред. Г.Ф. Карпова.

Т. I. Памятники дипломатических сношений Моск. гос-ва с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. С 1474 по 1505 г., эпоха свержения монгольского ига в России.

1491, май. Грамоты к великому князю Ивану Васильевичу из Крыма: 1) от царя Менгли-Гирея 2) от князя Ромодановского: подробно извещает о дружеских сношениях царя Менгли-Гирея с Султаном турецким, об отношениях крымцев к соседям; о степных делах и о жиде Захарии.

(Д. Крымские)

с. 111. «...А вести, государь, у царя Менгли-Гирея были таковы, что было царем ити за Донец да и за Дон; да идти им было к Черкасом; и язь, господине, слышев то, да царю есми, государь, говорил, чтобы тебя, осподарь, дела великого князя побережи, за ними бы тебе послати, да о том опытати, не пойдут ли цари на великого князя, и князь великими, осподарь, велел тебе говорити, и ты бы, господине шел на Орду».

* Русская посольская документация («посольские книги») является важнейшей группой источников по истории внешней политики Московского царства и соседних государственных образований. Автор публикации считает полезным опубликовать в данном Приложении некоторые извлечения из посольской документации, содержащей информацию о черкесах (адыгах).

1498 г. авг. Посольство к великому князю Ивану Васильевичу от царя Менгли-Гирея с грамотами:

с. 263. «... Ахматовы царевы дети об еманам один не друг стоит. Ныне ча литовскому князю Александру недругом быти надобе тебе.

Да черказской князь Антонон приехал был, тому рать кошевавши хотел есми отпустить в его землю, а в ту пору человек приехал на Стефана воеводу, многая рать княжа Александрова идет молвя, сказать нам приехали; и мы на его сторону сами пощли».

1498 г. Возвращение в Москву Бориса Челищева и ответ на его посольство царя Менгли-Гирея: царь твердо стоит в союз; Александр Литовский присылал послов о мире и в то же время посылает своих послов к недругам в орду Ахматовых детей; в орде Ахматовых детей теперь голод.

(Д. Крымские). № 1, с. 604–614.

с. 279. «...Менгли-Гиреево слово...

Недрузи наши, Ахматовы дети, Ших-Ахмет, к Шамахойской стороне пошли; Сеит Махмут с братом с Багатырем в Астрахань пришли и Абдыл Керим царь в город их не пустил...

Да еще слышали ли будете, Литовская земля много воевана; а ты ведаешь, от твоего слова инаково не будем, молвя, человека послал, а лятцкой король так же, молвя, человека прислал;

Те вести, хвала Богу, лихо в виденье черно учинилось, а истомново дела мне нет, вотчина наша добра здорова стоит, и ныне Богу моляся опроче черкас дела нам нет; а и сами ведаете, Айтек в головах, черкасские князи и люди приехали и поминки привезли...».

1498 г. авг. 19. Посольство к великому князю Ивану Васильевичу от царя Менгли-Гирея: Грамоты к великому князю из Крыма от послов:

с. 255. «А Сю грамоту привез к великому князю Юшко подъячей от Бориса от Одинцова.

«... Да еще государь, сказывают, приходили Черкасы на большую Орду, да побии, государь, сказывают, татар большой Орды добре много. И царь деи, государь, Маахмату под черкасы прожити не мочно, он деи, государь, мыслит пойти на сю сторону Дона».

(Маахмат или Ших Ахмет, царь Ордынский, один из сыновей царя Ахмата, врагов царя Менгли-Гирея и великого князя)».

1498, авг. Посольство к великому князю Ивану Васильевичу от царя Менгли-Гирея с грамотами. Д. Крымские, № 1, с. 570–604.

с. 267. «... А инии князей наших: Тулпарово место, брат его Мусека князь учинился; Апас князь, Кудобердей князь. Как тех наших людей не забывая пришлошь ты ведаешь молвя, с синим нишаном грамоту послал есми...».

1500. апрель. Посольство от великого князя Ив. Васильевича царю Менгли-Гирею с боярином князем Иваном Семеновичем Кубенским (Д. Крымские, № 2).

с. 305. «... Также наши купцы Ивашко Морозов да Шыршик с товарищи сказывают, что пришли в твой городок в Очаков, а в ту пору твои люди воевали Черкасцы Киевские; и которых твоих людей Черкасцы переимали, и твой наместник очаковский Мусека да Ази Баба послали двух Татаринцов просити тех поиманных на окуп...».

с. 310. «... Память князю Ивану. Ехал Федей Оксентьев в Волохи к Стефану к воеводе; и в Очакове городке наместник царев Менгли-Гиреев князь Мусека взял у него пансырь, цена ему семь Рублев, да седло, цена ему 3 рубли, да денег ему за то не заплатил; и князю Ивану за то у Мусеки тех денег просити; и вздаст Мусека, или его тут не будет, и князю Ивану от великого князя и царю о том молвити, чтобы те денги велел заплатити...».

1501, мая 3–30. Грамоты великого князя Ивана Васильевича в Крым к царю Менгли-Гирею и к боярину Ивану Мамонову (Д. Крымские, № 2).

с. 352. «... Да и царицам был есми его послал поминки: ...да Мусеке Черкас Махметеву сыну, Гумпарову брату, да...»

[Как видно изв. О черкесах в сведениях и кочевьях завожской орды около Пятигор, и отношениях ее к кавказским жителям].

1500, авг. Грамоты к великому князю Ивану Васильевичу из Крыма от царя Менгли-Гирея и князя Ивана Кубенского:

с. 323. «... Да пришел государь, из Орды к Менгли-Гирею ко царю служить Ебага улан с братом, Ченбулат Улановы дети, да Кирей Менглишиков сын Китай; а с ними, государь, пришло душ с три тысячи, а голодны и наги добре. А орду, государь, сказывают в Пяти-Горах под Черкасы, а голодну кажут и безконну добре; а меж себя деи, царь, не мирен с братьею». (Кирей, Менглишиков сын Китай, знатный ордынец, приехал служить в Крым)».

1500, окт. Грамота к великому князю Ивану Васильевичу из Крыма: Грамота князя Ивана Кубенского к великому князю:

с. 332. «... А орду, государь, кажут в Пяти-Горах под Черкасы, а голодна деи.

с. 333. безконна добре...».

1501, июля 23. Грамоты к великому князю Ивану Васильевичу из Крыма. (изв. Ив. Мамонова и Фед. Ромодановского).

с. 357. «... А турского нынеча сказывают в во Царигороде; а сын турского Махмет салтан кафинской сее весны посылал ратью людей своих на черкасы триста человек, на двесте человек черкас с ними ж ходили, которые у Кафинского служат; а царев Муртозин сын с Азовскими казаки с ними же ходил вместе на черкасы; и черкасы Турков всех да и черкас тех кафинского султана людей побили; а Муртозин сын утек, а людей у него многих побили».

с. 358. «... а Тюмень и Черкасы Орде недруги, и там ся Орда отвселя блюдетъ, за тем там и не пахали. А слух, государь, таков, что Ши-Ахмет сюды и не хотел, да улусы не захотели быти под Черкасы, и Ши-Ахмет с ними покочевал к Дону...».

1502, янв. 26. Грамоты к великому князю Ивану Васильевичу из Крыма: Ив. Мамонов

с. 380. «... А про Нагаи, государь, здесь сказывают, что сей осени.

с. 381. пять мурз приходили к Асторохани и улусы черные поимали; а под городом стояв семь день да пошли прочь. А к Азову, государь, сказывают приходили черкасы с четыреста человек; а Оуз Черкас и Карабай в ту пору с поля пришли. И черкасы, приход к городу за пять верст, да стали втай, а тридцать человек к городу послали. А те, ехав под Азов, да животину отгнали. И Азовские казаки Ауз Черкасс и Карабай, и всех их человек с двесте, да за теми черкасы в погоню пошли, которые у них животину отгнали; и те их примчали на своих товарищов, где они стояли; и Черкасы Азовских казаков побили сказывают человек с тридцать; а Озовских утекли в город; а Уз Черкас и Коробая сказывают тут же убили...». (Ауз Черкас и Карабай – азовские козаки).

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией.

Т. II. 1508–1521. В кн. «Сборник императорского русского исторического общества». СПб., 1895. Т. 95.

1518 г., авг. 12–37. Возвращение из Крыма Ильи Челищева и прибытие вместе с ним посольство от царя Магмет-Гирея к великому князю Василию Ивановичу с Кудояром мурзой (Д. Крымские).

с. 517. «... Слово наше то: с дядею с нашим Великие Орды с великим царем отец наш Ахмат-Гирей солтан с тобою преднего братства для с уланы и со князми гораздо подумав на твоего недруга на короля многую рать послал, наперед нас...

И с сее сторона из Астарохани недруг наш Бебей солтан на нас пошел, и пришли есмя на Самарское устье на брод и тут есмя недруга своего не нашли, да подумали есмя на черкасы итти, да туд есмя и пошли...»

с. 516. «... ино нам пришла весть, что дел идет у нас из Азторокани недруг наш Бебей солтан, и мы того своего недруга на Дон пошли искати, и найдем своего недруга, и мы любезне к себе домов пойдем, а не найдем, ино ежегодная у нас война черкасы, и мы тех пойдем воевати, молвя, да туд пошли есмя, и тебе бы ведомо было...»

1519, января 19–марта 8. Две присылки грамот из Крыма к великому князю Василию Ивановичу, с извещением от отправления к нему от царя Магмет-Гирею посольством Аппака князя с шертною грамотою.

с. 607. «...А Богатырь царевич был, государь, в Черкасах, а Чаркасы его, государь, побили; сказывают, государь, толко треть людей вышла из Черкас, а два жеребья людей побита».

1519, март–мая 12. Посольство от царя Магмет-Гирея к великому князю Василию Ивановичу с Апаком князем с товарищами, прибывшими с шертною царскою грамотами.

С. 635. «... из Черкасс к нам послы приходили, да нам били челом, чтобы мы к ним послали, а они нам хотят дати подать; также где и недруг мой будет, и они на нашей службе со всею ратью хотят быти готовы».

K.F. Dzamihov

**RUSSIAN AND ADYGSKY CONNECTIONS AND CRIMEAN
AND TURKISH POLITICS IN NORTHERN-EASTERN BLACK SEA
IN THE SECOND PART OF XV – FIRST PART OF XVI CENTURY
IN THE WORKS OF A.M. NEKRASOV**

The article is devoted to the analysis of scientific study by A.M. Nekrasov of the process of mutually beneficial convergence of the Russian and adygsky states in the second part of XV – to the middle of XVI century. These events are presented by the famous caucasiologist of international relations of Ottoman Turkey and its vassal Crimean khanate, Russian state and Circassia in wide context.

Keywords: international relations of XV–XVII centuries, Circassia, Kabarda, Ottoman Turkey, Crimean khanate, Russian state.

А.А. Остахов

ЧЕРКЕСКА КАК ОРУЖИЕ АДЫГСКОГО ВОИНСТВА ДЛЯ ВЕДЕНИЯ МАНЕВРЕННОГО БОЯ (XVIII–XIX вв.)

Автор рассматривает черкеску как индикатор основных тактических принципов адыгского воинства. Проводится анализ разнообразных способов приспособления черкески к принципам маневренного боя. В ходе исследования черкеска показана как сложное и мощное оружие, а не обычный костюм.

Ключевые слова: принципы маневренного боя, легкость массы костюма, пригонка оружия, бесшумность движений, функциональная универсальность оружия.

Среди ярких творений черкесской (адыгской) культуры особое место занимают одежда и вооружение. Они наиболее полно передают всю глубину, масштабность и специфичность ее потенциала, поэтому, без лишнего преувеличения, их можно назвать символами черкесской культуры. Это подтверждают слова известного адыгского просветителя Хан-Гирея: «Черкесы, отстав во всем относительно наук от азиатских народов, превзошли их в одежде и вооружении. Мужская одежда у черкес красотою и удобностию превосходит все одеяния, мне известные, не только в Азии, но даже и в Европе, где просвещение процветает и где все, кажется, должно бы быть лучше, нежели у народа полудикого, стесненного предрассудками, не позволяющими распространять нововведений»¹. Аналогичным образом, он высказывался относительно адыгского оружия: «Всегдашняя военная жизнь черкесов усовершенствовала и искусство их во всем, что касается до оружия: вечная опасность, вечная война и военное тщеславие заставляют их всегда помышлять об устройстве, красоте, **удобности и ловкости оружия**. И действительно, они до этой цели достигли вполне. Всякое лучшего достоинства оружие черкеса, нужное для военной его жизни, носит особенную печать **изящного вкуса**, прочности, красоты, соединенной с удобностию для употребления»².

Адыгский костюм, более известный как черкеска, и вооружение выступали в неразрывном единстве, при этом второе было органичным продолжением первого. Поэтому у многих авторов описание горской одежды плавно переходит к описанию оружия, ибо черкеска без оружия выглядела неполной. В связи с этим в данной статье адыгское оружие будет рассматриваться как составная часть черкески.

Черкеска на протяжении нескольких столетий поглощала основные творческие силы адыгского этноса, превратившись в уникальный продукт его культурного творчества, не имеющий мировых аналогов. В мире не было ни одного костюма, который представлял бы собой столь органичное сочетание, казалось бы, совершенно несовместимых параметров: сложный состав, универсальность, легкость, удобство и изысканная красота. На первый взгляд, перечисленные параметры представляют собой несвязный набор разноплановых характеристик, но при более пристальном их рассмотрении вырисовывается цельная картина базовых принципов черкесского военного искусства. К числу последних относились мобильность, внезапность и военная хитрость, при этом доминирующую роль играла мобильность, тогда как остальные только усиливали ее эффект. Данные принципы красной нитью пронизывали абсолютно все сферы адыгского военного дела: военную организацию, стратегию, оперативное

искусство, тактику, индивидуальный бой, военный костюм и вооружение. Поэтому все выше перечисленные параметры черкески были обусловлены данными принципами, являясь их преломленным отражением.

Мобильность проявлялась в двух основных формах – подвижность и проходимость. Подвижность заключалась в высокой скорости и гибкости действий, которые обеспечивались легкостью массы черкески (костюма и оружия), функциональной универсальностью отдельных ее элементов и особой системой ношения оружия. Черкесский оружейный комплект, состоящий из шашки, кинжала, пистолета и винтовки, по своей массе равнялся весу одного драгунского ружья, принятого на вооружение в регулярной российской армии³. Тонкая работа адыгских оружейников и использование легких композитных материалов (дерево, кость, клей) позволяли минимизировать габариты и массу отдельных конструктивных деталей, что в целом значительно облегчало вес оружия. Поэтому многие авторы, рассматривая отдельные образцы черкесского вооружения, удивлялись их легкости по сравнению с европейскими аналогами и акцентировали свое внимание именно на данном признаке. Так, Т. Лапинский писал о черкесских ружьях следующее: «Ружье – длины обыкновенного европейского пехотного ружья, без штыка; оно **очень легко**, с длинным, узким и слабым прикладом; затвор кремниевый, превосходной и тонкой работы...»⁴. Аналогичным образом он высказывался о черкесском пистолете: «Пистолет – длины обыкновенного кавалерийского пистолета, но **очень легкий**»⁵. В связи с этим адыги широко практиковали традицию переделывания трофейного русского оружия под свои облегченные стандарты. Так, например, у трофейных русских пистолетов они всегда удаляли надкурочный ободок, а у трофейных ружей – полностью заменяли приклад и ложе для ствола⁶.

Основные элементы черкески (штаны, кафтан, бешмет, чекмень) вышивалась из легкого сукна, шелковых и бумажных тканей. Обувь представляла собой суконные чулки без подошв. Ременной пояс и карманы для газырей делались из тонкой кожи, при этом ремень был узким. Все эти моменты значительно облегчали общую массу адыгского костюма.

Другим средством обеспечения высокой подвижности у черкесов была особая система ношения оружия, которая позволяла не стеснять свободу и высокую скорость телодвижений горца, несшего на себе множество видов оружия. Этот момент вызывал недоумение и восхищение у многих авторов, наблюдавших его воочию. Вот что по этому поводу писал С. Броневский: «Трудно представить себе, чтоб воин, столько обремененный оружием, мог сохранить свободное действие в своих членах; однако, увидя черкеса верхом, нисколько неприметно по ловкости его движений, чтобы сей богатырский наряд его беспокоил»⁷. Не менее красочны воспоминания И. Бларамберга: «Можно было бы подумать, увидев воина, столь перегруженного оружием, что его движения должны быть стесненными и неуклюжими, однако черкес на коне со всем этим оружием являет собой пример подвижности, ловкости и прекрасных качеств всадника»⁸. Хан-Гирей считал эту систему ношения оружия одной из уникальных черт черкесского костюма, благодаря которой ему не было равных в мире: «Едва ли есть народ, в котором каждый воин имел бы на себе столько оружия, сколько имеет каждый воин-черкес. Он с ног до головы покрыт и обвешан доспехами. Но все это так хорошо пристроено, что ни одна вещь не мешает ни его ловкости, ни проворству. <...> Эти прекрасные стихи знаменитого русского певца кавказского пленника показывают простоту, удобность и ловкость черкесского оружия и одежды мужчин; и действительно, одежда и вооружение черкеса в своем роде превосходны»⁹.

Наряду с этим адыгская система ношения оружия (ружье, пистолет, шашка) обеспечивала молниеносную скорость его боевого применения. У черкесов бытовала традиция ношения ружья в бурочном чехле, выполнявшая ряд функций: защита ружья от сырости и ржавчины, исключение брэнчания в походе, экономия

сил воина и легкость вытаскивания в условиях боя¹⁰. Но основным ее назначением было обеспечение высокой скорости стрельбы в условиях кавалерийского боя. Это подтверждается словами Ф. Торнау: «Винтовку черкес возит за спиной в бурочном чехле, из которого он ее выхватывает в одно мгновение. Ремень у винтовки пригнан так удобно, что легко зарядить ее на всем скаку, выстрелить и потом перекинуть через левое плечо, чтоб обнажить шашку»¹¹. Аналогичного мнения придерживался Т. Лапинский, утверждавший, что за счет данной системы ношения ружье «может быть с такой же легкостью вытащено из чехла, как сабля из ножен»¹². Механизм вытаскивания ружья из чехла был следующим: на полном скаку всадник, слегка потянув специальный шнур, открывал отверстие в основании чехла, после чего ружье вываливалось из него, а воин быстро его подхватывал и начинал стрелять¹³. Эта метода отличалась простотой и молниеносной скоростью, что позволяло черкесским всадникам на полном скаку вести стрельбу по целям на самых близких дистанциях (20 шагов). Использование газырей и их размещение на груди позволяли ускорить процесс перезарядки ружья и тем самым повысить скорострельность.

Конструкция черкесского пистолета, приспособленная для левой руки, и его ношение путем затыкания за пояс, обеспечивали высокую скорость его применения в бою. Леворучная конструкция позволяла выиграть дополнительное время, крайне важное в кавалерийской схватке на близких дистанциях, где счет нередко шел на доли секунды: одновременное использование пистолета левой рукой, а шашки – правой, позволяло не совершать одной и той же рукой лишних телодвижений на его вкладывание обратно и последующее вынимание шашки, что сильно экономило время. Помимо этого, отсутствие надкурочного ободка позволяло мгновенно положить палец на курок, не затрачивая времени на его просовывание в отверстие.

Особый интерес представляет собой способ ношения шашки: она носилась на левом боку лезвием вверх, будучи зафиксированной на поясной или плечевой портупее свисающей вдоль левой ноги. С одной стороны, он обеспечивал горцу свободу действий: шашка не болталась и не мешала телодвижениям при верховой езде и быстрой ходьбе по любому ландшафту. С другой стороны, он гарантировал молниеносную скорость удара: черкес мог одним движением вынуть шашку из ножен и, не меняя положения руки, сразу же нанести удар. Данный момент был большим подспорьем в конных и пеших рукопашных схватках, особенно при внезапных нападениях¹⁴. Дополнительным средством увеличения скорости обнажения шашки был воротничок, установленный у самого устья шашечных ножен, из-за этого шашка утопала в ножнах по самую головку рукоятки. Воротничок позволял без ошупи сразу установить ребро ладони под головкой рукоятки¹⁵.

Помимо свободы и высокой скорости телодвижений, описанная система ношения оружия обеспечивала свободу движений. Благодаря этому адыгский воин в бою был проворен как кошка, что придавало его действиям неповторимый оттенок и позволяло выпутаться из любой сложной ситуации. Одну из таких описал Э. Спенсер: «Если лошадь убита, черкесу это безразлично вследствие прекрасного обычая привязывать все оружие к себе, и его **ловкость** такова, что он в общем **уклоняется** от всякой попытки разорубить себя, разве только значительными силами. Даже если он окажется без лошади, он не упустит случая **прыгнуть**, как **тигр**, на лошадь своего противника и стащить всадника в пыль»¹⁶. Даже бурочный чехол, который на первый взгляд, казалось бы, сковывал движения воина из-за своих габаритов, на самом деле несколько их не ограничивал. Так, например, спешенный горец мог на бегу достать из него ружье и выстрелить. Этот момент был упомянут М.Ю. Лермонтовым в повести «Бэла»: «...заревел он (Казбич. – О.А.) и опрометью бросился вон, как дикий барс. В два прыжка он был уж на дворе; у ворот крепости часовой загородил ему путь ружьем; он перескочил через ружье и кинулся бежать по дороге... Вдали вилась пыль – Азамат скакал на лихом Карагезе ...на бегу Казбич выхватил из чехла ружье и выстрелил...»¹⁷.

Помимо этого высокая подвижность обеспечивалась функциональной универсальностью таких элементов черкески, как бурка, башлык и кинжал. Наибольшей полифункциональностью обладала бурка: в процессе похода она использовалась как походный плащ, защищавший горца и его оружие от дождя, ветра, солнца, пыли и снега; во время ночлега она служила одновременно подстилкой и одеялом, а в случае необходимости из нее сооружали палатку; во время боя она использовалась в качестве щита или носилок для переноса тел раненых и павших воинов. Лучшее всего по этому поводу высказался И.Д. Попко: «Способная к накидке и назад, и вперед, и на бок, она ограждала всадника, с какой бы стороны ни была на него непогода, прикрывала и предохраняла от дождевой мокроты лук, колчан со стрелами, огнестрельное оружие, сумы в тороке и руку, державшую поводья, она же, будучи войлоком, представляла упругую защиту и против сабельных ударов, и против уколов пики, стрелы; а при горячем отступлении или наступлении, когда уже не думают о препятствиях, если было нужно броситься с кручи в реку, не выходя из седла, она мгновенно накидывалась на глаза коню»¹⁸. На Северном Кавказе было множество видов бурок, различавшихся по плотности, легкости, длине ворса и водонепроницаемости. Самыми теплыми и прочными считались андийские бурки, а самыми легкими и плотными – кабардинские¹⁹. Это объясняется тем, что у андийцев, живших высоко в горах и сражавшихся в пешем строю, приоритеты высокой мобильности не стояли так остро, как у кабардинцев, живших на равнинах и сражавшихся преимущественно в конном строю.

Башлык, с одной стороны, использовался одновременно как капюшон и шарф, защищавший горца во время похода от дождя и снега. С другой стороны, он выступал как вспомогательный боевой элемент, будучи маской, скрывавшей лицо воина, доспехом, защищавшим ничем не прикрытую шею и повязкой для фиксации раненой руки.

Кинжал также выступал как многофункциональное боевое и небоевое средство. Во время боя он использовался в качестве колющего, режущего, рубящего, метательного и защитного оружия. Последний момент был подмечен Э. Спенсером: «...кинжал <...> является самым внушительным оружием в открытом бою; во время атаки они держат его в левой руке и от его ширины, длины, достигающей локтя, он служит **щитом** во всех отношениях»²⁰. Вне поля боя черкесский кинжал применялся в качестве кухонного ножа для разделки мяса, лопатки для рытья ям и траншей, а также в роли хирургического инструмента²¹.

Другой формой проявления принципа мобильности была проходимость, обеспеченная приспособленностью черкески к любым ландшафтным и погодным условиям. Благодаря черкеске, дополненной башлыком, буркой и овечьим полушубком адыгский воин становился настоящим вездеходом, который в любое время года и в любую погоду преодолевал степи, реки, леса, пустыни и горы. Единственно, нужно было только поменять кожаные чуваки на прочную обувь из грубого сукна, дополненную теплыми ноговицами²². Согласно В. Немировичу-Данченко, обувь играла большую роль в повышении уровня проходимости черкесских воинов, особенно в условиях горного ландшафта: «Эта обувь позволяет кабардинцу одолевать почти отвесные скалы. Ноги его гибки, а сафьян чувак несколько не мешает им пользоваться малейшей трещиной, щелью, выступом камня... Поэтому наши солдаты часто изумлялись, видя, как во время ожесточенного преследования кабардинцы вдруг кидались на казавшиеся неодолимыми кручи и, как мухи, под вражьими выстрелами взбирались на них, скрываясь за гребнями утесов...»²³.

Доказательством всему этому служит грандиозный рейд кабардинской кавалерии под командованием Горича-старшего по Закубанской Черкесии для флангового прикрытия отряда генерала П.А. Текелли (1787 г.): кабардинские всадники проникли в труднодоступные горные ущелья, покрытые густым лесным покровом, и привели в покорность абазин, бесланеевцев, башильбаев и

кипчакских татар, а затем совершили марш-бросок через горные хребты и вышли к побережью Черного моря, прямо к Суджук-Кале²⁴.

Другим ярким примером служит поход закубанских черкесов в Кабарду в 1825 г., когда адыги (шапсуги, абадзехи, беглые кабардинцы), после разорения ст. Солдатской, отступили в Чегемское ущелье и совершили «баснословный переход» через ледники Главного Кавказского хребта, который позволил им вырваться из окружения и спуститься к р. Лабе, минуя русские войска в верховьях Кубани и Малого Зеленчука²⁵.

Не менее масштабным был рейд Джембулата Болотокова в июне 1828 г., когда черкесская панцирная кавалерия, пройдя степи Ставрополя и Кабарды, вернулась в Закубанье через высокогорья Карачая²⁶.

Основными факторами реализации принципа внезапности были скрытность и бесшумность действий. Скрытность действий обеспечивалась за счет широкого использования адыгами темных цветов для своего костюма и вооружения, благодаря которым они буквально растворялись в ночной мгле и сливались с лесным или горным ландшафтом, становясь невидимыми для противника. Это позволяло горцам устраивать засады, игравшие ключевую роль в их тактике, скрытно пробираться сквозь кордонную линию, незаметно приближаться к неприятелю, подвергая его неожиданным ударам, и прятаться от погони. Черкеска для повседневного ношения и боевых походов изготавливалась из бурого, черного и серого сукна, тогда как парадная делалась из белого. Аналогичный подход использовался при изготовлении папах. Боевой кинжал был полностью черного цвета: рукоятка делалась из черного рога, ножны покрывались черной кожей, а декоративные металлические пластины отсутствовали²⁷. Аналогичным образом затемнялась шашка: ножны обтягивались черной кожей, декоративные металлопластины не использовались, поясные подвески для ножен были кожаными (без металлических колец), а рукоятка выделялась из черного рога; в случае когда рукоятка облачалась в металлическую оправу, то ее поверхность покрывали густым черненным орнаментом, который «приглушал» блеск металла, дабы «вражеское око на ясной сбруе не играло»²⁸. Ружейный чехол изготавливался из темной войлочной ткани, а также из черной козьей или барсучьей шкуры. Деревянная ложа пистолета оклеивалась черной ослиной кожей²⁹. Кольчуга носилась под черкеской, скрывавшей ее блеск. Э. Спенсер оставил интересное воспоминание по этому поводу: «Почти все князья и аристократы носят под своими платьями легкие жилеты-кольчуги, особенно во время грабительских вылазок. <...> Поэтому я часто видел их самых могущественных вождей, экипированных для боя или занятий в лагере, кольчуга которых сверкала через дыры в одежде»³⁰.

Бесшумность достигалась за счет особой пригонки оружия. Многие авторы в своих трудах не без восхищения обращали внимание на данный момент. Так, В. Немирович-Данченко писал по этому поводу: «Оружие было пригнано так, что ступай кони по мягкой земле, враг в пяти шагах не различил бы приближения горцев. Ружья лежали в бурочных чехлах, кинжалы не стучали о пистолеты, пистолеты не сталкивались с шашками, шашки висели, не встречаясь со стременами, обувь у всех была мягкая, кованых каблучков ни у кого, так что и стремяна не звучали под ногами всадников. Смерть таилась в зловещей тишине. «Подступай к врагу, как лисица, и нападай на него, как раненый кабан», – говорит горская пословица»³¹. Не менее интересная цитата принадлежит В.А. Потто: «Несмотря на то что черкес с ног до головы обвешан оружием, оно пригонялось так, что одно не мешало другому, ничто не брнчало, не болталось... Его шашка, упрятанная вместе с рукояткой в сафьянные ножны, не издает ни малейшего звука; винтовка, скрытая в черном косматом нагалище, как молния в туче, не блеснет до тех пор, пока не грянет громом выстрела; его чувяк, мягкий и гибкий, как лапа тигра, ступает неслышно, и нет чуткого уха, которое издали могло бы услышать шелест приближающегося горца: его конь, охлажденный ножом легчителя, не

ржет на засаде; самый язык его, скудный гласными и созданный из односложий, не имеет звуков при сговоре на ночное нападение...»³². Такая пригонка оружия позволяла совершать бесшумные марши многотысячному адыгскому войску, о чем писал Т. Лапинский: «Ничто не может сравниться с осторожностью и тишиной, с которой движется такой корпус, состоящий часто из многих тысяч человек. Их легкая походка и легкая обувь, темная одежда, оружие в чехлах – все благоприятствует ночному походу»³³. Другими словами, благодаря всему этому черкесские воины действовали словно привидения, появляясь неизвестно откуда и исчезая неизвестно куда.

В заключение стоит отметить: основные характеристики адыгского костюма и вооружения (черкески) обеспечивали реализацию базовых оперативно-тактических принципов горцев – мобильности и внезапности. Мобильность проявлялась в двух основных формах: подвижность и проходимость. Подвижность обеспечивалась легкостью массы черкески, функциональной универсальностью отдельных ее элементов (бурки, башлыка, кинжала), позволявшей избежать лишних предметов, и особой системой ношения оружия, которая обеспечивала свободу, высокую скорость, гибкость и проворство телодвижений горца, а также молниеносную скорость действия оружием. Проходимость обеспечивалась приспособленностью черкески к любым ландшафтным и погодным условиям. Внезапность осуществлялась за счет скрытности и бесшумности действий. Скрытность достигалась за счет темных цветов адыгского костюма и вооружения, а бесшумность обеспечивалась особой пригонкой оружия. Благодаря этому черкесский воин действовал подобно призраку-невидимке. Все это свидетельствует о том, что черкеска была предназначена для ведения маневренного боя.

Примечания

1. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 241.
2. Там же. С. 267.
3. Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С. 242.
4. Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 139.
5. Там же. С. 140.
6. Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. перев., введ. и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 499; Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 55, 72.
7. Броневский С.М. Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. СПб., 2004. С. 164.
8. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 135.
9. Хан-Гирей. Указ. соч. С. 248.
10. Лапинский Т. Указ. соч. С. 139.
11. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2000. С. 165.
12. Лапинский Т. Указ. соч. С. 139.
13. Личный архив Яхтанигова Хасана Хабасовича.
14. Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. М.–Нальчик, 1995. С. 29; Дубровин Н. Черкесы (адыге) // Документы и материалы по истории адыгов. Нальчик, 1991. Вып. 1. С. 14.
15. Наков Ф.Р. Черкесское (адыгское) клинковое оружие: дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2004. С. 109.
16. Спенсер Э. Указ. соч. С. 44.
17. Лермонтов М.Ю. Бэла. Нальчик, 1983. С. 21.
18. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту // Черноморские казаки. М., 2009. С. 110–111.

19. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. М., 1989. С. 83–84.
20. Спенсер Э. Указ. соч. С. 22.
21. Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость: Исторический очерк. Нальчик, 2008. С. 46.
22. Бларамберг И. Указ. соч. С. 44.
23. Немирович-Данченко В.И. Горе забытой крепости // Немирович-Данченко В.И. Избранные произведения в двух томах. Нальчик, 1998. Т. 2. С. 256.
24. Потто В.А. Кавказская война. М., 2006. Т. 1. С. 125–126.
25. РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 135. Л. 55; ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 5. Л. 50; Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 414–415; Потто В.А. Кавказская война... Т. 2. С. 412.
26. Потто В.А. Кавказская война... Т. 5. С. 257–270.
27. Наков Ф.Р. Указ. соч. С. 135.
28. Яхтанигов Х.Х. Экспонаты повествуют. Нальчик, 1984. С. 41.
29. Аствацатурян Э.Г. Указ. соч.
30. Спенсер Э. Указ. соч. С. 66, 88.
31. Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. С. 62–63.
32. Потто В.А. Кавказская война... Т. 2. С. 285–286.
33. Лапинский Т. Указ. соч. С. 170.

A.A. Ostahov

**THE CIRCASSIAN SUIT AS WEAPON OF ADIGA'S WARRIORHOOD
FOR CONDUCT OF MANEUVERABLE COMBAT (XVIII–XIX CENT.)**

The paper considers the Circassian suit as indicator of basic tactical principles of Adiga's warriorhood. The analysis of the various methods of adaptation Circassian suit to the principles of maneuverable combat is conducted. During historical research the Circassian suit is shown as difficult and powerful weapon, but not as simple suit.

Keywords: principles of maneuverable combat, lightness of suit, fitting of weapon, quietness of weapon, functional universality.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 316 (470.6)

Б.Х. Бгажноков

О ДВУХ ПОДХОДАХ В ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ (По материалам исследований в Кабардино-Балкарии)*

По мнению автора, качество жизни как интегральная характеристика социального пространства складывается из объективных и субъективных факторов человеческого существования. Особое внимание уделяется в связи с этим определению и эвристической ценности такого понятия, как социальное самочувствие.

Ключевые слова: качество жизни, бедность и богатство, относительная депрекация, социальное и этническое самочувствие.

Объективные индикаторы качества жизни

К числу объективных индикаторов уровня и качества жизни относят обычно продолжительность жизни, грамотность, занятость населения, количество убийств и самоубийств, детскую смертность, соблюдение прав человека, здоровье, жилищные условия и т.д. Обычно именно эти показатели используются при расчетах индекса человеческого развития и социального благополучия стран и народов мира.

Дополнительно к этому учитываются показатели, характеризующие покупательскую способность доходов, неравенство в потреблении, уровень коррупции, прирост или сокращение населения, число жертв ДТП, досуг и его проведение, обеспеченность товарами длительного пользования, состояние окружающей среды, темпы автомобилизации и компьютеризации и т.д. Учитывается статистика распространения болезней и, прежде всего, болезней социального неблагополучия: туберкулеза, алкоголизма, наркомании, токсикомании. Информация такого рода даже независимо от степени ее достоверности оказывает сильное воздействие на общественное мнение и настроение.

Особое внимание уделяется выявлению общей доли бедного населения. По данным 1999–2000 гг. в России она достигала в среднем около 45%, но в разных федеральных округах была либо гораздо ниже, либо еще выше этой отметки. Наибольшая доля бедного населения (50 % и выше) приходилась на Южный и Сибирский федеральные округа¹.

Многое зависит и от того, как выявляется или рассчитывается бедность. В 1990 г. Всемирный банк установил для всех развивающихся стран единый порог бедности – 1 доллар США на человека в день; для стран Восточной Европы, включая Россию, – 4 доллара². Чтобы выявить, наряду с этим, глубину и остроту

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 13 – 06 – 00666, «Методика выявления и анализа факторов, сдерживающих устойчивое развитие Северокавказского региона (на примере Кабардино-Балкарии)» на основе доклада «Нравственная экология малых обществ», сделанного на международном симпозиуме «Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели».

бедности в 1997 г. был введен так называемый индекс человеческой бедности, включающий данные о доле 1) неграмотного взрослого населения, 2) населения, живущего менее 40 лет, 3) не имеющего доступа к питьевой воде и медицинскому обслуживанию, 4) детей младше пяти лет, страдающих от недоедания. Данные по некоторым регионам России в этом смысле неутешительные. Например, в Корякском автономном округе средняя продолжительность жизни составляла всего 38 лет. Однако, что касается доли функционально неграмотного взрослого населения (с отсутствием навыков чтения и письма, необходимых в повседневной жизни), то здесь даже в США дело обстоит хуже, чем в России. По данным 1997 г. около 40 млн взрослых американцев не имели базовых навыков чтения и письма, что составляло около 21% населения³.

Судя по всему, представления о бедности россиян несколько преувеличены. Россия сравнительно богатая страна, по уровню ВВП (внутреннего валового продукта) на душу населения она относится к числу стран со средним, а не низким уровнем доходов. Даже по расчетам 1999 г., то есть сразу после дефолта, на каждого россиянина приходилось 7473 доллара, что было заметно больше, чем в таких странах как Бразилия, Таиланд, Литва, и в два раза больше, чем в Китае. В США ВВП на душу населения по этим данным составлял в 1999 г. 31 872 доллара⁴, что также не достигает принятого ООН эталона 40 000 долларов.

О качестве жизни в Кабардино-Балкарии

По уровню абсолютной бедности (когда недостаток ресурсов угрожает жизни человека) США, возможно, опережает Россию. Такое впечатление складывается у многих россиян, эмигрировавших в США. Недавно такое мнение высказала мне приехавшая побывать на Родине, в Кабардино-Балкарии, одна из наших бывших коллег, давно проживающая в США. «В Кабардино-Балкарии, как и во всей России, все жалуются на низкий уровень доходов, кажется, лишь в силу традиции, потому что так принято, – заявила она. – Но вы не знаете настоящей бедности, нищеты и безысходности, с которой я часто сталкиваюсь в Америке. По тому, что я вижу в г. Нальчике, совсем не скажешь, что бедных здесь больше, чем в Нью-Йорке».

Конечно, это лишь некоторое общее впечатление, сложившееся, видимо, под влиянием прогулки по весеннему Нальчику. С середины 90-х гг. Кабардино-Балкария прочно занимает последние места в Российской Федерации по валовому региональному продукту, числу фермерских хозяйств, развитию малого бизнеса, темпам автомобилизации, строительству жилья, размеру среднемесячной зарплаты, то есть практически по всем главным позициям, определяющим экономическое и социальное развитие региона⁵.

Никаких сколько-нибудь заметных положительных сдвигов не наблюдается и в последние годы. В рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ республика занимала 75-е место по итогам 2011 г., 78-е место – по итогам 2012 г., 77-е место – по итогам 2013 г.⁶ Аналогичным образом распределяются места республики в рейтинге регионов по качеству жизни⁷. При этом особенно низкими являются показатели экономического развития и развития малого бизнеса. По этим показателям в 2013 г. Кабардино-Балкария находилась на 79-ом месте в общем списке субъектов РФ⁸. А по доле прибыльных предприятий – на 65-ом месте.

Рейтинг Кабардино-Балкарии по качеству жизни среди субъектов РФ в 2013 г.

Уровень доходов населения – 76
Жилищные условия населения – 39

Обеспеченность объектами социальной инфраструктуры – 77
Экологические и климатические условия – 9
Безопасность проживания – 68
Демографическая ситуация – 43,3
Здоровье населения и уровень образования – 17
Освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры – 40
Уровень экономического развития – 79
Развитие малого бизнеса – 79
Место в рейтинге регионов России – 77

Как видим, при крайне низком уровне экономического развития и доходов населения (79 и 76 позиции) в республике прекрасные экологические и климатические условия (9 место в рейтинге регионов), схожие с условиями Швейцарии. Достаточно высоки показатели здоровья и уровня образования населения (17 позиция). Обращают на себя внимание и другие, сравнительно хорошие показатели: жилищные условия (39 место), более или менее развитая транспортная инфраструктура и освоенность территории (40 место).

Все это свидетельствует о том, что сравнительно хорошие базовые условия республики не используются достаточно разумно, грамотно, с вниманием к нуждам людей. Число безработных только по официальным данным, озвученным министром экономики КБР, достигало в 2004 г. 75 тыс. человек – четверть от всего трудоспособного населения⁹, что было тогда в 2,5 раза выше, чем в среднем по России, и почти в 40 раз, чем, к примеру, в Москве. Согласно официальным данным, в 2013 г. уровень безработицы составлял 10,5% к общему числу трудоспособного населения (76-е место в рейтинге регионов РФ). Но реально общее число безработных в Кабардино-Балкарии гораздо больше и едва ли уменьшилось в течение последних десяти лет.

Среднемесячная начисленная заработная плата жителей республики также одна из самых низких в стране – 13 тыс. в 2011 г., 16 тыс. в 2012 г., 19 тыс. в 2013 г. В 2014 г. – снова лишь 19 тыс. Доля работающих с зарплатой менее 9 тыс. рублей составила в 2013 г. 30,4 %. Фактически это доля трудящегося населения, находящегося за чертой бедности. Или близко к этой черте. Попросту говоря, это нищие, так как растяжимая сумма ниже 9 тыс. рублей не всегда покрывает даже величину прожиточного минимума, приближаясь чаще всего к минимальному размеру оплаты труда (МРОТ), равному 5,960 тыс. рублей 20 августа 2014 г. Правительство КБР установило величину прожиточного минимума для населения Кабардино-Балкарии в размере 7,156 тыс. рублей (Постановление № 186-ПП). Ясно, что на эти деньги можно только выживать, но жить в сколько-нибудь сносных условиях невозможно. К тому же десятки тысяч жителей республики не имеют в своем распоряжении даже этой мизерной суммы.

В последние годы численность бедных слоев населения растет еще и по той причине, что рост денежных доходов населения не поспевает за ростом цен. По тому, как относятся денежные доходы населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, позиция Кабардино-Балкарии, постоянно снижаясь, оказалась в 2013 г. на 77-ом месте.

Тем не менее в Кабардино-Балкарии, как и во всей Российской Федерации, наибольшее распространение имеет не абсолютная, а относительная бедность, когда большинству населения недоступны ресурсы и образ жизни, ставшие для отдельных групп общества обычным, само собой разумеющимся явлением: роскошный особняк с сауной и бассейном, дорогой автомобиль, поездки для отдыха на фешенебельные отечественные и заграничные курорты и т.д. Отсюда так называемая *относительная депривация*, обусловленная тем, что люди оценивают степень своего благополучия в сравнении с благополучием тех, кто находится с ними в едином социальном пространстве.

Понятно, что этому способствует в немалой степени нарастающее избыточное неравенство, когда из экономического роста богатые получают долю, в десятки раз превышающую доходы не только самых бедных, но и всех других россиян. На фоне внушенной еще при социализме идеи справедливого, равного распределения благ и особенно в условиях малого общества, каким является Кабардино-Балкария, такое положение болезненно воспринимается массой сравнительно бедного и беднейшего населения. Люди чувствуют себя несчастными, обманутыми, брошенными. Между тем в некоторых других странах, например, в Индии, массовая бедность населения не вызывает социальную апатию и пессимизм, не выплескивается, как на Западе или у нас в России, в преступность и насилие. Для индийца бедность – обычное явление, его долг или удел (дхарма), который он принимает смиренно, даже радостно.

Культурно-психологический подход, как мы видим, плохо согласуется с логикой традиционно материалистического подхода к качеству жизни, с принципом, согласно которому какими бы разными ни были представления людей о благополучии и счастье, есть общие для всех стандарты хорошей жизни, способные удовлетворить базовые человеческие потребности. Однако едва ли уместно жестко унифицировать и навязывать такие стандарты. Будучи одной из главных тенденций современной глобалистики, это порождает конфликты и взаимное недоверие между сторонниками различных концепций общественного блага.

Социальное самочувствие

Концентрация внимания на самочувствии людей позволяет преодолеть односторонность объективистского подхода к качеству жизни. Самое главное – увидеть, что ощущение благополучия, душевного равновесия и комфорта возникает в столкновении наличного социального бытия с проектным, желаемым, во взаимодействии социальных ожиданий с реальностью. *Социальное самочувствие – субъективное переживание бытия, зависящее не только от объективных характеристик экзистенциального пространства, но и от сформировавшихся в ходе социализации субъективных представлений о счастье, успехе, социальном благополучии.* Акцентируя на этом внимание, некоторые западные психологи и социологи вводят понятие психологического¹⁰ или субъективного благополучия¹¹. Выясняется, что между объективными данными о благополучии и субъективными переживаниями благополучия нет жесткой и прямолинейной связи. Так, в одном из сравнительных исследований такого рода обнаружилось, что по совокупности объективных социальных индикаторов (доход, здоровье и т.д.) Австрия набирает 71 балл, а Нигерия – только 30. Тем не менее показатели субъективного благополучия в этих странах различаются лишь на 2 пункта¹².

Специфика *социального самочувствия* в том, что преобладает здесь внешний локус контроля, при котором люди видят источник своих переживаний в социальном окружении, в том, как воздействуют на них другие люди и общество в целом. Что же касается физических или органических самоощущений, то здесь доминирует внутренний локус контроля, когда в качестве причины этих самоощущений выступают для человека состояние собственного организма. Оставаясь в тени или выдвигаясь на первый план, физическое самочувствие сопровождает или дополняет социальное, то усиливая, то ослабляя его.

Структурной единицей социального самочувствия являются переживания, возникающие у человека в ответ на значимые для него события тесно взаимосвязанной общественной и личной жизни: увеличение зарплаты, повышение или понижение по службе, конфликт в семье, замена льгот на социальные выплаты,

переезд в другой город, смена профессии и т.д. Бесчисленное множество психических реакций, возникающих под воздействием такого рода фактов, методично откладываясь в эмоциональной памяти людей, и образуют социальное самочувствие. Иными словами, это *окрашенная в чувственные тона интегральная характеристика и субъективная оценка человеком своего существования в социальном мире*. Через социальное самочувствие личность соотносит себя с обществом, «врастает» в него, и только таким образом общество «врастает» в человека и влияет на его поведение. Параметры социального самочувствия отдельных людей являются, вследствие этого, характерными свойствами общества, в пространстве которого они находятся. Речь идет, иначе говоря, о механизме или органе, который задает определенный тон функционированию социальной системы, придает ей определенную направленность.

Слово «чувство» используется в этом контексте не в смысле какой-либо спонтанной или сиюминутной эмоциональной реакции или быстро меняющегося настроения, а как относительно устойчивое переживание человеком своего бытия и условий своего существования. Это не столько эмоциональное состояние, сколько умонастроение или убеждение. Поэтому более уместно было бы говорить даже не о чувствах в прямом смысле слова, а о *чувственном тоне мыслей*, которые рождаются и постоянно воспроизводятся у человека во взаимодействии с социальным окружением. *Самочувствие – концентрированное выражение самосознания, специфическая характеристика его направленности*.

Термин «социальное настроение», используемый некоторыми социологами¹³ в этом смысле, менее удачен. Настроение – лишь момент самочувствия, не способный повлиять на общую направленность самосознания и самоанализа. Каждый может проверить это на своем собственном опыте, который безошибочно подсказывает, что *настроения проходят, а самочувствие, как совокупность более глубоких и значимых переживаний, связанных с самооценкой личности, остается*. Русский язык хорошо отображает такое различие. Указывая на склонность субъекта к быстрой, неожиданной и не вполне понятной смене мнений и отношений под влиянием эмоций, говорят «человек настроения». Такое свойство оценивают всегда негативно, как симптом поверхностного ума или как аномалию, противопоставляемую относительно постоянству и достаточной аргументированности социальных, моральных или эстетических чувств и предпочтений. О многом говорит здесь и тот факт, что слово «настроение» используется в русском языке как в единственном, так и во множественном числе, передавая тем самым множественность и быструю смену подобных состояний. В отличие от этого слово «самочувствие» фактически не имеет множественного числа. Оно характеризует относительно постоянное самоощущение человека.

Самочувствие, как явствует из сказанного, является одним из главных критериев качества жизни, что обязывает более внимательно отнестись к внутренней логике и структуре переживаний человека.

К примеру, своеобразна и очень сложна логика воздействия здоровья на социальное самочувствие. И дело не только в том, что физическое и психическое здоровье поднимают общий тонус организма, а болезни – снижают. Вплетаясь в общую ткань самосознания личности, ощущение здоровья, внутренней энергии и полноты жизни существенно влияет на восприятие мира, на свое место и предназначение в нем. А. Маслоу в связи с этим особенно выделяет относительную независимость от социального окружения, которую обнаруживает физически и психически здоровая личность, ее уверенность в себе и внутреннюю, психологическую свободу. В отличие от этого, болезненный и особенно страдающий неврозом организм «более зависим от других людей и менее автономен и самостоятелен – в большей степени сформирован природой окружения, и в меньшей – своей собственной внутренней сущностью»¹⁴. Фактор

общей самооценки и культуры играет здесь важную роль, оказывая обратное – позитивное или негативное – воздействие на физическое самочувствие. Поэтому правильно замечено, что здоровье необходимо рассматривать не только как функцию состояний нашего организма и параметров окружающей среды, но и в зависимости от того, «как мы понимаем самих себя»¹⁵.

Этническая составляющая социального самочувствия

Никто не сомневается, что самочувствие населения и в целом духовная атмосфера современного, как правило, многокультурного общества зависит от удовлетворения *этнических потребностей*. Таковы хорошо известные потребности в сохранении, развитии способов этнического бытия, начиная от родного языка, обычаев, традиций, заканчивая различными формами культурной автономии и национальной государственности. В идеологической сфере такие потребности связаны с ценностями и целями этнического социума, с национальными интересами.

Удовлетворение или блокирование этнических потребностей вызывает *этнические чувства* – позитивные или негативные. В структуре социального самочувствия его этническая компонента – *этносоциальное самочувствие* – занимает важное место, повышая или понижая суммарный показатель удовлетворенности жизнью. Об этом свидетельствуют результаты социологического исследования, проведенного нами в 2003 г. в Кабардино-Балкарии. Опросом было охвачено 364 человека из числа сравнительно благополучной, хорошо устроенной интеллигенции: 100 кабардинцев, 100 балкарцев, 100 русских, 64 – представителей других национальностей. Для измерения общесоциального и этнического самочувствия был составлен опросник из 26 вопросов, из которых 15 были ориентированы на выявление эмоционально-оценочного отношения к социальным аспектам жизни, (удовлетворенность материальным положением, работой, образованием, реализацией прав человека, оценкой заслуг перед обществом и т.д.), а 11 – к социально-этническим (удовлетворенность духовно-нравственным состоянием своего народа; тем, в какой мере учитываются в республике их национальные интересы и т.д.).

Чтобы проверить, насколько сильны структурные связи социального и этнического самочувствия, мы разделили всех респондентов на три группы в зависимости от степени удовлетворенности разными сторонами социальной жизни. В первую группу вошли респонденты с плохим социальным самочувствием, во вторую – со средним, а в третью – с хорошим. Затем было подсчитано, как распределяются ответы респондентов каждой группы на блок вопросов, связанных с удовлетворенностью аспектами этнического бытия. Закономерность, обнаружившуюся в ходе такого сопоставления, можно сформулировать следующим образом: *этнические чувства обостряются (а в условиях гиперидентичности кабардинцев и балкарцев особенно резко) на фоне неудовлетворенности различными сторонами социальной жизни*.

Так, у кабардинцев из группы с плохим социальным самочувствием 58% отметили, что интересы их народа учитываются в республике недостаточно, тогда как аналогичные ответы в группе с хорошим социальным самочувствием составили лишь 12%, (см. табл. 4); 26,6% кабардинцев с плохим социальным самочувствием оценили как неудовлетворительное состояние межнациональных отношений в республике. В группе респондентов со средним социальным самочувствием количество таких ответов снизилось до 10%, а в группе с хорошим социальным самочувствием – до нуля.

У балкарцев в группе респондентов с хорошим социальным самочувствием 47,2% выразили уверенность в том, что в ближайшие пять лет в жизни их

народа произойдут существенные изменения к лучшему. В то же время в группе респондентов с плохим социальным самочувствием никто не посчитал возможным дать положительный ответ на этот вопрос, зато отрицательный дали 73,2%. Мерами, которые предпринимаются в республике для развития национальных языков, удовлетворены в группе респондентов с хорошим социальным самочувствием 51,3%, а в группе с плохим социальным самочувствием – только 8,3%.

Из числа русских респондентов с плохим социальным самочувствием 39,4% ответили, что они сталкивались с фактами неприязненного отношения к ним по национальному признаку. Среди лиц со средним и хорошим социальным самочувствием так высказались соответственно лишь 22,2% и 14,3%. По мнению 39,4% респондентов с плохим социальным самочувствием, интересы их народа в республике не учитываются в достаточной мере; в группе респондентов со средним и хорошим социальным самочувствием таких ответов гораздо меньше: в первом случае в два раза, а во втором – более чем в пять раз.

В целом все это свидетельствует о том, что степень зависимости этнического самочувствия от социального самочувствия очень велика.

Наблюдается и обратная зависимость, выражающаяся в том, что *при высоком этническом самочувствии люди склонны позитивно оценивать свое материальное положение и многие другие стороны социальной жизни, а при низком – видеть все в мрачном свете*. Такую зависимость в явной и жесткой форме демонстрируют практически в равной степени представители всех национальностей республики (см. табл. 5). Например, из числа кабардинцев с плохим этническим самочувствием удовлетворены материальным положением только 7,1%, а не удовлетворены – 92,9%. Аналогичным образом распределяются оценки русских (соответственно: 7 и 91%) и балкарцев (16,7 и 80,6%). У балкарцев особенно жестко такая зависимость прослеживается при ответе на вопрос: «В достаточной ли мере оценивают Ваши способности, знания и умение работать?» В группе балкарских респондентов с хорошим этническим самочувствием утвердительно ответили на этот вопрос все 100%, у кабардинцев – 81,8%, у русских – 46,2%.

Аналогичная картина, вырисовывается при ответе на другие вопросы, являющиеся индикаторами субъективного социального благополучия, в частности, при оценке деятельности СМИ, уровня образования, возможности организовать отдых, роли и места религии в духовной жизни республики и др. Уровень этнического самочувствия оказывает во всех случаях заметное, теперь уже обратное, воздействие на ощущение социального благополучия или неблагополучия. Это свидетельствует еще и о том, что *этническое самочувствие является важнейшей характеристикой самосознания, его социального качества*.

Многое в характере взаимодействия и взаимовлияния этнического и социального самочувствия зависит, кроме того, от таких факторов, как уровень этнической идентичности, многокультурность, общая оценка и различная трактовка отдельных моментов истории межнациональных связей и отношений. Все это также требует научного анализа и открытого обсуждения, так как замалчивание имеющихся социальных, историко-культурных проблем и противоречий обычно только осложняет их решение и преодоление.

Примечания

1. Кузнецов В. Социология безопасности. М., 2003. С. 198.
2. Октябрьский П.Я. Уровень жизни людей в показателях статистики. С. 30.
3. Масионис Дж. Социология. М., 2004. С. 674.
4. Там же. С. 406.

5. Российский статистический ежегодник. 1999. М., 1999.
6. Там же.
7. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни. М., 2013.
8. Там же. С. 45, 49.
9. Газета Юга. 2004. 14 октября. № 42.
10. *Bradburn N.M.* The structure of psychological well-being. Chicago, 1969.
11. *Diener E.* Subjective well-being // *Psychological bulletin*. 1984. Vol. 95.
12. *Аргайл М.* Психология счастья. М., 2003. С. 60.
13. *Тощенко Ж.Т., Харченко С.В.* Социальное настроение. М., 1996.
14. *Маслоу А.* Мотивация и личность. М., 2003. С. 88–89.
15. *Тишков В.А., Вишневский А.Г.* Демографические и этнокультурные аспекты здоровья в Российской Федерации // *Наука – здоровью человека*. М., 2004. С. 102.

B.H. Bgazhnokov

ABOUT TWO APPROACHES IN AN ASSESSMENT OF QUALITY OF LIFE
(On materials of researches in Kabardino-Balkarien)

According to the author, quality of life as the integrated characteristic of social space consists of objective and subjective factors of human existence. The special attention is paid in this regard to definition and heuristic value of such concept as social well-being.

Keywords: quality of life, poverty and wealth, relative deprivation, social and ethnic well-being.

Ж.М. Аптаева

ТЕХНИКА ЖИВОПИСИ М.А. ВАННАХА НА ПРИМЕРЕ КАРТИНЫ «КАТОК В ИТКОЛЕ»

Критически усвоив лучшее из художественного наследия прошлого, М.А. Ваннах создал индивидуальный творческий почерк. В своем творчестве он использовал пластические приемы и средства выразительности классической европейской живописи, обогащенные современными находками. В картинах Ваннаха передается разнообразие фактуры, материала и цвета, которые эмоционально воздействуют на зрителя.

Ключевые слова: художник, выставки, индивидуальный почерк, система живописи, пленэрная живопись.

Картины Михаила Александровича Ваннаха, заслуженного деятеля искусств КБАССР и заслуженного художника РСФСР, хорошо известны не только в нашей республике, но и за ее пределами. Часто его работы экспонировались на местных, зональных, всероссийских, всесоюзных и зарубежных выставках. Произведения его пронизаны глубокой любовью к своей Родине, отличаются особенной красотой.

М.А. Ваннах обладал своеобразной манерой письма, в которой он сочетал приемы старых мастеров с современными живописными приемами¹. Критически усвоив лучшее из художественного наследия прошлого, творчески преломив достижения настоящего, М.А. Ваннах создал свой индивидуальный творческий почерк. Свои картины он обычно писал малым числом красок, и в то же время при его системе живописи это давало богатый красочный эффект.

Манера живописи В.А. Ваннаха менялась на протяжении его творческого пути, но затем утвердилась, и в течение долгого времени он пользовался определенной, выработанной длительным трудом, манерой письма.

В живописи М.А. Ваннаха, в ее приемах много индивидуального и творческого. Его интересует не только тематика произведений, он серьезно и ответственно относится к технике и технологии и всегда выдерживает их. Ни в одной из его работ, даже в этюде, мы не встретим следов спешки, которые могли бы повлиять на техническую сторону произведения. Все они в этом отношении выполнены безупречно. Картины его, написанные еще в 30-х гг., по сей день поражают свежестью красок и кажутся написанными вчера².

Одна из лучших его картин «Каток в Итколе» (х., м., 1967 г.), которая хранится в фондах Кабардино-Балкарского музея изобразительных искусств, выполнена маслом на холсте. Удачно выбран холст – среднезернистый. Взять более грубый, крупнозернистый холст было бы нецелесообразно, так как он потребовал бы более толстого слоя красок, что, в свою очередь, могло бы привести к преждевременному образованию мелкого кракелюра по зерну холста. Кроме того, на таком холсте трудно проработать серьезно мелкие детали. Выбранный холст, таким образом, позволил сделать достаточно тонкий красочный слой. Вследствие этого нагрузка на холст не так велика, несмотря на размеры (70х100).

По свидетельству художника, холст покрыт эмульсионным грунтом, изготовленным им самим. Грунт состоит из трех слоев, последовательно нанесенных на проклеенную поверхность холста. Хорошая сохранность полотна (никаких следов порчи) свидетельствует о большом внимании художника к подготовительному этапу работы.

Пейзаж написан в технике многослойной живописи³. Наименьшее количество слоев – два, в некоторых местах их число доведено до шести и более. Каждый слой наносился только на просохший нижний. В техническом отношении этот метод живописи сложен, но при правильном использовании длительная сохранность картин гарантирована.

Выбор грунта для картины соответствует красочному слою, поэтому она защищена от образования трещин. Кроме этого, грунт всюду закрыт⁴. Для своего холста художник выбрал белый грунт⁵, на котором сделан цветной подмалевок очень жидко разбавленными масляными красками⁶. Так, в верхней части картины подмалевок сделан цинковыми (нежелтеющими) белилами, в средней части (лес) – зеленым (изумрудная зелень), в нижней – голубым (кобальт с охрой).

После просыхания подмалевка, быстрого и сквозного, был сделан мелкий рисунок углем, а затем писалась вся картина целиком. При написании картины художник учитывал химическое взаимодействие красок, – поэтому выбирались только те краски, которые могли «ужиться» на холсте. Предпочтение отдавалось быстро сохнущим краскам, так как живопись многослойная, а картина писалась достаточно быстро⁷. Однако художник давал краскам хорошо просохнуть. Для этого он смешивал краски с лаком, отчего поверхность картины стала слабо мерцающей, полуматовой. С другой стороны, лак хорошо связывает все слои живописи между собой, а также с грунтом. Второй слой живописи не давал законченной картины, применялись еще лессировки, правда, в ограниченном количестве. Так, чтобы придать льду прозрачность, М.А. Ваннах поверх основного голубого тона наносит лессировки прозрачной зеленоватой краской (очень тонкими слоями). Основной голубой цвет просвечивает сквозь лессировки, и лед кажется зеленовато-голубым. Густота и богатство оттенков зеленого в изображении леса также переданы полупрозрачными лессировками, которые дают возможность объединить картину по тону. Еще в некоторых местах, тронув картину лессировками, художник все ставит на свое место, придает большую глубину, прозрачность краскам. В то же время он не злоупотребляет лессировками, чтобы не лишить произведение дыхания⁸. Фактура холста хорошо просвечивает сквозь краски и создает дополнительную вибрацию, воздушность, что крайне важно для пейзажей.

При пленэрной живописи контуры предметов стираются, а светотень заменяется цветописью, в которой большую роль играет мазок. Перед художником стоит задача не столько передать границы предмета, сколько показать эти предметы окруженными воздухом и во взаимодействии друг с другом. Поэтому мазки одного тона накладываются на другой.

Мазок в картине выявлен хорошо, хотя нигде не стремится стать объемным. Почти всюду он спокоен, широк, плоскостен, что соответствует настроению картины – задумчивому, величественному. Только отдельные места, например, огни, написаны пастозно. Поэтому огни как бы вырываются из поверхности холста. Они кажутся горящими и как бы освещают близко расположенные предметы. Окна горят и светят, прежде всего, благодаря использованию цветного контраста, а также потому, что они написаны корпусно, а окружение сделано более мутными жидкими мазками.

Вообще же мазок в картине очень разнообразен: при написании катка он широкий и прямой с объемными лессировками, что как бы «создает» эффект прозрачности льда, в трактовке облаков – он закругленный, при изображении здания – мазок маленький, поэтому достаточно четко рисует его границы. Все это в совокупности прекрасно передает разнообразие фактуры, материала и цвета изображаемых предметов. Так, цвет льда объемен, в то время как прочие цвета поверхностны. Иллюзия получена благодаря умелому направлению мазка и также лессировкам.

Мастерски передано художником сумеречное освещение, когда все тона быстро теряют насыщенность и только синие начинают звучать во всю силу. Этим

объясняется тот факт, что картина написана в зеленовато-синей гамме. Красные тона отсутствуют вовсе или мало насыщены (розовые). Освещенные места горы и переднего плана написаны грязно-белым цветом, хотя благодаря хроматическому контрасту по отношению к синему они кажутся оранжево-розовыми и вполне чистыми. Особенно силен краевой контраст на переднем плане. Снег рядом с зеленью реки кажется темно-розовым, что достигается размытостью границы реки и берега контрастными цветами: бледно-розовым и зеленым.

Написанные серым стены гостиницы розовеют или делаются оранжевыми от соседства с зеленью леса или синевой горы. Только зеленые и синие краски почти не меняют своего цветового тона. Правда, они кажутся несколько более насыщенными.

В картине нет резких теней, так как освещение рассеянное, все сделано в мягких переходах каждого цвета, в их перетекании одного в другой. Освещенные места более теплые, поэтому написаны корпусно, затененные – холодны и прозрачны. Предметы освещены рефлексами от облаков и вершин снежных гор, поэтому цвета мягкие, приглушенные, контрасты выявлены не столь сильно, как оно и должно быть при вечернем освещении. Богатство градаций цвета передает объемность предметов. Благодаря тонким переходам синего выявлена объемность гор, зеленого – пространства, занимаемого лесом. Причем вдаль лес кажется почти синим. Так, изменяются не только градации цвета в одном тоне, изменяется сам тон. Зеленый постепенно перетекает в синий. Дальние горы более темные, ближние – светлее⁹. Этот эффект не так сильно заметен в картине, так как изображена высокогорная местность, где воздух очень чист, и поэтому цвета на расстоянии изменяются не слишком резко. Это хорошо прочувствовано художником. Потому тени у него скорее ближе к фиолетовым, чем к синим, что также связано с характером освещенности местности.

Найденные автором краски дали возможность решить проблему передачи состояния атмосферы (погоды). Так как контуры достаточно четкие (даже вечером), то легко сделать вывод о том, что погода сухая и воздух прозрачен и чист.

Для передачи объема, помимо градаций цвета, М.А. Ваннах использовал красочные мазки, которые всюду лежат по форме. Объемность достигается также тем, что освещенные места написаны более пастозно и благодаря этому выступают вперед. Небо и дальние планы написаны тонким слоем, поэтому отступают назад.

Легко различить в картине также «весомость» цветов. Нижняя часть горы инертна, массивна из-за своего достаточно темного цвета. Кверху гора делается за счет светлых красок заметно легче, воздушней. Лес в силу того, что он темен, зрительно «тяжел». Снег и облака легки, почти невесома, так как в картине это наиболее светлые места; здания, по светлоте занимающие среднее положение между самыми темными (лес, основание горы) и самыми светлыми (облака), до известной степени легки, однако не теряют материальности.

Благодаря тому, что умело найдена гармония цветов, ни один предмет не кажется инородным, все цвета прекрасно увязаны. Краски, каждая сама по себе, кажутся несколько тусклыми, но в условиях переданного освещения они создают впечатление более насыщенных. Вся картина тонально объединена в одно целое и передает вечернее освещение, которое сближает и несколько гасит все цвета, кроме синего. Везде, кроме освещенных рефлексами предметов, лежат голубые тени.

Пейзаж легко и целиком охватывается взглядом, но все же главное внимание в нем привлекает лед. (В этом смысле свое название «Каток в Итколе» картина вполне оправдывает). Лед написан иначе, чем все остальное. Ему присущ иной цвет, отведено много места в картине. Эта часть полотна характеризуется меньшей разработанностью цвета и фактуры, обильными лессировками, что повлекло за собой качественное отличие ее от остальной части полотна. И если там поверхность полуматовая, то поверхность льда ближе к эмалевой.

Всю картину можно расчленить на горизонтальные цветные полосы. Вверху – гора, основной тон ее синеватый, следующая полоса – лес – зеленая, которая

перебивается в центре розоватым цветом здания, далее идет зеленовато-голубой цвет – льда. Доминирует синий тон, который щедро разбросан по всей картине (опять дело в освещении). Ясно чувствуется чередование различных по светлоте, цвету, а также по теплоте полос. Картина чрезвычайно хорошо уравновешена цветом, и сделано это достаточно просто: левые и правые части полос симметричны.

Цветовой строй картины воздействует и эмоционально, передавая настроение вечерней тишины и покоя. Как нельзя лучше для этой цели подобрана спокойная голубоватая гамма.

В целом в картине «Каток в Итколе» Михаила Ваннаха чувствуется строгая дисциплина объемной формы, цвета. Ее пластичность всюду подчиняется контролю и закономерности.

Примечания

1. Огромное влияние на техническую сторону живописи М.А. Ваннаха оказали старые мастера: Тициан, Рубенс, Веласкес, технологию которых он изучал детально. Вместе с тем, он не избежал влияния технологии и современных художников.

2. По словам художника, «плохая в техническом отношении картина доказывает не только безграмотность художника, но и его нечестность»

3. Техника многослойной живописи – живописи в несколько приемов – такова: первая прописка – подмалевок, в котором живописец устанавливает рисунок, общие формы и светотени; затем вторая и третья, в которых решаются тонкости формы и колорита. Работа завершается лессировками и полулессировками.

4. Открытый грунт в отдельных случаях очень эффектен (например, у Чуйкова и других современных художников), может увеличить красоту холста, зато часто оказывается губительным для цветового слоя и, следовательно, для картины в целом (по истечении определенного срока грунт меняет свой цвет, и цветовое единство картины нарушается).

5. Белый грунт особенно хорош в пейзажах, так как вполне нейтрален ко всем краскам (теплым и холодным) и не оказывает влияния на цветовой тон картины, что в пейзажной живописи играет огромную роль.

6. Масляный подмалевок целесообразен, так как число масляных наслоений уменьшается, что хорошо отражается на прочности живописи. Также масляный подмалевок на эмульсионном грунте не меняет тона нанесенных на него красок.

7. По свидетельству художника, картина была выполнена за полторы недели.

8. «Живопись, выполненная лессировками, теряет в свете и воздушности» (Киплик Д.И. Техника живописи. М.:Л., 1960. С. 224).

9. Светлые предметы (горы, покрытые снегом) на расстоянии светлеют.

Литература

1. Аксенов Ю.Г., Левидова М.М. Цвет и линия: практическое руководство по рисунку и живописи. М.: Советский художник, 1966.
2. Алексеев С.С. О колорите. М., 1974.
3. Алексеев С.С. О цвете и красках. М., 1962.
4. Алексеев С.С. Элементарный курс цветоведения. М.:Л., 1939.
5. Беда Г.В. Живопись. В помощь начинающим и самодеятельным художникам. М.: Искусство, 1971.
6. Беда Г.В. Живопись и ее изобразительные средства. М., 1977.
7. Бергер Э. История развития техники масляной живописи. М., 1936.
8. Волков Н.Н. Цвет в живописи. М., 1984.
9. Волков Н.Н. Мысли об искусстве. М., 1973.
10. Гренберг Ю.И. Технология станковой живописи: История и исследования. М., 1982.
11. Зайцев А.С. Наука о цвете и живопись. М., 1986.
12. Из творческого опыта советских художников. М., 1972.
13. Киплик Д.И. Техника живописи. М.:Л., 1950.

14. Недошивин Г.А. Беседы о живописи. М., 1969.
15. Одноралов Н.В. Материалы в изобразительном искусстве. М., 1983.
16. Раушенбах Б.В. Пространственные построения в живописи. М., 1980.
17. Унковский А.А. Живопись. Вопросы колорита. М., 1980.
18. Шегаль Г. Колорит в живописи. Заметки художника. М., 1957.

Zh.M. Appaeva

**PAINTING TECHNIQUES M.A. VANNAKH
THE EXAMPLE OF PAINTING «RINK ITKOL»**

Critically having acquired best of art наследия the past, M.A.Vannakh bath has created an individual hallmark. In the creativity it used plastic receptions and means of expressiveness of classical European painting, обогащенные modern finds. In pictures Vannakh variety of the invoice, a material and color which emotionally influence the spectator is transferred.

Keywords: the artist, exhibitions, individual handwriting, system of painting, plein-air painting.

Т.К. Дзамихов

**О ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ
НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ В СССР**
(*На материалах истории народов Северного Кавказа*)

В статье на материалах истории народов Северного Кавказа анализируется становление советской системы национально-территориальных автономий. Она вытекала из основополагающих принципов большевистской национальной политики и была закреплена во всех советских конституциях и других законодательных документах советского государства. Поэтому автор стремится раскрыть исследуемую проблему в политико-правовом контексте.

Ключевые слова: политико-правовые основы, советские конституции, национальный вопрос в СССР, советские автономии как форма организации многонационального государства, национально-территориальный принцип административного деления СССР.

***Исторический контекст и концептуальные основы советской политики
в области национально-государственных отношений***

Главным содержанием исторических процессов, развернувшихся на российском политическом пространстве в условиях революции и Гражданской войны, были распад и последующее собирание Российского государства в новой политико-идеологической и административно-территориальной конфигурации. На протяжении почти полутора десятилетий шел непрерывный процесс поиска форм и инструментов управления многочисленными этническими группами и национальностями бывшей Российской империи¹. Трудности и противоречия указанного процесса изначально были предопределены характером национального вопроса и отсутствием четкой программы его решения.

Изначально руководство РКП (б) было сторонниками унитарного государства, но опыт революционной борьбы привел их к корректировке позиции по этому вопросу. Большевики не могли не учитывать, что принцип «права нации на самоопределение» еще с середины XIX в. было одним из главных требований демократических и национальных движений в мире².

Начиная с 1913 г., в решениях различных партийных форумов указывалось на возможность создания автономии, которая рассматривалась как форма организации многонационального государства³. Признав право нации на самоопределение, большевики значительно усилили этот лозунг, провозгласив еще и полную свободу отделения, что уже предполагало национально-территориальный принцип устройства России.

Постоктябрьский исторический контекст характеризовался системным кризисом, полной дезинтеграцией страны, развалом армии и государственного аппарата, оккупацией и утратой контроля над значительной частью территории. Как отмечает А.А. Сенцов, с осени 1917 г. автономии начинают складываться как государственная форма и становятся ведущей темой в революционном движении⁴. В таких условиях большевикам необходимо было приостановить центробежные тенденции⁵.

Первым актом новой власти, обращенным к многочисленным народам бывшей империи, стала «Декларация прав народов России», увидевшая свет 2 (15) ноября 1917 г. Вслед за ней в декабре 1917 г. появилось специальное обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В этих документах провозглашались важнейшие гражданские права народов, включая свободу отправления религиозных культов и соблюдения исконных традиций и обычаев⁶.

Базовые принципы советской национальной политики формировались буквально на ходу и испытывали воздействие исторического контекста. Современные исследователи отмечают, что в условиях революции и Гражданской войны национально-государственный сепаратизм не являлся основополагающим элементом исторических процессов⁷. В таких условиях для формирования административно-политических механизмов управления и контроля над различными территориями большое значение имело декларирование национальных свобод и их конституционно-правовое оформление.

Принятие Конституции РСФСР 1918 г. во многом явилось результатом анализа развития ситуации в национально-государственной сфере в предшествующий период. К этому времени советской властью был накоплен определенный опыт решения соответствующих проблем.

Согласно первой советской Конституции, «Советская Республика учреждалась на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик». Применительно к ситуации на Северном Кавказе определенный интерес представляет положение о том, что «автономные областные союзы» могут объединяться в Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом. Конституция признавала и право выхода из Российской Федерации отдельных ее частей⁸. Некоторые исследователи считают, что большевики были глубоко уверены в том, что этим правом не смогут воспользоваться⁹.

Анализ основных положений и статей Конституции 1918 г. свидетельствует о незавершенности процесса концептуального оформления принципов государственной национальной политики. Однако в условиях Гражданской войны, видимо, достаточно было сформулировать общие принципы организации государственного устройства и власти. Во многом это являлось также результатом недостаточной зрелости национальных движений в России. Политическое руководство, провозгласив федерацию, не установило четких юридических норм ее существования. Конституция закрепила лишь общие принципы федеративного устройства, но не определила формы и статус автономных образований.

В ходе Гражданской войны выкристаллизовывались административно-политические параметры национального вопроса. Параллельно шел процесс формирования и уточнения системообразующих элементов национально-государственной политики советской власти.

В условиях революции и гражданской войны реализация принципа «права нации на самоопределение» привела к появлению различных форм национальных образований: республик, автономий, коммун – и сделала процесс выделения национальных территорий необратимым. Практически обозначились внутренние факторы, которые легли в основу явления, называемого сейчас территориализацией этничности¹⁰, трактуемого как наделение каждого народа территорией¹¹.

15 февраля 1920 г. вышло постановление ВЦИКа «Об образовании комиссии по разработке вопросов Федеративного устройства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Отдельные положения его имели прямое отношение к Северному Кавказу. Здесь говорилось, что «предстоящее освобождение ...Северного Кавказа вводит в состав РСФСР ряд малых национальностей с своеобразной культурой, историей и группировкой классов». ВЦИК считал своей важнейшей задачей установление нормальных отношений между РСФСР и входящими в ее состав автономными советскими республиками

и, вообще, нерусскими национальностями, своевременное удовлетворение их нужд и выработку форм государственных отношений между входящими в РСФСР частями¹².

Впервые правовое положение «автономной республики» было определено декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 19 мая 1920 г.: «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской Республики». Не случайно осенью 1920 г. И.В. Сталин по вопросу административно-политического устройства Северного Кавказа телеграфировал В.И. Ленину, что «горцев придется объединить в одну административную единицу в виде автономной Терской Республики на началах башкирской автономии»¹³. Структура государственного механизма Башкирской АССР строилась по образцу общероссийской. Аналогичные принципы легли в основу формирования всех автономных республик¹⁴.

В процессе выделения национально-территориальных образований обнаружился дефицит управленческих кадров, в которых изначально ощущалась острая потребность. Именно этим и был продиктован курс на т.н. национализацию, или коренизацию, официально принятый на X съезде РКП (б) в 1921 г. Коренизация означала систематическое повышение доли представителей коренного населения в партийном и государственном аппарате. Это обстоятельство имело далеко идущие последствия. В краткосрочной перспективе оно означало явное и ощутимое отличие политики большевиков от дореволюционной власти по отношению к народам, в том числе и Северного Кавказа. По мнению А. Цуциева и Л. Дзугаева, «существенное отличие советских национальных автономий (округов) от дореволюционных горских округов состоит в том, что место имперской администрации начали занимать национальные бюрократии»¹⁵. Именно указанное обстоятельство, по-видимому, позволяет не одному поколению профессиональных историков отождествлять автономии с формой государственности. Видимо, Сталин, признавая, что «вынуждены были демонстрировать либерализм в национальном вопросе», имел в виду и коренизацию аппарата власти в национальных автономиях¹⁶.

Смысл относительно либеральной политики в отношении национальностей заключался в том, чтобы любыми способами обеспечить стабильность молодого государства и погасить очаги национального напряжения¹⁷.

Процессы формирования различных форм автономии в начале 1920-х гг. являлись в значительной мере лишь внешней стороной укоренения советской системы, функцией и необходимым моментом становления советской государственности. Вариативность и в то же время кажущаяся непоследовательность политики большевиков вызывалась поиском механизма управления и контроля над территориями и населением.

Однако деятельность национальных кадров, функционирование национально-государственных бюрократий всегда содержали в себе потенцию выхода за пределы, определенные для них их внутрисистемным «имитационным» статусом¹⁸.

Проблемы институционализации правового статуса и отношений центра и автономий

Формирование системы автономий в рамках РСФСР делало необходимым конституционное закрепление правового статуса и принципов взаимоотношений между автономиями и Центром. Попытка определения правовой природы автономной области была предпринята в Конституции РСФСР 1925 г., в которой этому вопросу посвящалась специальная глава «Об автономных советских социалистических республиках и областях». При этом необходимо указать, что только в одной статье, сорок четвертой, упоминалась автономная область¹⁹. Позже декретом ВЦИК «О реорганизации Высших исполнительных органов в автономных областях в соответствии с Конституцией РСФСР» от 18 января 1926 г. устанавливалась иерархическая

подчиненность автономной области. Исполкомам автономных областей предписывалось не употреблять по отношению к себе наименования высший, а именоваться, согласно Конституции, областным исполнительным комитетом и занять соответствующую нишу в государственной структуре²⁰.

В конце 1926 г. состоялось совещание при СНК РСФСР по проблемам национальной политики. Руководители национальных образований поставили перед центром ряд проблем, решение которых, по их мнению, способствовало бы «успешному проведению национальной политики в автономных республиках и областях и среди национальных меньшинств». Они считали необходимым включить в Конституцию 1925 г. статью о праве свободного вхождения и выхода отдельных национальностей. Как видно из сводки, подготовленной для В.М. Молотова, «исключение этой статьи из текста Конституции 1918 г. толкуется автономными объединениями как умаление их прав».

Представители автономных областей поставили вопрос о расширении своих прав. По положению автономные области имели права губернии. Они считали необходимым «вложить в слово «автономная» известное содержание, расширить права автономных областей и зафиксировать эти права в особых положениях»²¹.

О недовольстве руководителей автономных областей свидетельствовало и то обстоятельство, что они пытались получить статус автономной республики. Руководители национальных автономий обращали внимание на существующие проблемы в нормативно-правовой базе, регулировавшей различные стороны их функционирования. Их интересовала необходимость установления точного критерия для преобразования автономной области в автономную республику. Представителей северокавказских автономий волновало «твердое определение условий для включения автономных республик и областей в краевые и областные объединения». По их мнению, «необходимо принять меры, чтобы это включение не повлекло за собой сужения прав автономных единиц и сохранило для этих единиц полную административную самостоятельность»²².

Начало реализации концепции форсированной индустриализации и сплошной коллективизации привело к созданию адекватной, исключительно централизованной системы управления. В этой связи административно-территориальное устройство, приспособленное к политическим задачам, было призвано обеспечить директивно-распорядительную деятельность руководящих органов. Как и в дореволюционной России, на первое место вновь вышли административно-политические функции территориального деления.

К тому времени система сбрасывает национальную идею как отжившее политическое орудие – происходит фундаментальный поворот от линии на «коренизацию» к предельному «социалистическому огосударствлению», к уместной для новой эпохи социализма социально-экономической «целесообразности».

По мнению А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина, «если национальную политику 20-х гг. расценивать как уступку «националам», то в начале 30-х г. начинается меняться отношение к русским национальным чувствам и интересам»²³.

Одним из симптомов этой «смены вех» является изменение политики в национально-административном устройстве Северного Кавказа. На предшествующем этапе («коренизации») предельное совмещение административных и этнических границ обеспечило этническое доминирование горских (титульных, коренных) народов внутри своих автономий. Однако к исходу нэпа возникло стремление обеспечить соответствующими мерами те процессы, которые вошли в историю под названием «великого перелома». Неизбежной стала экономическая, культурно-идеологическая и территориальная абсорбция национальных автономий.

Политическая линия советского государства начинает ориентироваться на создание и поддержание такого этнического баланса внутри автономий, который бы за счет включения в автономии русских районов и крупных городов с русским в

основном населением обеспечивал более высокие темпы экономического роста и одновременно нейтрализовывал опасные процессы экономической, политической и культурной дивергенции национальных районов с советской системой.

За счет русского населения, включенного вместе со своими территориями в пределы горских автономий, обретался новый импульс к социально-экономическому развитию, причем к такому развитию, которое бы не выражалось в подъеме национальной идеи внутри автономий. Нарождающиеся в 1920-е гг. национальные бюрократии спешно укреплялись выдвиженцами «из Центра», начались репрессии против национальной интеллигенции и духовенства.

Нужно отметить, что в самих автономиях также существовали предпосылки, позволившие с разной степенью успеха реализовать изменившуюся политическую линию. Автономии были заинтересованы в территориальных приобретениях как по экономическим (прежде всего), так и по вполне понятным культурно-символическим причинам. Обретение «столичных городов» открывало новые перспективы для национальных элит и культурно-административных бюрократий²⁴.

Эволюция административно-политического механизма управления и контроля за этнополитическими образованиями на Северном Кавказе

Изменение концептуальных основ национальной политики Советской власти и конституционных параметров функционирования национальных автономных образований сопровождалось эволюцией административно-политического механизма управления и контроля за этнополитическими подразделениями Северного Кавказа.

Формирование системы государственной власти и управления после Гражданской войны на принципах национально-территориальной автономии отражало объективную реальность, сложившуюся в регионе.

7 сентября 1920 г. проблемы кавказских горцев были рассмотрены на заседании Политбюро ЦК РКП (б); 14 сентября 1920 г. Политбюро посчитало необходимым проведение самых решительных мер для свободной деятельности горцев «на основе полной административной автономии». Было решено отправить на Кавказ Сталина в качестве Чрезвычайного Уполномоченного Представителя РСФСР для руководящего определения во всех деталях политики на Кавказе и, в особенности, среди горцев. Таким образом, впервые в Центре заговорили об автономии.

Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Северного Кавказа 27–29 октября 1920 г. во Владикавказе констатировало: «Опыт существования Советской власти в горских округах Северного Кавказа и Дагестана совершенно определено показал, что утверждение всех принципов Советского строительства среди горцев станет возможным только при том неременном условии, когда широкие горские массы вполне сроднятся с советскими формами общежития, когда массы горского населения станут активными в советском строительстве. Достигнуть этого можно путем более непосредственного вовлечения горского населения в общее советское русло. Одним из наиболее верных способов к этому Совещание признает организацию горских автономных республик на тех основаниях, кои установлены для окраинных автономных республик, входящих в РСФСР»²⁵.

В октябре 1920 г. Центральный Комитет партии, а затем Кавбюро ЦК РКП (б) приняли постановление об образовании на Северном Кавказе двух автономных республик – Горской и Дагестанской. Для практического проведения в жизнь этих постановлений в ноябре 1920 г. были проведены чрезвычайные съезды народов Терек и Дагестана. 20 января 1921 г. ВЦИК издал декрет «Об образовании Автономной Горской Социалистической Советской Республики» в составе РСФСР. 16–22 апреля 1921 г. во Владикавказе прошел Учредительный съезд Советов Горской АССР, завершивший всю организационную работу по созданию автономии горцев.

Высшими органами государственной власти и государственного управления в ГАССР явились съезд Советов Горской Автономной Социалистической Республики, Центральный Исполнительный Комитет, Президиум ЦИК, Совет Народных Комиссаров и Народные Комиссариаты Горской АССР. В административно-территориальном отношении Горская АССР делилась на шесть округов: Чеченский, Ингушский, Осетинский, Кабардинский, Балкарский и Карачаевский. Столица Горской АССР – г. Владикавказ – и г. Грозный с нефтяными промыслами выделялись в отдельные административные единицы, подчиненные непосредственно ЦИК и СНК Горской АССР.

Пока развивался процесс конституирования Горской АССР в международном и внутривластном положении Советского государства произошли коренные изменения. Победоносно закончилась Гражданская война. Советская власть восторжествовала на всей территории страны, в том числе и в Закавказье. Отпала угроза Северному Кавказу со стороны объединенных сил внешней и внутренней контрреволюции. X съезд партии (март 1921 г.) принял важные решения не только в экономической политике, но и в национальном вопросе. Они подразумевали развитие и укрепление советской государственности в национальных районах с тем, чтобы «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию»²⁶. Стало возможным безбоязненно ставить вопрос о предоставлении национальной автономии тем или иным горским народам, обосновывая это стремлением к более тесной и непосредственной связи с РСФСР.

Уже 21 мая 1921 г. президиум Кабардинского окружного исполкома по докладу председателя исполкома Б.Э. Калмыкова принял следующее решение: «Ввиду отсутствия определенной экономической связи Кабарды с остальной частью ГАССР поручить тов. Калмыкову поставить вопрос о выделении Кабарды в автономную область перед ГорЦИКом и ГорСовнаркомом. В случае отклонения последними этого ходатайства вопрос перенести на обсуждение высших органов власти РСФСР»²⁷.

Пленум Кавбюро ЦК РКП (б), проходивший в Тифлисе 3 июля 1921 г. под руководством Г.К. Орджоникидзе и С.М. Кирова, несмотря на противодействие со стороны Горской Республики, решил не препятствовать выделению Кабарды в автономную область.

Выход Кабарды из Горской АССР предрешал тот же выбор и для Балкарии. 16 января 1922 ВЦИК постановил образовать объединенную Кабардино-Балкарскую автономную область, непосредственно связанную с РСФСР, выделив из состава Горской Автономной Республики территорию, занимаемую балкарцами, и объединив Балкарию с Кабардой.

Национально-государственное размежевание народов Северного Кавказа завершилось в 1924 г. Все горские народы региона были включены в соответствующие национально-государственные образования, основной задачей которых становилась ликвидация фактического неравенства и обеспечение народам более широких возможностей собственного развития. Важную роль сыграли и потребности, связанные с необходимостью упрочения позиций Советской власти в регионе. В литературе отмечается, что образование автономных областей Северного Кавказа (1922–1924) посеяло среди горского населения некоторые иллюзии относительно перехода к реальной независимости и создания государственных образований, что привело к некоторому спаду повстанческого движения²⁸.

Достижению этой цели способствовало то обстоятельство, что в этот процесс вовлекались широкие слои населения. Вопрос об образовании автономных областей широко обсуждался среди населения, вносился в повестки дня съездов Советов, партийных конференций и собраний. На многотысячных митингах в аулах выступали представители партийных и советских организаций, рабочие промышленных предприятий²⁹.

В истории народов Северного Кавказа 1920–1930-е гг. характеризуются значительными административно-территориальными преобразованиями. Это было

время функционирования созданной в 1924 г. новой административно-территориальной единицы – Юго-Восточной области, получившей название Северо-Кавказского края. Образование Юго-Восточной области стало результатом разрабатывавшегося с 1919 г. нового административно-хозяйственного районирования. Новое районирование призвано было организационно оформить и те тенденции территориального размежевания края, которые наметились к началу 1920-х гг. Различные проекты районирования региона оказывались неприемлемыми в силу необходимости более полного учета интересов национальных автономий³⁰.

Положение усугублялось и особой позицией, занятой автономиями, которые рассматривали любое включение в промежуточное объединение как прямое ущемление своих прав. Начался напряженный поиск различными ведомствами наиболее оптимального сочетания хозяйственных интересов страны с потребностями национальных автономий. Его результатом стало принятие итогового «Положения о Юго-Востоке России» 13 февраля 1924 г.

Новая область включала в себя 10 административно-территориальных единиц губернского масштаба с центром в Ростове-на-Дону. В него вошли четыре национальные автономии – Карачаево-Черкесская, Адыгейская, Чеченская, Кабардино-Балкарская АО и г. Грозный. Дагестан остался в непосредственном подчинении РСФСР.

16 октября 1924 г. Юго-Восточная область была переименована в Северо-Кавказский край. По «Итоговому положению о Юго-Востоке России» автономии провозглашались независимыми от краевых органов власти в вопросах внутреннего управления, земельных отношений, народного образования, здравоохранения и т.д. Фактически они подчинялись краевому руководству в области финансового налогообложения, труда, рабоче-крестьянской инспекции, внутренней торговли и статистики. В случае несогласия с распоряжениями краевого исполкома исполнительные комитеты автономных областей имели право на приостановление их действий под свою ответственность. При этом им следовало поставить в известность крайисполком и обращаться за окончательным решением во ВЦИК. За автономиями закреплялось право иметь представительства в краевых и всероссийских органах власти³¹.

Правоведы полагают, что «включение большинства автономий в состав краев и областей... отражало нарастание унитарных тенденций в государственных структурах Российской Федерации»³².

«Интернационализация» национальной политики была закреплена в Конституции СССР 1936 г. Она исходила из того, что все нации равноправны и наделены «одинаковыми правами во всех сферах хозяйственной, общественной, государственной и культурной жизни общества». Обращает на себя внимание, что Конституция СССР 1936 г. и конституции союзных республик, куда входили автономные образования, не упоминали о национальных меньшинствах, существовавших в то время национальных районах и сельсоветах. Ожидалось же, что по новой Конституции, помимо автономных республик и областей, РСФСР будет иметь в своем составе десятки национальных округов и районов³³.

Согласно Конституции СССР 1936 г. некоторые автономные области Северного Кавказа были преобразованы в автономные советские социалистические республики. Нет сомнения, что в момент ее принятия и почти до конца советской эпохи она служила скорее политико-пропагандистским символом, а не реально и в полном объеме действующим конституционно-правовым актом.

В это время была блокирована возможность преобразования автономных республик в союзные в случае повышения автономиями хозяйственного и культурного уровня. На VIII Чрезвычайном съезде Советов И.В. Сталин выдвинул три признака, которые могли бы позволить им трансформироваться в союзные республики: окраинное положение, компактное большинство национальности, давшей свое имя республике, и не менее одного миллиона населения³⁴.

Административно-территориальная система, сложившаяся к концу 1930-х гг., в последующие годы подвергалась сравнительно небольшим изменениям за счет вошедших в состав СССР в 1935–1945 гг. территориях и депортации и реабилитации народов в 1943–1957 гг.

Конституция СССР 1977 г. сохраняла положения Конституции 1936 г. о национально-государственном устройстве. Многочисленные предложения, направленные на устранение иерархии национальной государственности (и народов) внутри СССР путем возвращения к дореволюционному территориальному принципу административного деления страны, выравнивания статуса республик, перевода отдельных республик из автономных в союзные, в расчет не были приняты. В то же время само определение СССР как «единого союзного многонационального государства» (ст. 69) свидетельствовало о стремлении усилить федеральные централистские начала. В противоречии с этим находилось закрепленное Конституцией за каждой союзной республикой «право свободного выхода из СССР» (ст. 71), подчеркивание ее суверенности (ст. 75, 80)³⁵.

В отличие от предшествующих периодов за время между 1957 г. и «перестройкой» не произошло изменений. На повестку дня был поставлен вопрос о возникновении единого советского народа; в этой ситуации национально-административные границы должны были постепенно терять значение неких территориальных рамок специфической культурной и языковой политики³⁶.

Политическое содержание форм национальной автономии было в значительной мере выхолощено, но их формально-юридический, конституционный статус получил закрепление и развитие в Союзной (СССР) и Российской (РСФСР) и республиканских конституциях 1977–1978 гг.

Примечания

1. ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 / Сост. Л.С. Гатагова и др. М., 2005. С. 5.
2. Королева-Конопляная Г.И. Вопросы национально-государственного строительства в программах политических партий и движений России XX века. М., 1997. С. 17.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. № 1. С. 446–447.
4. Сенцов А.А. Национально-государственное устройство России накануне Октября 1917 г. // Советское государство и право. 1990. № 11. С. 124.
5. Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 205.
6. ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1... С. 6.
7. Булдаков В.П. Имперство и российская революционность (критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 2. С. 24; Боров А.Х., Дзамихов К.Ф. Россия и Северный Кавказ (Современный политический опыт в историческом контексте) // Полис. 1998. № 3. С. 194.
8. Конституция РСФСР 1918 г. // <http://cccp.narod.ru/>
9. Административно-территориальное устройство России... С. 209.
10. Международная научная конференция «Национальный вопрос в интеграции и распаде СССР» // Отечественная история. 2005. № 2. С. 211.
11. ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1... С. 8.
12. За власть Советов в Кабарде и Балкарии: Документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образования Кабардино-Балкарской автономной области (1917–1922 гг.). Нальчик, 1957. С. 209.
13. Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX в. (На материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии). Нальчик, 2004. С. 76–77.
14. Чистяков О.И. Становление Российской Федерации. (1917–1922 гг.). Изд. 2-е, репринтное. М., 2003. С. 151–152.

15. Цуциев А., Дзугаев Л. Северный Кавказ: история и границы. 1780–1995. Владикавказ, 1997.
16. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия / Сост. А.П. Ненароков. М., 1992. С. 109.
17. ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1... С. 8.
18. Цуциев А., Дзугаев Л. Северный Кавказ: история и границы...
19. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.; первоначальная редакция) // <http://constitution.garant.ru/>
20. СУ РСФСР. 1926. № 11. Ст. 82.
21. ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1... С. 446.
22. ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1... С. 447.
23. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2004. М., 2005. С. 257.
24. Цуциев А., Дзугаев Л. Указ. соч.
25. Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа. Ростов н/Д., 1921. С. 63.
26. КПСС в резолюциях и решениях. Ч. 1. Изд. 7. М., 1953. С. 559.
27. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Ф.Р-2. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.
28. Марченко Г.В. Антисоветское движение в Чечне в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 131–132.
29. Шадже А., Шедужен Э. Северокавказское общество: опыт системного анализа. Москва–Майкоп, 2004. С. 89–90.
30. Там же. С. 203.
31. Там же. С. 213.
32. Овсепян Ж.И. Основные этапы становления федерализма и территориального размежевания в России на Северном Кавказе // Конституции, уставы и договоры субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1998. С. 21.
33. Вдовин А.И. Русские в XX веке. М., 2004. С. 87.
34. Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 223–226.
35. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2004. М., 2005. С. 522.
36. Цуциев А., Дзугаев Л. Указ. соч.

T.K. Dzamihov

**ABOUT POLITICAL AND LEGAL BASICS OF BECOMING OF THE SYSTEM
OF NATIONAL AND TERRITORIAL AUTONOMIES IN USSR
(By the materials of the history of peoples of the Northern Caucasus)**

In the article becoming of soviet system of national and territorial autonomies is analysed by the materials of the history of peoples of the Northern Caucasus. It was based on the principles of Bolshevik national politics and found in soviet constitution and other legislative documents of soviet state. It is why the author tries to solve this problem in political and legal context.

Keywords: political and legal basics, soviet constitutions, national question in USSR, soviet autonomies as the form of organization of multinational state, national and territorial principle of administrative division of USSR.

УДК 811.352.3'36

М.Р. Хежева

ЧИСЛОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Т.М. КЕРАШЕВА

Статья посвящена изучению особенностей употребления чисел в языке произведений Т.М. Керашева. Выделены наиболее употребительные числовые параметры и анализируется семантическая и целевая установка их использования.

Ключевые слова: число, символика чисел, языковая картина мира.

Т.М. Керашев – один из виднейших представителей адыгской литературной традиции. Произведения писателя представляют огромный интерес для научных исследований историков, этнографов и лингвистов в силу того, что в них находят отражение быт, традиции и культура адыгов, а вместе с тем содержат множество лингвокультурных категорий и понятий – концептов. А последние, в свою очередь, являются важнейшей составляющей единицей языковой картины мира. Немаловажную роль в отражении картины мира играют и художественные тексты. Подтверждением этому могут служить слова Р.В. Анисимовой: «Под картиной мира, в широком смысле слова, будем понимать совокупность научных знаний, религиозных представлений, эстетических, моральных и художественных ценностей определенного социума, проживающих на определенной территории в конкретную историческую эпоху, закрепленную в различных текстах»¹.

В языке произведений Т.М. Керашева числовые параметры выступают в следующих значениях:

1. Выражение астрономических особенностей звездного неба. В мифологической традиции многих народов, в том числе и у адыгов, число «семь» занимает особое место, хотя почитание этого числа имеет совсем не мифологическую и сказочную, а вполне реальную исходную основу: семь календарных дней, деление Вселенной на семь планет, семь светов радуги, семь музыкальных нот, астрономическое название небесных тел и созвездия Большой Медведицы – Вагъуэзэшибл/ жьогъо Зэшибл, что в буквальном переводе означает «семь звезд братьев». По расположению Семи звезд братьев адыги определяют время ночи и приближение рассвета: Ерстэм мыгумэкIэу уашьом дэплъыгъ: жьогъо Зэшиблыр джыри лъагэу ошъогум итыгъ – чэщыр шлагъоу хэклотагъэп². «Ерстем взглянул на небо: семь звезд братьев (Большая Медведица) – еще высоко, значит ночь еще не такая поздняя». [Ерстэм:] Жьогъо Зэшиблыр кьехыгъ – нэфшъагъор чыжьэжьэп³. «Семь звезд братьев (Большая Медведица) уже низко – рассвет уже близок». Гъэмахуэ уафэм дэплъейри [Алэ], Вагъуэзэшиблым зэрызагъэзамкIэ гу лытащ жэщ ныкъуэм зэрыщхъэдэхам⁴. «Взглянув на летнее небо, [Аля] по расположению Семи звезд братьев [Большой Медведицы] понял, что уже за полночь». В связи с этим примечательно вспомнить народную примету: Вагъуэзэшиблым загъазэмэ, нэху мэщ. «Когда семь звезд братьев [Большая Медведица] поворачиваются – светает».

2. Выражение религиозных представлений. «[Ерстэм:] – Ар Суандэмэ, джырэ нэс, о зыгорэ кыкIэмыIуагъэр да?! – губжыгъэу текууагъ Ерстэм. [Батым:] – Сыфитыгъэп, тхьэлъэнэ щэшIыгъо сигъэшIыгъагъ»⁵. «[Ерстэм:] – Если это Суанд, почему ты до сих пор ничего не говорил, – ругался Ерстам. Батым: Не имел права, она заставила меня поклясться три раза».

3. Выражение особенностей быта и этикета нации: ХьакIэр мэфищэ щысмэ, унагъом щыщы мэхъужы зэраIуагъэм тетэу, синахьыкIэ IэнатIэ сыIууцуагъ⁶. «Говорят, что гость поле трех дней становится членом семьи – выполняю обязанности младшего брата». Ерстэм фэмыхъоу икIыхьэмкIэ абдзэхэ къэбарыр къафиIуатэу ригъэжыагъ. Абдзахэмэ яхэху хаши, ячылэгъуибл зэIуIэхэри, якъуаджэрэ яхьаблэхэмрэ янахьыж тхьэмагъэхэри, ятхьэрыIо бэщэу гъо чIэгъым чIэлъи, ятхьэелъэIуки, ящыIакIи, ялэжыгъи, ябылыми, яшэкIуакIи – бэмэ ахигъэдэIуагъэх⁷. «Ерстему поневоле пришлось пуститься в обстоятельный рассказ об Абадзехии, о съездах всей страны, о семиаульных сходах, об аульских и квартальных старшинах, о священной палке, которая хранится под скалой, о молебствиях и жертвоприношениях, о посевах, о животноводстве и об охоте». Лпы нахьыжыщыр кыпэгъокIи, Ерстэм нахьыж тIысыпIэмкIэ дащагъ⁸. «Трое старших мужчин встретили Ерстема и провели на почетное место».

4. Выражение мифологических представлений: [Батым:] Тиоркхэр зекIо Iуагъэхэу, кызыкIожьхэкIэ мыхьэр агъэхьагъэу, мышIэр алъэгъугъэу кытфаIуаттэ. Иныж нэзакъуи, блэгъожь шхьибли, Итау-Итыкуи, бгызэкъои – зыIуIагъэу, ззэуагъэу кьалотэжьэрэ гъэшIэгъоны⁹. «[Батым:] Наши уорки после возвращения с похода твердят, что видели очень многое. Они клянутся, что сражались и победили одноглазого великана, семиглавого дракона, Итау-Итука и видели, как скалы сами расходятся».

5. Измерения размера, расстояния: фоч уэгъуиш/шхончыо макъиш «три ружейных выстрела»: [ГъучIыпсэ:] КъэуцупIэ уеблэгъагъэу гъогум шыр псы щемыгъашъу, ебгъашъо зыхъущтыр, шхончыо макъиш нахь мымакIэу пкIужьынэу щытмэ ары, – шыр псы ешгъогъэ уж зэкIэплъэжыын ыльэкIынэу¹⁰. «Когда ты уже близок тому месту, куда собрался, не нужно поить коня, нужно напоить коня после того, как ты прошел расстояние, равное «трем выстрелам ружья», чтобы после того, как он выпил воду, у него была возможность разогреться».

Iэпхъуамбиш/Iэхъомбиш «расстояние, равное ширине трех пальцев» [ГъучIыпсэ:] Ыпшгъэ пшгъэ зэкIжъэу блэнапш; ыпхэкI хьаIу хьураеу зэщиз; ыко лыпцIэхэр блэнэко шIыкIэу, бжымым фэдэу хьурае мытIырэу голых; игъобзыкIэ бгъузэ дьд, Iэхъомбищи дэфэштэп, цIыфмэ зэраIоу, – цэгэнэлъэ лыерэ кIокIэ лыерэ хэлъ¹¹. «Шея аккуратная, словно у лани, седалище полное, икры крутые, пах узок, и трех пальцев не будет в ширину, как говорят в народе, – есть у него лишнее ребро и избыток сил».

6. Продолжительность действия: По справедливому замечанию Б.Х. Бгажнокова, инициатива проведения игрища могла исходить от какой-либо признанной красавицы аула. Получив разрешение родителей, девушка через посыльных оповещала всю округу о том, что такого-то числа она устраивает большое игрище со скачками¹². Пшъашгъэмэ ялыеу ти Гулэз дахэ кыIорэ ары: джы непэ гъэтхэ маф, кыкIошт бжыхьэм, лэжыгъэр Iуахыжыгъэ уж, шыгъажьи, шыу зэбэни хэтэу чэщибл-мэфибл джэгу Гулэз ышIышт¹³. «Особая среди всех девушек Гуляз говорит так: сегодня весенний день, следующей осенью, после сбора урожая, Гуляз устроит большую вечеринку (танцы) со скачками в течение семи ночей и семи дней».

7. Числовые шаблоны выступают как составные части фразеологического пласта языка: Къатибл трищIэжын много времени прошло [букв: семью слоями заросло]. [Лыжыым:] Иджы сыт, Iэджэ щIащ, жыхуаIэм хуэдэщ, умыуыIэмэ, кыиуыкI уIушцIэнц псалъэжыыр зэрыпэжыр си щхьэкIэ зэрызгъэунэхуар иджы

фхуэсгуэтэжкІэ, емыкІу сыкъэфщІынкъым¹⁴. «Теперь что скрывать, много времени прошло, как говорится, словно семью слоями покрылось, и сейчас вы не осудите меня, если я открою вам, как я на себе испытал правильность пословицы «не перегибай палку, иначе пожалеешь».

Таким образом, анализ языка произведений Т.М. Керашева дает возможность для выявления следующих особенностей употребления числовых шаблонов:

1. При функциональном участии числовых параметров репрезентируются пространственно-временные, количественные отношения, мифологические представления адыгов.

2. Числовые шаблоны являются составной частью фразеологического пласта в языке произведений Т.М. Керашева.

Примечания

1. *Анисимова Р.В.* Отражение категории времени как одного из элементов картины мира // Текст как отображение картины мира: Сб. научных трудов. М.: Московский государственный институт иностранных языков, 1989. Вып. 341. С. 66.

2. *КІэрашэ Т.М.* ХэшыпыкІыгъэ тхыгъэхэр зыдэт тхылъитІу. ЯтІонэрэ тхылъ. Мыекъуапэ: Адыгэ Республикэм итхылъ тедзапІ, 2002. Н. 217.

3. Там же. Н. 233.

4. *КІэрашэ Т.М.* Роман. Повесть. Хъыбархэр / ЗэыздэкІар Къармокъуэ Хъ. Налшык: Эльбрус, 1989. Н. 372.

5. *КІэрашэ Т.М.* ХэшыпыкІыгъэ тхыгъэхэр зыдэт тхылъитІу... Н. 268.

6. Там же. Н. 251.

7. Там же. Н. 48.

8. Там же. Н. 89.

9. Там же. Н. 49.

10. Там же. Н. 388.

11. Там же. Н. 377.

12. *Бгажноков Б.Х.* Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 172.

13. *КІэрашэ Т.М.* ХэшыпыкІыгъэ тхыгъэхэр зыдэт тхылъитІу... Н. 362.

14. *КІэрашэ Т.М.* Роман. Повесть. Хъыбархэр... Н. 380.

M.R. Hezheva

IN NUMERICAL PARAMETERS IN THE LANGUAGE OF WORKS OF T.M. KERASHEV

The article studies the peculiarities of the numbers in the language of works of T.M. Kerashev. Highlighted the most common numerical parameters and analyzes the semantic and pragmatic orientation of their use.

Keywords: number, the symbolism of numbers, language picture of the world.

Ф.Х. Мурзаканова

**СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ЯЗЫКЕ
ГАЗЕТЫ «АДЫГЭ ПСАЛЪЭ»**

В данной работе анализируется стилистическое использование фразеологических средств в языке газеты на кабардинском языке; показана роль эмоционально окрашенных фразеологизмов на конкретных примерах их воздействие на чувства, проявление разнообразных эмоций у читателя.

Ключевые слова: фразеологизм, газета, речевой штамп, языковое клише.

Публицистический стиль речи имеет функцию сообщения, т.е. передает некоторое логическое содержание и функцию воздействия, т.е. выражает волеизъявления, чувства, эмоции. Эта коммуникативная направленность и ориентация на максимальную, разнородную аудиторию создают ту структуру публицистического стиля, которая связана с использованием готовых стандартов, речевых штампов, словесных формул, языковых клише, различной фразеологии. Стандарты для газеты «Адыгэ псалъэ» журналист берет из ограниченного объема тех средств, которые отобраны предшествующей газетной традицией. Вопрос о стилистических функциях стандартов, пословиц и поговорок, фразеологических выражений различного типа, вступающих в публицистическом стиле в различные смысловые и стилистические отношения, сложный. Впервые проблему использования в языке газеты готовых оборотов речи поставил Г.О. Винокур. Пытаясь вскрыть закономерности их функционирования, ученый отмечал, что газета выполняет задания строго и элементарно коммуникативные. Она лишена, как правило, художественной, поэтической функции, рассчитана на максимальное количество читателей и на нейтральную лингвистическую среду. Это дает основание говорить об использовании готовых конструкций, строящихся по определенному стандарту, и фразеологических оборотов, которые играют весьма существенную роль, так как при их помощи пишущий добивается определенной выразительности, создавая эмоционально-экспрессивную окраску текста. Изучение способов включения этих речевых средств в широкий контекст, а также приемов сочетания их с другими средствами языка представляет большой интерес для определения своеобразия языка газеты¹. «В стилистику национального языка, – отмечает В.В. Виноградов, – входит не только система разных его стилей, но и совокупность разнообразных конструктивных форм и композиционных структур речи, вырабатывающихся в связи с развитием форм общения. Сюда относятся не только типичные для эпохи формы и типы монологической и диалогической речи, но и речевые стандарты бытовых писем, делового документа и многие другие»². Иными словами, языковые стандарты функционируют во всех стилях, и речь должна идти лишь об их целесообразном и эффективном использовании. Синтезируя элементы различных стилей, газета представляет литературное явление, проблемы которого решаются в связи с общими проблемами литературного языка, мастерства и культуры речи. Функционирование и взаимодействие различных стилистических средств в системе газетного языка, в том числе и устойчивых сочетаний, оправдано и мотивировано назначением самой газеты. Газета «Адыгэ псалъэ»

стремится разрушить «книжность» изложения, придать ему экспрессивную окраску за счет изобразительно-выразительных элементов, в том числе и разговорных. Благодатный материал для реализации важного конструктивного принципа языка газеты – сочетания стандарта и экспрессии – фразеологические обороты, пословицы, поговорки, крылатые слова и выражения. Они повышают выразительность изложения, его образность и впечатляемость, одновременно выполняя «стандартную» функцию, выступая как готовые речевые образцы. Обладая комплексом функционально-стилистических качеств, они используются как постоянное «рабочее средство» в различных жанрах. В газете «Адыгэ псалъэ» журналист, употребляя фразеологизм с определенными стилистическими целями, стремится, чтобы он воспринимался на фоне контекста как необычное сочетание слов, привлекал к себе внимание. Фразеологизмы не только украшают речь, но и придают ей убедительность, они невольно запоминаются, благодаря чему впоследствии можно вспомнить и легко восстановить целое рассуждение. Эмоционально окрашенные фразеологизмы способны воздействовать на наши чувства, вызывать у нас разнообразные эмоции. Приведем несколько примеров, подтверждающих сказанное.

1. Нэр кыикIын (кыхуикIын) – тосковать, скучать о ком-либо; испытать сильное желание, стремление к чему-либо.

*Куэд цIат анэм и кьуэм цхъэкIэ и нэр кызырикIр*³. (Давно мать тосковала о сыне). (Зигулов Х. Ребенок. 1990. № 145).

2. «*Мы цIыкIур кьэхуну и нэр кьокIри, абы сеплъыниц*», – *жилэри анэм и кьуэм и хьыданжэрумэр итIэтац*⁴. («Этот малый так хочет вырасти, как я посмотрю», – сказала мама, распеленывая ребенка. (Зигулов Х. Ребенок. 1990. № 145).

3. Псэр кьэтхьэкун – очаровать, приворожить кого-либо.

*Къазджэрий хьыджэбзым дихъэху и псэр итхъэкьуау аратэкьым*⁵. «Вовсе не потому, что Казгери был влюблен и очарован девушкой» (Шибзухов М. Вечером. 1990. № 146).

4. Дунейм темыхуэжын – беситься, метаться.

*ЩыкIац, дунейм техуэжыркьым пицы бзаджэр*⁶. «Бесится, света мало князю жестокому» (Керефов Х. Князь. 1990. № 147).

5. Гум кьэкIын – соскучиться, прийти в голову.

*Уигу сыкъэкIацци, мымацIэу сыплъагъуныр уфIэфIуц*⁷ (Щалэм хьыджэбзым жреIэ). «Ты обо мне соскучился и очень хочешь меня увидеть», – говорит парень девушке (Кардангушев З. Свадьба. 1990. № 150).

6. Нэр шыджылын – раздражать (о ярком свете).

*ЗаницIэу уэрам кIыфIым уэру кьыдэуа нэхум нэр щыджылац*⁸. (Световая волна, внезапно хлынувшая в темную улицу, ослепила глаза. (Оразаев А. Как мне быть? 1990. № 152).

7. Гуэху ехъэжэн – взяться за дело, приступить к делу.

*Фэ тIум а Гуэхур ефхъэжэмэ, дэгъуэу зэрызэфIэвгъэкIыным шэч лъэпкь кьытесхъэркьым*⁹ (Маратрэ Алимрэ Залым къажреIэ). «Если вы вдвоем возьметесь за это дело, то, не сомневаюсь, выполните его» говорит Залим Алиму и Марату» (Жигунова А. Золотая шапка. 1990. № 156).

8. Фэр техын – терзать кого-либо, драть шкуру. *Ауэ зедзэну бэлыхь мыкIуэцIкIэ мыцэм и фэр трихьрт Лалу*¹⁰. «Но особенно безжалостно Лалу драл шкуру с медведя». (Керефов Х. Нога медведя. 1990. № 160).

9. Гум кыщIетхъ – очень жаль, за душу хватает.

*Уэрэдым нэхъ зиукъуэдий пэтни, нэхъ уигу кыщIитхьыу, уи тэмакьыр щибудыкIыу кьэIурт*¹¹. «По мере того, как песня набирала темп, она хватала за душу, а затем и захватывала тебя всего». (Шаншев Б. Песня. 1990. № 162).

10. Лъэныкьуэ егъэзын – скрыть, укрывать, утаивать.

Лъэныкхуэ едгъэзыркхым, диЛэр уи хьэлэли¹². «Мы ничего не утаиваем, все что у нас имеется, в твоём распоряжении». (Хежоков А. Дом. 1990. № 166).

11. Гум къэкIын – прийти на ум.

Гузэвэгхуэ гуэр и гум къокI, илъэс IэджэкIэ зыцIэхуэпса махуэр нобэ кхыхуихуа цхьэкIэ Залинэ¹³. «Что-то тревожное пришло на ум, хотя сегодня наступил желанный для Залины день». (Шекихачев Х. Секреты сердца. 1990. № 172).

12. Нэкуи напIи иIэжкхым (абы фIэкIа) – он влюблен.

«Зинэ мыххумэ, абы нэкуи напIи иIэжкхым», – и цхьэ фIигъэцIэрэцIыкIыурэ кхыжиIэрт Мышэ¹⁴. «У него в голове только Зина», – кокетливо говорила она Мише». (Бекулов Б. Узнай что у меня в сердце? 1990. № 173).

13. Дуней нэху – белый свет, милый мой.

Сынолъэу, ухэмышхэ а Iуэхум си дуней нэху, – жиIэрт анэм и къуэм¹⁵. «Прошу тебя, не влезай в это дело, – говорила мать сыну». (Шогенов Х. Матеря. 1990. № 174).

14. Фэбжъ кхылгысын – получить увечье.

Хьыжхэ фэбжъ кхыцIылгысар зауэм и лъэхъэнэрат¹⁶. «Хижа получил увечье во время гражданской войны» (Паштова Р. Война. 1990. № 175).

15. И фIэц хьун – верить.

Астемыр здэщыIа кхалэххуэм езы Ленинын цимылъэгъуауэ си фIэц хьун, – жегIэ Аслъэн¹⁷. «Разве я поверю, что в том большом городе Астемир не видел Ленина, – говорит Аслан». (Бицуев М. Дом. 1990. № 178).

16. Напэр текIын (улыин) – опозориться.

ТIэкIурэ зилэжхэ нэужь, Рахым, си напэ цытекIакIэ, цIыхум сыкхалъагъуу хэуцIыIу сымышху цIыкIэ, сьдэкIыжмэ нэхьыфIц, жиIэри и гум къэкIац¹⁸. «Немного подождав, Рахим подумал, что раз уже осрамился, лучше без шума удалиться, пока люди его не заметили» (Губжоков К. Горе. 1990. № 179).

17. Iэр хуэкIэщIц – руки короткие.

(Инус) Абы хузэфIэкIамэ, хьэсэпэххумэр зэхичэтхъэнт, игъэсынт мафIэ цIидзэнт, ауэ Инус и Iэр кIэщIц¹⁹. «Если бы он смог, разорвал бы обидчика на куски, сжег бы на огне, да у Инуса руки короткие». (Нартов М. Герой. 1990. № 194).

18. Гум идэркхым – совесть не позволяет.

ЯукIыу и псэр ягъэтыншыжыну я гум цахуимыдэм, и фэр трахри, (хьэкIэкхуэкIэр) пцIанабзэу яутIытыжам²⁰. «Они из жалости не смогли его убить (зверя), но, содрав шкуру, отпустили». (Асланов Х. Каплан. 1990. № 196).

19. Гум зыкхэгъазэ – сердце переворачивается.

Сабийхэм сацегупсыскIэ, заныцIэу си гум зыкхэгъазэри, си пацхьэм пшагъуэ гуэрхэр цопэкIу²¹. «Когда я думаю о детях, сердце переворачивается, и передо мной бродят какие-то туманы». (Казаншева Т. Дети. 1990. № 199).

20. МатэщIэдзауэ псэун (екIуэкIын) – жить припеваючи.

ТIэхир и Iуэхур псом цыгъуи матэщIэдзауэ екIуэкIац жыпIэ хьунуц²². Можно сказать, что Тахир все время жил припеваючи. (Кургоков З. Стакан кофе. 1990. № 200).

21. Кхепсар сабиймэ – «Тхэм укхигъэхуэ» – жраIэ²³. «Если чихнул ребенок, то говорят «Да вырастешь ты большим». (Хахов С. Хабзэ. 1991. № 1).

22. **Уи нэмыс нэхъ лъагэ уху, пыIэ пцхьэрыгъыц**²⁴. «Да будет твоя честь еще выше, ты мужчина». (Балкаров Б. Баксан. 1991. № 2).

23. **«Маржэ хьужыххэн, мы лъыцIэж зэрыукIыр жылэм хэдывгъэныж», – жиIац Мухъэмэд**²⁵. «Люди, давайте вытравим кровную месть из нашей среды», – сказал Мухамед». (Бижев А. Для чего народ дрался. 1991. № 2).

24. **КхэкIуауэ сахъуницIэ, алыхьыр арэзы зыхуэххун, – жиIэри ... Кхасым кIац**²⁶. «Пришли и грабят, люди добрые!», – завопил Касим. (Журтов Б. Iуэхутхьэбзэ. 1991. № 3).

25. *Уэ зи уз кӀуэдын бажэжэ цӀыкӀу, ар жыли кӀэувыӀэ, и зэхуэдитӀыр уэ уэзгӀэхынцӀ», – жиӀацӀ КӀуийцӀыкӀу*²⁷. «Да пропадут все твои болезни, лисичка, остановись, потом я дам тебе половину мяса», – сказал Куйцук». (Кумухов Б. Куйцук и лиса. 1991. № 5).

26. *«Алыхъыр согъэпцӀ, нэгъабэ лӀам уцӀӀэзмыгӀэхъэжмэ!» – мэкӀий Хъэпакъ*²⁸. «Клянусь богом, я тебя заставлю догнать прошлогодних умерших!» – кричит Хапак. (Кардангушев З. Любовь. 1991. № 8).

27. *Пу мӀшалыхъ! Мыр сыту сабий дыгъацӀ*²⁹. «Чтоб не сглазить! Какой удивительно красивый ребенок». (Курашинов Т. Чем наша дочка хуже других. 1991. № 8).

28. *«А хъӀуцӀыдзым кӀылъхуа, уи хъэ бажэ кӀиубыда, уцӀӀэтхӀэр сыт?»*, – *заготовитель цӀалэ цӀыкӀум хуолъ*³⁰. «Ах ты, негодник, почему хохочешь, чему ты радуешься?» – набросился на мальчика заготовитель. (Ацканов Р. Крапива. 1991. № 13).

29. *ХъитӀым я кум кӀыдэкӀа, апхуэдицу тӀӀӀыжэу цхъэ ушхӀэрэ*³¹ (*АслӀӀӀӀан йоуцӀӀ Замир*). «Ах ты, сукин, почему ты так объираешься? (Аслан спрашивает Замира). (Сатира. 1991. № 14).

30. *«Абы нэхъ гугъуехъ тхъэм кӀыуимыткӀэ, уи гъацӀӀэр кӀыхъ тхъэм ицӀ!»*³². Пусть больше ты не испытываешь трудностей, да будет твоя жизнь долгой!». (Мамхегов М. Кара. 1991. № 19).

Журналисты газеты «Адыгэ псалъэ», употребляя фразеологизмы с определенными стилистическими целями, стремятся, чтобы они воспринимались на фоне контекста как обычное сочетание слов и привлекали к себе внимание. Фразеологизмы не только украшают речь, но и придают ей убедительность, они невольно запоминаются, благодаря чему впоследствии можно вспомнить и легко восстановить целое рассуждение. Фразеологизмы способны воздействовать на наши чувства, вызывать у нас разнообразные эмоции.

Примечания

1. Винокур Г.О. Вопросы языкознания. М., 1954. С. 468.
2. Виноградов В.В. Вопросы грамматики и лексикологии кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1984. С. 38.
3. «Адыгэ псалъэ». Газета Парламента и Правительства КБР. Вып. 1990–1991.
4. Там же. 1990. № 145.
5. Там же. 1990. № 146.
6. Там же. 1990. № 147.
7. Там же. 1990. № 150.
8. Там же. 1990. № 152.
9. Там же. 1990. № 156.
10. Там же. 1990. № 160.
11. Там же. 1990. № 162.
12. Там же. 1990. № 166.
13. Там же. 1990. № 172.
14. Там же. 1990. № 173.
15. Там же. 1990. № 174.
16. Там же. 1990. № 175.
17. Там же. 1990. № 178.
18. Там же. 1990. № 178.
19. Там же. 1990. № 179.
20. Там же. 1990. № 194.
21. Там же. 1990. № 196.
22. Там же. 1990. № 200.
23. Там же. 1991. № 2.
24. Там же. 1991. № 2.

- 25. Там же. 1991. № 3.
- 26. Там же. 1991. № 5.
- 27. Там же. 1991. № 8.
- 28. Там же. 1991. № 13.
- 29. Там же. 1991. № 14.
- 30. Там же. 1991. № 19.

F.H. Murzakanova

**STYLISTIC USE OF PHRASEOLOGICAL FACILITIES
IN THE LANGUAGE OF NEWSPAPER KABARDIAN**

The present article analyses the stylistic usage of phraseological units of newspaper style in Kabardian. The meaning of emotionally colored phraseological units is showed on proper examples, influence on feelings and making the reader have different emotions.

Keywords: phraseological unit, newspaper, genre, stock phrase, clichés.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОР

УДК 821.352.30

Л.Б. Хавжокова

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В ПОЭМЕ «ТИСОВОЕ ДЕРЕВО» АЛИМА КЕШОКОВА

В статье исследуется проблема нравственно-художественного осмысления темы Кавказской войны и массового переселения адыгов в пределы Османской империи во второй половине XIX в. в поэме Алима Кешокова «Тисовое дерево». Основное внимание уделяется идее произведения, особенностям композиции и сюжетостроения, а также системе образов.

Ключевые слова: Кавказская война, переселение, история народа, художественное осмысление, символика.

События Кавказской войны и одна из самых трагичных страниц истории адыгского народа – махаджирство – запечатлены в адыгском фольклоре и литературе. Во второй половине XX в. тема Кавказской войны получила глубокое художественное освещение в кабардинской эпической поэзии – в частности, в поэме «Тисовое дерево» (1955) Алима Кешокова.

В 1954 г. в альманахе «Кабарда» была опубликована первая глава поэмы «Тис жыг» (на кабардинском языке), которая называлась «Юбилей». Позднее, в 1955 г., данная поэма с незначительным изменением в названии – «Тисей» – вышла в «Кабардинском книжном издательстве». В том же году поэма была издана на русском языке под названием «Тисовое дерево».

Как отмечено выше, поэма «Тисовое дерево» Алима Кешокова посвящена трагическим событиям Кавказской войны и массовому переселению адыгов в пределы Османской империи. Идея поэмы направлена на художественное осмысление страниц истории и воссоздание правдивой картины прошлого.

Поэма состоит из 11 самостоятельных и в плане композиции, и в плане сюжетостроения глав, объединенных единой идейной направленностью: «Юбилей» (пер. С. Липкина), «Хакурино» (пер. С. Липкина), «Пастух коз» (пер. С. Липкина), «Урзиля» (пер. М. Петровых), «Рабыня» (пер. М. Петровых), «В лесу» (пер. М. Петровых), «Оружейник» (пер. В. Потаповой), «Урускан» (пер. В. Потаповой), «В порту» (пер. В. Потаповой), «Схватка» (пер. В. Звягинцевой), «В пути» (пер. В. Звягинцевой).

Несмотря на не совсем оптимистический сюжет поэмы, она начинается радостными событиями. Три пионера: Анзор, Чарион и Луто – исполняют приказ, данный им в лагере, т.е. передают привет и поздравления седому старцу Рау, которому исполнилось сто лет. Ребята приехали за старцем, чтобы отвести его в лагерь, где собираются отметить его столетие. В лагере Рау рассказывает детям историю своего рождения и печальной участи адыгского народа в XIX в.

Рау родился во время Кавказской войны, когда царские войска сжигали адыгские села. Для того чтобы сохранить жизнь ребенку, мать родила его в печи, из-за чего его прозвали Хакурино – букв. «Оставленный в печи» (*хъэку* – «печь» + *къинэн* – «оставить»).

*Сожгли селенье палачи.
А рядом с матерью безгласной
Ребенок жил, дышал в печи,
И жизни требовало властно
Дитя, рожденное в огне.
Наутро в страшной тишине,
В селе остались только печи,
И летний ветер по селу
Метался, подхватив золу,
И уносил ее далече¹.*

Хакурино был найден одиноким всадником, который отвез его в село, «где был владельцем князь Каноко», и отдал первой встречной рабыне. Мальчик рос пастухом коз...

Автор не сообщает, почему впоследствии главный герой произведения получил имя *Рау*. По нашим предположениям, это имя ассоциируется с именем бога Солнца в египетской мифологии. «Ра в египетской мифологии – бог солнца, который воплощался в образе сокола или огромного кота (изображался человеком с головой сокола, увенчанной солнечным диском)»². Образ Рау можно соотнести с богом солнца Ра и по другой причине: автор показывает, что, несмотря на многомиллионные потери, адыгский народ не исчез с лица Земли, он смог обрести заслуженную свободу, а самое главное – солнце адыгов еще не раз взойдет над горизонтом.

Также образ Рау в некоторой мере можно соотнести с героем грузинского эпоса Амирани. «Амирани – в грузинской мифологии герой; главный персонаж эпоса «Амираниани» (3 тыс. г. до н.э.); герой-мученик; рожден богиней охоты Дали от смертного безымянного охотника (абхазский вариант рождения Амирани в результате непорочного зачатия, вероятно, восходит к эпохе матриархата). Преждевременно рожденный Амирани созревал в желудке быка (телка). Божественное происхождение Амирани отмечено изображением луны и солнца на его плечах, а также тем, что некоторые части его тела были золотыми»³.

Также представляет интерес и третье имя главного героя поэмы «Тисовое дерево». Имя *Урыскъан* (букв. «воспитанник русского») Хакурино получил после того, как он познакомился с русским оружейником Федотом. Тем самым автор указывает на то, что в трагедии адыгов виноваты не все русские: среди них были сторонники справедливости и мирной жизни.

Главной опорой и поддержкой для Рау была его возлюбленная *Урзиля* (*Гурзилэ*). Рисуя один случай из жизни Урзили, автор показывает трагизм истории адыгского народа и горечь махаджирства, тем самым подчеркивая основную идею поэмы. Однажды Хакурино встретил арбу, на которой лежала больная девочка, а рядом конвоиры гнали ее мать. Мать с ребенком должны были переправить на другой берег моря – переселить в Турцию. Вдруг колеса арбы попали в яму и девочка упала в грязь. Несмотря на рыдания матери, конвоиры оставили девочку, посчитав ее мертвой. Хакурино взял ее и вылечил. От безысходности Урзиле пришлось пойти работать в дом князя Каноко...

В адыгской литературе встречается несколько женских образов, между которыми можно провести параллели. Таковы Урзиля из поэмы «Тисовое дерево» Алима Кешокова, Ляца – из романа «Камбот и Ляца» Али Шогенцукова и Лялюша – из драматической поэмы «Махаджирство» («ИстамбылакIуэ») Залимхана Аксирова. Все названные девушки из бедных семей, воспитаны только матерями. Они прислуживают богатым и своенравным княгиням. Единственной радостью и опорой в жизни для них являются их возлюбленные (Хакурино, Камбот, Екуб). Иначе говоря, Кешоков в своем произведении создал типичный образ горянки из бедной семьи, которая обречена на нелегкую судьбу.

Урзиля – одно из «говорящих» имен, встречающихся в контексте поэмы «Тисовое дерево». Ее можно соотнести с «Урсулой – одной из десяти «девственных богинь», героиней христианской агиографической легенды, широко распространенной в Средние века в западноевропейских странах. Согласно легенде, дочь британского короля Урсула, славившаяся красотой, мудростью и правдивостью, была одной из паломниц, давших обет безбрачия. Ненавидящие христианство, возмущенные принятым девами обетом гунны напали на них и истребили. Последней погибла Урсула, отказавшаяся стать женой плененного ее красотой вождя гуннов⁴. Героиня поэмы «Тисовое дерево» тоже погибает, так и не став женой Хакурино.

Большое внимание в поэме также уделено образу собаки *Парий*, который был верным другом и единственным спутником жизни Хакурино (Рау). Чтобы спасти тонущую Урзилю, Парий, раненный английскими миссионерами, собрав все оставшиеся силы, плывет к берегу. Но оказывается, что пуля, ранившая его, задела и Урзилю. Доплыв до берега с мертвым телом девушки, собака тоже погибает. Так автор с высокой долей психологизма доносит до читателя события тех горьких лет, когда многомиллионный Кавказ горел в огне царизма.

В поэме приводятся несколько отрицательных персонажей, предателей народа, которые пожертвовали жизнью тысяч людей ради собственного блага. Таковы князь села Каноково, его супруга Гуаша, некоторые служители культа и др.

Система образов поэмы «Тисовое дерево» традиционна. А. Кешоков в своем произведении четко разграничивает положительные и отрицательные образы. Например, в поэме представлен типичный отрицательный образ в лице князя Каноко, который продавал своих рабов туркам:

*Каноко в гневе был жесток,
К насилью с детских лет приучен.
Каноко был настолько тучен,
Что конь не смог бы на себе
Его держать, и на арбе,
Коврами Персии покрытой,
Владелец ездил именитый⁵.*

Князю Каноко была под стать и его супруга. Автор показывает пороки княгини в сравнении со скверным характером ее мужа и приводит детальное описание ее внешности:

*Как бессердечный князь Каноко,
Княгиня мстительна, жестока,
Глядеть несносно, – так страшна.
Глаза, как тыквенные зерна,
Беззубый рот и нос крючком...
Ее отродьем ведьмы черной
Считали втайне все кругом⁶.*

Одним из главных (даже главным) персонажей поэмы является одинокое тисовое дерево, стоящее на берегу моря. Оно ассоциируется с трагическим прошлым адыгского народа. Тысячелетнее дерево побеждено временем: он стар, беззащитен, коряв, но он не покорен и по-прежнему стоит на том самом берегу, где погибли миллионы наших соотечественников.

Тис (от лат. *Táxus*) – род растений семейства Тисовые (*Taxaceae*). Тисовое дерево живет исключительно долго, но точно определить его возраст бывает трудно, т.к. после четырехсот-пятисот лет жизни ствол становится полым, и подсчитать возраст дерева по годовым кольцам невозможно. Однако учеными доказано, что многие тисовые деревья прожили, по меньшей мере, две тысячи лет. По-другому, тис называют Деревом вечности.

Не случайно А. Кешоков в своем произведении представил тисовое дерево главным символом адыгского народа и его трагического прошлого, учитывая при этом все особенности его внешнего и внутреннего строения. В дуплистых тисовых деревьях внутренняя древесина, особенно в увлажненном состоянии, имеет фактуру и цвет свежего мяса, и если сделать надрез, то кажется, что дерево кровоточит. Так же кровоточат раны адыгского народа 150-летней давности.

С одной стороны, важно заметить, что все части тисового дерева чрезвычайно ядовиты. По замыслу автора, данное свойство тиса символизирует трагизм истории адыгов. С другой стороны, следует учесть, что в целом символика дерева ассоциируется с неким возрождением, перерождением, а с долговечностью тиса автор связывает надежду на светлое будущее адыгского народа.

Во многих легендах тис выступает символом несчастной любви, когда возлюбленных соединяет только смерть или, наоборот, когда смерть их разлучает. Примером может служить история любви Хакурино и Урзили из поэмы «Тисовое дерево» А. Кешокова:

*На тихом берегу безмолвны,
Лежат, обнявшись нежно, двое,
Баюкают их плеском волны
И греет солнце огневое.
Очнулся Хакурино смелый.
Под головой земля, трава.
Но чье он обнимает тело?
Его любимая мертва,
Вся кровь ушла из тела в воду⁷.*

Автором также не случайно указано место, где растет тисовое дерево. В поэме оно растет на берегу Черного моря, которое стало кладбищем миллионов наших соотечественников. Существует мнение о том, что тис охраняет врата между этой жизнью и жизнью будущей. Кроме того, с древних времен тис, как священное Древо бессмертия, ассоциируется с местами захоронения, где он защищает и очищает мертвых.

*Среди деревьев он [Хакурино. – Л.Х.] заметил,
Одно, что горбась коромыслом,*

*Протягивало к морю ветви,
Как будто с тайным добрым смыслом:
Быть может, этот старый тис
Увидел в море их в ту ночь
И наклонил верхушку вниз,
Чтоб утопающим помочь.
Но дерево спасти Урзилю
Своей заботой не смогло,
Напрасны были все усилья, –
И тис вздыхает тяжело.
– Так пусть же над ее могилой
Стоит зеленый старожил. –
И Хакурино тело милой
Под деревом похоронил⁸.*

Таким образом, в своей поэме А. Кешоков обозначил как положительную, так и отрицательную символику тисового дерева. В целом же, с помощью этого глубокого и емкого символа автор подчеркивает мудрость адыгского народа, передающуюся из поколения в поколение. Как дерево, продолжительность жизни которого не только превышает время существования других деревьев, но и перекрывает большую часть истории людей, тис служит символом высшей мудрости. Автор подчеркивает, что подобно тому, как тис содержит в себе уроки, преподанные всеми другими деревьями, адыги должны аккумулировать в себе опыт, знания и понимание, которыми обладали их предки.

Примечания

1. Кешоков А.П. Тисовое дерево. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1955. С. 12.
2. Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 358–360.
3. Там же. С. 68–69.
4. Там же. С. 551.
5. Кешоков А.П. Указ. соч. С. 15.
6. Там же. С. 6.
7. Там же. С. 64.
8. Там же. С. 64–65.

L.B. Havzhokova

ARTISTIC UNDERSTANDING OF THEME OF CAUCASIAN WAR IN THE ALIM KESHOKOV'S POEM «YEW TREE»

The article investigates the problem of moral and artistic interpretation of the theme of the Caucasian war and mass migration of Circassians in the limits of the Ottoman Empire in the second half of the nineteenth century in the Alim Keshokov's poem «Yew tree». The main attention focuses on the idea of the work, the composition and characteristics of plot and imagery.

Keywords: Caucasian war, emigration, people's history, an artistic interpretation of the symbolism.

Х.Х. Малкондуев

**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА.
МОТИВЫ О ЗМЕЕ И ЛИСЕ. КОМПОЗИЦИЯ**

Данная статья является первым научным исследованием, посвященным рассмотрению внутрижанровой структуры карачаево-балкарских народных сказок. В ней основной упор делается на произведения о животных, особо выделяются мотивы о Змее и Лисе, проводится сопоставительный анализ с текстами сказочной прозы кавказских и тюркоязычных народов Российской Федерации.

Выделяя присказку как композиционную систему, автор в исследовании приводит ряд примеров, подтверждающих высокий художественно-эстетический уровень словесной прозы карачаево-балкарского народа.

Ключевые слова: Змея, Лиса, Волк, река, веретеница, ритуал, жанр, монолог, зачин, присказка, эпитет, композиция, повествование.

Устная проза карачаево-балкарского народа бытует в самых различных жанровых формах. К ним относятся сказочный и внесказочный фольклор, «хапарла» (предания), «таурухла» (легенды), «керти таурухла» (легенды-были), «мажюсюлюкден кьалгъан таурухла» (языческие легенды), «муслиман дин таурухла» (исламские легенды), «кёз кёрген таурухла» (легенды об увиденном). Все они отличаются друг от друга по своему генезису, системе образов, характеру и составу сюжетных линий.

Согласно существующему национальному терминологическому обозначению, сказки подразделяются на «эрттегили жомакъла» (старинные: видимо, волшебные), «нарт жомакъла» (сказки о нартах), «батырлыкъны юсюнден жомакъла» (героические сказки), «Насрахожаны жомакълары» (сказки о Насреддине), «сабий жомакъла» (детские сказки), «чам жомакъла» (сатирические сказки), «жаныуарланы юсюнден жомакъла» (сказки о животных) и т.д.

В карачаево-балкарской фольклористике весьма кратко о них писали А.И. Караева¹, А.З. Холаев², Ф.А. Урусбиева³, Х.Х. Малкондуев⁴, которые внесли свою лепту в осмысление их специфики. Но жанр сказки в балкарской фольклористике по сей день остается малоисследованной ее частью.

Карачаево-балкарская сказка имеет архаическую, традиционную присказку, тайный магический язык, что объясняется анимистическим миропредставлением и желанием предостеречь слушателя «от порчи». В частности, во вступлении одной из сказок опорными словами являются «навоз», «собака», «змея», «лягушка» и «ворон», символизирующие тайную магическую силу, которая должна оберегать слушателей от злой, нечистой силы.

Наиболее устойчивой, популярной и архаической вступительной формулой для любого вида данной словесной прозы является следующая традиционная знаковая присказка, очевидно, имеющая магическое значение, оберегающая от враждебного воздействия на слушателей нечистых сил:

Жомакъ, жомакъ жолунга,
Бокълу кюрек кьолунга!
Итле чычсын тонунга,
Къаргъа кьонсун башынга,

Жилян чыкъсын алынга!
Шинжи кирсин белинге,
Сарыуек кёрюнсюн кёзюнге!

Сказка, сказка, тебе в путь,
Навозная лопата тебе в руки!
Чтобы собаки испражнились на твою шубу,
Чтобы ворон сел на твою голову,
Чтобы змея появилась на твоём пути!
Чтобы колочка вонзилась в твою поясницу,
Чтобы дракон тебе померещился!

Опорные слова «путь», «навоз», «собака», «ворон», «змея», «колочка», «дракон», сопровождаясь соответствующими глагольными формулами, образуют разные словосочетания, усиливая в устах сказочника магическое воздействие слов на слушателей. Наиболее ярко это проявляется в сказках о животных.

«Героями карачаево-балкарских волшебных сказок являются богатыри из народа, побеждающие злых людоедов – «джелмаузов», «эмегенов»; драконов – «сарыуеков» и т.д. Помощь герою в его борьбе оказывают чудесные кони: Гемуда и Тарпан-ат, могучий орел Кара-Куш. В них функционируют волшебные предметы: чаша – «гоппан», меч – «сырпын», палка-самобойка – «токъмакъ», летающий коврик – «намазлыкъ», – замечает А.И. Караева⁵.

Анализ текстов ряда волшебных сказок, таких как «Темир-Болат», «Фатима», «Иллеука», «Младший брат», «Золотая птица», «Карабатыр», «Быжмапах», «Зынгырдауук», показывает не только их поэтико-повествовательную национальную особенность, но и помогает понять близость их мотивов к сказочному эпосу славянских и кавказских народов. Так, в сказках «Темир-Болат» и «Быжмапах» злой волшебник Кеси-Бир-Къарыш – Сакъалы-Минг-Къарыш (сам с вершок, а борода – тысяча вершков) – одновременно выступает в роли отрицательного и положительного персонажа, что объясняется поздней сюжетной трансформацией текста.

В волшебных сказках в победе над отрицательными персонажами или в преодолении трудностей большую роль играют коршун, волк, «жаннет чыпчыкъ» (райская птичка), жеребенок, напоминающий Конька-Горбунка, а иногда и змея, хотя змееборческие мотивы в них существенны. «Добро в сказке всегда торжествует над злом. Герою помогают животные, которых он пожалел, сиротке помогают предметы и животные, которым она посочувствовала», – подчеркивает Э.В. Померанцева, исследуя русские народные сказки⁶.

Излюбленным повествовательным моментом бытовой сказки является испытание на мужество, отвагу и преодоление всякого рода трудностей тремя братьями, где старшие наделяются качествами завистников, трусов, неудачников, а порой и доставляющих младшему немало неприятностей. Но младший брат успешно выдерживает испытания, а иногда за совершенные им подвиги в чужом краю становится наследником престола.

В волшебных сказках обобщением злой силы часто выступает женщина-обур (ведьма). Она способна войти в доверие к герою, подслушать его диалог с другими, чтобы осуществить те или иные коварные замыслы.

Отличие данного образа от мотивов и сюжетных линий сказочного эпоса других народов Кавказа в том, что женщина-ведьма совершает злые поступки, превратившись в черную кошку и проникая в недоступные места. Часто своей жертвой она выбирает красивых молодых женщин, чтобы задушить их ночью, когда отсутствуют мужья. Очевидно, данный мотив восходит к глубокой мифологической древности, ибо «...многие сказки о животных так же, как и многие волшебные сказки, бытующие в народном репертуаре вплоть до сегодняшнего

дня, восходят генетически к доклассовому обществу»⁷. Мы склонны считать, что мотивы, связанные с черной кошкой и старой черной ведьмой, восходят к мифологическому воззрению людей о бродячих мертвых душах, совершающих злые деяния.

Подобные мотивы сказок дополняются образами «къара къочхар» – «черного барана», символизирующего подземные темные силы; «къара къаргъа» – «черного ворона», предвестника смерти, «къара кече» – «черной ночи» – поэтической моделью грядущего недоброго, «къара бауур» – «черной печени», носитель которой представляет злую силу, «къара къюбюр» – «черного сундука» и т.д. В некоторых случаях такие образы имеют и сакральное значение. Так, образу «къара тюлкю» (черной лисы) в обрядовой поэзии и нартском эпосе, сказках и преданиях уделяется особое внимание в связи с тем, что в народном представлении с ним связываются символы изобилия, богатства в общине, семейного, родового благополучия. По этой причине люди бережно хранили шкуру черной лисы, передавая ее из поколения в поколение.

В композиции карачаево-балкарских волшебных сказок, как и в адыгских, абхазских, осетинских и кумыкских, имеет место прием магии, основанный на замене целого частью. Так, в сказке «Карабатыр» встречается тетраформула – сужение образности по нисходящей линии: пещера, в ней черный сундук, на дне его пузырек, в нем порошок. «Эй, добрый человек! Посыпь тем порошком человечьи кости, и оживут давно погибшие люди!» – говорит один из пленных, обращаясь к Карабатыру⁸. Прием пенториадной образности имеет место и в волшебной сказке «Младший брат»: поляна, на поляне дом, в доме красавица, перед ней золотое корыто, в нем плавают золотые рыбки. Подобные формульные топосы встречаются в текстах нартского эпоса и богатырских сказках, где речь идет о смерти и оживлении, чаще всего, витязя, ханского наследника или же красавицы из благородной семьи.

Карачаево-балкарские сказки о животных по содержательной структуре типологически близки к мировым мотивам и тесно связаны с жизнью человека и природы, которая является их царством. «Наивная первобытная фантазия стерла границы, отделяющие мир людей от мира животных. Человек не делал различия между собой и животными. Анимистические воззрения первобытных людей и создали возможность появления животного эпоса», – рассуждает В.П. Аникин, обобщая труды европейских ученых о сказках как особом жанре, аккумулирующем в себе древние воззрения людей⁹.

Повествования о животных, которые по своим архаическим особенностям близки к текстам волшебных сказок, представляют также большой интерес для исследования. Излюбленными среди них являются такие произведения, как «Къаргъа бла балалары» – «Ворона и ее птенцы», «Къозучукъ» – «Ягненок», «Мараучу бла агъач киши» – «Охотник и лесной человек (леший)», «Тели Зондар бла амалчы тюлкю» – «Наивный Зондар и изворотливая лиса», «Къой бла эчки» – «Овца и коза», «Экисинден да улакъ эсли» – «Козленок умнее их двоих», «Тюлкю хыйла» – «Хитрость лисицы», «Ал-бёрю бла Тут-бёрю» – «Волк-вожак и Хищный волк», «Тюлкю, айыу, бёрю» – «Лисица, медведь и волк», «Ёгюз бла эшек» – «Бык и осел» и т.д.

В подобных сказках животные олицетворяют жизнь и поведение людей: бык трудолюбив; змея, как и в мифологии многих народов мира, наделяется свойствами лекаря и чрезвычайно мудра; медведь символизирует мужскую силу; орел – надежный друг, смел и отважен; осел – символ труженика; лиса коварна и хитра; волк мужествен, смел и кровожаден. Из этого мира животных, пожалуй, больше всех необыкновенными свойствами наделяются волк и конь.

Волк не только ходит по земле, но и способен преодолевать горы и леса, помочь герою достать со дна озера волшебную рыбу, спасти от смерти. Сюжет с

подобным детерминантным ядром развит в карачаево-балкарской народной сказке «Золотая птица»¹⁰. «Сюжет о том, что волк, съев коня, затем берет на себя его обязанности помогать человеку добровольно, без принуждения...» имеет место и в русском сказочном эпосе¹¹.

Культ лошади в карачаево-балкарской мифологической традиции и в сказочном эпосе говорит о том, что здесь наблюдается бинарность двух архаических культур: субстратно-кавказской и тюрко-монгольской, в которых это животное почиталось не только как тотемное, но и как существо космического происхождения. В таких древних жанрах фольклора, как нартский эпос, обрядово-мифологическая, историко-героическая и лирическая поэзия, коню отводится важное место. Достаточно вспомнить Гемуду, Кьолана, Акъжала, Къара Буу и т.д.

В сказке «Младший брат», когда злая волшебная красавица чуть не схватила жеребенка за хвост, «...он, плавно оторвавшись от земли, оказался под облаками... перелетев через дремучие леса, широкие ущелья, над хребтами высоких гор, мягко опустился на землю перед пещерой»¹². Типологический образ карачаево-балкарского Конька-Горбунка развит и в детских сказках.

Любимым персонажем малышей был ленивый мальчик Кюльтыпыс, который много ел, засыпал где придется. Пошлют его за водой – он спит у реки, в лес за дровами – засыпает под деревьями, принести траву для козы – его находят спящим на лугу. Он может притвориться больным, если узнает, что его ждет какая-либо работа. Его излюбленное место – домашний очаг, где он больше всего любит засыпать, отсюда и имя его – Кюльтыпыс, что значит «лежащий на золе».

Карачаево-балкарские сатирические сказки базируются на сюжетах о Насреддине и аморальном поведении религиозных служителей, всегда оказывающихся в трагикомической ситуации.

Карачаево-балкарская народная сказка имеет традиционные ритмические клише: зачины, завязку, устойчивые инверсии, служащие вспомогательными композиционно-стилевыми позициями в передаче основного смысла текста.

В своем исследовании особое внимание мы уделяем проблеме сюжета, композиции и повествовательным особенностям карачаево-балкарских народных сказок. «Поскольку одна из важнейших проблем поэтики – определение границ того или иного жанра и вместе с тем исследование в нем общего с другими (жанрами. – Х.М.)... в сказках, представляющих тот или иной сюжетный тип, есть своя система персонажей со своими определенными отношениями, которые и формируют движение сказочного сюжета. В свою очередь, приемы сюжетосложения, характерные для сказок того или иного типа, являются важным средством характеристики персонажей», – размышляет известный исследователь адыгского сказочного эпоса А.И. Алиева¹³.

При рассмотрении проблемы композиции нами главным образом рассматриваются такие ее компоненты, как присказка, поскольку смысл ее слов остается загадочным, а также зачин и развязка, так как в них наиболее ярко аккумулируются сюжетно-повествовательные особенности текстов.

Сказки о животных представляют наиболее сложный и противоречивый раздел в системе жанра этой народной словесности, так как в свой содержательный материал они вбирают множество сюжетно-повествовательных элементов из других видов сказочной прозы: волшебных, героических, бытовых, мифологических и т.д. В связи с этим, в состав сказок о животных мы решили включить все произведения, которые имеют в своей сюжетной основе непосредственное отношение к данной теме.

Учеными высказан ряд интересных мыслей о сказке о животных. Так, венгерский фольклорист А. Ковач следующим образом определяет ее: «Сказка считается животной, если в ней животные, подобно людям, мыслят, говорят

и поступают, не вызывая этим поведением у людских персонажей рассказа, у рассказчика или слушателей ощущения чужда»¹⁴.

Покуда сказка представляет один из древнейших жанров фольклора, как традиционно принято в системе ролей ее персонажей, каждое из животных наделяется человеческими качествами: носит имя или прозвище, владеет речью и легко вступает в диалог со своим оппонентом или врагом, наделяется устойчивым характером. Как и в человеческом мире, одни выделяются мудростью и мастерством, другие коварны, жестоки и кровожадны, третьи – глупы, трусливы и наивны.

Среди текстов о животных наиболее известными и распространенными являются произведения о змее, лисе, пернатых (орле, голубе, павлине, чибисе), медведе, дикой козе и олене, кошке и мышах, волке. Змея наделяется качествами мудрости и способностью лечить больных во всем живом мире; Лиса необыкновенно хитра и лицемерна; пернатые в основном играют положительную роль в столкновении человека с жестокими врагами; Медведь доброжелателен, но коварен, от него можно ожидать чего угодно; олени и дикие козы часто становятся жертвами хищных зверей (волка, тигра или льва).

«В карачаево-балкарском репертуаре много змеиных сюжетов. Змей в сказке присутствует во всех ипостасях ранней мифологической стадии», – вполне объективно рассуждает Ф.А. Урусбиева, анализируя особенности жанра карачаево-балкарской народной сказки¹⁵.

Рассмотрим несколько сказок бытового характера («Къой жилин» – «Веретеница», «Жарлы бла жилин» – «Бедняк и змея», «Жилинла бла къыз» – «Змеи и девушка», «Жилин, къарылгъач, ит чибин» – «Змея, ласточка, оса», «Жилин патчах бла Къара къуш» – «Царица змей и Черный орел», «Жилин минчакъ» – «Талисман змеи», «Солтан-Герий»), как в народном мировоззрении запечатлелся образ змеи, на примере поведения и деятельности этой рептилии в народной прозе.

Кратко остановимся на содержании и повествовательных особенностях сказок, в которых доминирует мотив взаимной любви между человеком и змеей. В какой-то мере в них прослеживаются сюжеты и мотивы мировых, родственных тюркских и народов, с которыми соприкасались в духовной сфере сотни лет местные кавказские и собственно карачаево-балкарские традиции.

Мотив мировых сказочных сюжетных элементов о брачной связи человека с рептилией ярко запечатлен в карачаево-балкарских народных сказках «Къой жилин» – «Веретеница», «Жилин минчакъ» – «Талисман змеи» и «Солтан-Герий».

В первом произведении повествуется о том, что в давние времена у одной женщины была дочь по имени Ариука (в интерф. «Красавица»). Однажды она пошла с подругами купаться на речку и, как только вышла из воды на берег, вдруг выполз крупный змей-веретеница и окутал ее одежду. Когда подруги ушли, оставив ее одну, она видит змея, который на человеческом языке говорит, что он вернет ей одежду, если она согласится выйти замуж за него. После небольшой паузы она дает слово, что соглашается с его условием. Придя домой, Ариука обо всем случившемся рассказывает своей матери.

В развитии действия повествуется о том, что вскоре сотни змей окружают их дом, давая знать, что они пришли сватать Ариуку. Поняв, что они не смогут зайти в дом через двери, они взлетают в небо и, спустившись оттуда вниз, заходят в помещение через окно и умыкают Ариуку в свое подземное, водное царство.

Через несколько лет Ариука возвращается к матери с дочкой и сыном, имевшими человеческий облик, и рассказывает ей, что жизнь в подводном мире интереснее, чем на земле, и хочет вернуться с детьми обратно в свое логово. Матери удается узнать у дочери латентные ключевые слова, после произнесения которых подплывает к берегу змей и забирает семью к себе в подземный мир.

Втайне от дочери она всю ночь точит топор, а утром подходит к берегу реки и произносит кодовые слова, после чего подплывает к берегу змей. Она же метким ударом отрубает ему голову.

Ничего не подозревая, Ариука подходит к реке и видит на ее берегу отрубленную голову змея-веретеницы, своего мужа. Поняв, в чем дело, Ариука крепко обнимает свою дочь и сына и на прощание говорит им: «Теперь у вас нет отца, пусть не будет и матери. Ты, дочка, будь красивой ласточкой и летай над рекой; а ты, мальчик, превратись в соловья и вечно пой; я же превращусь в кукушку и буду вечно куковать и оплакивать своего мужа, вашего отца, от зари до зари!». Как только она произнесла эти слова, все трое превратились в пернатых и улетели в три разные стороны.

В произведении прослеживаются определенные мотивы международного сказочного сюжета о благородных змеях, наделяющихся волшебными и человеческими качествами. Веретеница может влюбиться в красивую девушку; от этого брака рождаются дети; рептилия владеет человеческой речью и может взлетать, как птица, высоко в небо и опускаться на землю и т.д.

В тексте наблюдается, пусть сказочный, но весьма интересный конфликт между человеком и рептилией, а также вытекающее из этого столкновение между матерью и дочкой. Мать никак не может смириться с подобным браком, что мы видим как в начале, так и в развитии действия произведения, который заканчивается трагедией.

Пожалуй, наиболее трогательной частью произведения является развязка, в которой волшебные мотивы играют существенную художественно-повествовательную роль, когда на жестокое убийство матерью ее мужа-змея героиня сказки Ариука отвечает превращением себя и своих детей в пернатых. Печальна сцена прощания ее с детьми перед тем, как они превратились в птиц и улетели в небо. Довольно сложно объяснить древнее художественно-эстетическое мышление народа на примере сюжетных элементов данной сказки, но оно, безусловно, заслуживает уважения.

Сказка «Жилян минчакъ» – «Талисман змеи» – одно из распространенных произведений в карачаево-балкарском народном прозаическом эпосе, в котором главным образом повествуется о брачных отношениях человека со змеей с периода его младенчества, что имеет место и в международном сюжетном каталоге на данный мотив.

Помимо упомянутого «Талисмана змеи» нам известны два текста на данную тему. Первый, под названием «Жашчыкъ бла жилян» – «Мальчик и змея», имеет интересную и весьма редко встречающуюся, своеобразную присказку, архаические корни которой не вызывают сомнения, и звучит она следующим образом:

Жомакъ болсун жолунга,
Тишсиз къатын къойнунга...
Эмгек анга къадалсын,
Жанынг бла озмасын...
Жилян минчакъ бойнунга,
Ол жарасын жанынга,
Хата жетсе санынга.
Акъ къочхар – союмгъа,
Къара теке – жолунга...

В путь тебе сказку,
Беззубую старушку в объятия...
Эмгек^{7*} пусть к ней пристанет

* Эмгек – видимо, злой дух; как архаизм употребляется в значении «дерзкий, непослушный».

И пусть обойдет тебя...
На шею твою – змеиный талисман,
Пусть он оберегает тебя,
Если беда настигнет тебя.
Белый баран – для жертвы,
Черный козел – (подарок) тебе на дорогу.

В нем повествуется о мальчике по имени Кочхар (в интерф. «Баран»), который, рано потеряв отца, пасет стада у местного бая Каплана (в интерф. «Тигр»). Когда исполнилось девять лет, ему удалось спасти от стаи волков черного быка, который принадлежал Каплану. В возрасте десяти лет он спасает от коршуна девять змеенышей, выползших из норы, когда их мать уползла доставать им пищу. В одиннадцать лет он спасает семерых маленьких орлят от смерти, когда кружил над ними ястреб. За эти благородные поступки мальчику ответили добром бай Каплан, мать змей Беккахан и орлица Жютюкёз.

Кочхару исполнилось двенадцать лет, когда было однажды он увидел на дереве змею, которая обратилась к нему на человеческом языке. Их дружба переросла в любовь и брак. Вскоре, после колдовства ее матери Беккахан, змея превращается в красивую девушку и навсегда покидает нору, где она выросла.

С этого момента начинается широкая дружба «адам эм жилин урлугъу бла» – «между потомками человека и змеи», которую удастся испортить лисе, натравив их друг на друга, так как подобные добрые отношения между ними могли быть не в ее пользу.

Среди сказаний о змее, в которых доминирует сюжетная ситуация брака младенца, человеческого дитяти с рептилией, популярной является сказка «Солтан-Герий», которая имеет ряд публикаций в фольклорных изданиях по карачаево-балкарской устной словесности. В ней рассказывается о том, как в колыбель спящего младенца Солтан-Герия вползает змея и закрепляет на его шее «жилян минчакъ» – «змеиную бусину», а на рукояти меча, принадлежащего его покойному отцу, оставляет отметину и какие-то надписи.

Спустя много лет, когда Солтан-Герию исполнилось двадцать два года, на пути ему встречается змея, которая обращается к нему на человеческом языке. Она ведет его к себе в крепость, где знакомит со своим отцом, огромным драконом, который, перегорадив речку, не пускал ее воды к людям, из-за чего они очень страдали от засухи. Увидев его, чудовище выражает свою радость и дает знать Солтан-Герию, что это он велел надеть на его шею в колыбели змеиную бусину и поставить метку на рукояти меча, так как он поклялся выдать свою дочь замуж за того, кто родится в один день с нею. Завершается сказка, как традиционно принято в развязке данного жанра, смертью дракона, что удастся совершить Солтан-Герию благодаря хитрости, сообразительности, смелости, после чего люди начали свободно пользоваться водой.

Кратко касаясь этих произведений в своей работе, Ф.А. Урусбиева пишет: «В сказке «Къой жилин» («Овечий змей») этот персонаж является горским аналогом чудовища из «Аленького цветочка» и, несомненно, принадлежащим к макрокосмическому уровню... Все функции этого персонажа собраны и реализуются вместе в сказке «Солтан Герий». Здесь и атрибутика (Бусина змея, как талисман, подброшенный в колыбель ребенка), и последующие приключения уже взрослого героя, попадающего в царство змей, и трикстеру, обольстившего змеиную царевну, а затем убившего ее отца, чтобы освободить воду источника и вернуть людям»¹⁶.

Относительно ее рассуждений есть сомнение: ведь в природе не существует «овечьего змея». Ф.А. Урусбиевой используется номинальный, по принципу концепта или интерференции, перевод: «къой жилин» – «овечья змея», а не достоверный, научный его аналог «веретеница». Весьма сомнительны, да и вряд ли соответствуют сказочной научной концепции ее мысли, что функции веретеницы

аккумулированы в образе царевны змей в сказке «Солтан-Герий», так как это разные произведения с различными сложившимися сюжетными элементами. В данном произведении имеет место ряд самостоятельных мотивов, отсутствующих в сказке о веретенице: это «змеиная бусина», доставленная в колыбель младенца Солтан-Герия; загадочная метка на рукоятке кинжала; месть змеи-невесты врагу Солтан-Герию; встреча и диалог его с огромным драконом, а также традиционная в карачаево-балкарских сказках развязка, когда герой убивает чудовище и водами реки начинают пользоваться люди.

Таким образом, при всей схожести мотивов и сюжетных элементов, в рассматриваемых произведениях наблюдается внутренняя особенность содержательно-повествовательных моделей: не во всех текстах присутствует присказка; образы человека и рептилии подаются в разных психологических аспектах: в одних доминирует жестокость человека, а в других – мудрость змей и т.д.

Своеобразны повествовательные особенности и произведений «Змея, ласточка, оса», «Царица змей и Черный орел», «Бедняк и змея».

Сказка о дружбе змеи, ласточки и осы – весьма распространенный мотив в тюркской народной сказочной прозе. У кумыков и ногайцев она называется «Змея, ласточка и комар». Мало чем отличается друг от друга их сюжетно-содержательная особенность. Сказка интересна для детей с познавательной точки зрения, так как в ней дается толкование того, почему у ласточки хвост раздвоенный, а комар или оса не могут издавать другого звука, кроме «з-з-з», и почему они прислушивались к змее.

Главным образом в сказке повествуется о том, что в давние времена крепко дружили Змея, Ласточка и Оса. Змея в основном питалась мясом, Ласточка – насекомыми, а Оса пила кровь животных.

Однажды Змея поручает Осе испробовать кровь всех животных и сообщить ей, чье мясо самое вкусное, а ласточке – сопровождать ее. Через несколько дней Оса хвастливо сообщает Ласточке, что она узнала, чье мясо самое сладкое, – это человеческое. Как только она улетела и об этом хотела дать знать Змее, Ласточка, опередив Осу, откусила ей язык, и она вместо слов могла издавать только звук «з-з-з». Почувствовав что-то в этом неладное, Змея откусила хвост ласточке, из-за чего он стал раздвоенным. Но перед тем, как улететь, Ласточка сообщила Змее, что Оса ей сказала, что самое сладкое мясо на земле, – это мясо лягушки. После этого Змея начала плотать лягушек, а Ласточка и Оса, став врагами, разлетелись в разные стороны.

Сказка «Царица змей и Черный Орел», записанная нами в 1979 г. в с. Яникой Чегемского района в исполнении знатока карачаево-балкарской устной словесности Эттеева Мусы, – одно из интереснейших произведений народной прозы. В ней четко выделяются такие сюжетные компоненты, как присказка, зачин, кульминация и развязка. В качестве композиционного приема в исследуемых текстах впервые встречается подобная присказка, хотя типологически в ней много общего с приводимыми нами формулами:

Аман иги жомакъ – жолунга,
Жарыкъ тамчы – башынга,
Терен сингсин чархынга,
Жарасын тёрт санынга.
Къочхар, Теке сакъласын,
Беккаханны Ойматха къоймасын.
Къара Къой алда барсын,
Акъ Къой да артха къалмасын.
Къара Ёгюз тынчаймасын.
Къаманы жютюсюн сынасын,
Аманны, игини айырсын.

Прекраснейшая сказка – тебе в путь,
Добрые капли (пусть капают) – тебе на голову,
Пусть залечат твои органы,
Пусть глубоко просочатся в твоё тело.
Пусть Кочхар, Теке* берегут тебя,
Пусть Беккахан не подпустят к Оймат**.
Пусть Кара Кой*** идет впереди,
Пусть не отстает и Ак Кой****.
Пусть Кара Ёгюз***** не успокоится.
Пусть испытает остроту кинжала,
Да сумеет отличить плохое от доброго.

Язык текста несколько своеобразен: в нем встречаются архаизмы, ныне почти вышедшие из употребления; антропонимы, свидетельствующие о присутствии в нем этнографических терминов, выражающих названные древнеогузские племенные объединения: Кочхар, Теке, Кара Кой, Ак Кой, Кара Ёгюз, означающие «Баран», «Козел», «Черная Овца», «Белая Овца», «Черный Бык».

Внешность змеи характеризуется цветовыми эпитетами «къара» – «черный», «талгъыр» – «бурый», «акъ» – «белый», на что в прошлом мы обращали внимание при исследовании карачаево-балкарской обрядовой поэзии: «В заговорах змеи активно применяемым эпитетом является художественно-поэтическая формула «акъ жилин» – «белая змея», в контексте употребляемая в значении «красавица змея», что выразили бы термином В.М. Гацака «топосом оценочной передачи»¹⁷.

Ныне обозначающее бинарную оппозицию сочетание «аман иги» – «плохой хороший», которое встречается в начале данного текста, в архаической модели выражает значение «очень хороший, прекраснейший». Первая часть атрибутива является усиливающей значение основного компонента конструкции словосочетания – редупликацией.

Вторая строка присказки «Добрые капли (пусть капают) – тебе на голову...», очевидно, выражает мифическое представление древности, согласно которому с неба могли капать злые и добрые капли.

Основной мотив произведения – конфликт между царицей змей и Черным Орлом из-за того, что пернатый хочет быть владыкой не только на небе и высоте, но и на земле. Этому может помешать и приостановить пернатого змея, которая дает знать своему врагу, что в силах доползти до любой высоты и унести его орлят.

Хвастовство и самонадеянность Черного Орла приводят к его поражению. Победу одерживает царица змей, которая заставляет пернатого хищника не появляться в ее владениях.

Сказки «Змеи и девушка», «Бедняк и Змея» главным образом носят бытовой характер: хотя они и несколько отличаются по содержанию, в обоих текстах благодаря мудрости и совету рептилии, с одной стороны, собственной жестокости и коварству – с другой, люди завладевают золотом и становятся зажиточными.

Для первого произведения характерен зачин, повествующий о том, где, за кого и по какому случаю князь хочет удачно выдать свою дочь замуж. В этом ему помогает своим советом ворон, который, пролетая над селом, восклицает: «Ахшы тиширыу, аман эркегырыуну кьоймаз! Аман эркегырыу иги тиширыуну тутмаз!» – «Хорошая женщина не оставит плохого мужчину (мужа)! Плохой мужчина не уживется с хорошей женщиной!».

Здесь выступает в качестве смыслонесущего приема традиционная восточная народная философия, воспевающая в письменной и устной народной художественной

* Кочхар, Теке – очевидно, названия одних из огузских племен.

** Оймат – очевидно, мифологический топоним.

*** Кара Кой – огузское племя.

**** Ак Кой – то же самое.

***** Кара Ёгюз – очевидно, одно из огузских племен.

словесности правителей-мудрецов, их ум, честь и дальновидность, что имеет место и в данном произведении.

Прислушавшись к словам ворона, монарх сознательно рискует судьбой дочери и выдает ее замуж за одного бедного, нищего человека, который попрошайничал в селе. Однажды дочери удастся подслушать диалог двух змей, прячущихся глубоко в своих норах, и узнать, что они владеют большим количеством золота. Хитростью и жестокостью она убивает рептилий и завладевает их богатством. Как традиционно принято в сказках, в развязке муж становится разумным, трудолюбивым и начинает вести правильный образ жизни.

Согласно сказочной сюжетно-повествовательной схеме, в произведении «Бедняк и Змея», как и в предыдущем тексте, основными детерминантами являются образные системы царя: его загадочный сон, мудрость змеи, жадность бедняка и золото, в котором скрывается земное богатство. Диалог между персонажами, как и в рассмотренном нами выше тексте, в данном произведении выполняет смысловую, художественно-композиционную, вспомогательную роль в раскрытии основного содержания текста.

В обоих произведениях рептилии предстают значительно гуманнее и мудрее человека, что объясняется, очевидно, древним воззрением, когда человеку было свойственно почитание рептилий.

В карачаево-балкарских сказках Лиса чаще сталкивается с Человеком, нежели с животными. Образ ее во всех случаях как бы закодирован: она должна обмануть, провести, быть победителем во всех случаях, благодаря коварству, вероломству и лжи, как установлено в мотивах о ней в устной мировой словесности. В этом вопросе, на примере дагестанских сказок высказался весьма удачно и глубоко аргументированно академик РАН, выдающийся ученый Г.Г. Гамзатов: «Явственно обнаружено два подхода к разработке сказочных сюжетов с участием лисы: одно решение, когда рядом с лисой стоит человек, другое – когда в сказке действуют одни звери. В первом случае лиса выступает в роли помощника и друга человека, ее действия согласуются с законами человеческого поведения. Во втором же – волшебство отсутствует, и в силу вступают часто звериные законы: право сильных и коварных на жестокость и неблагодарность, измену и корысть»¹⁸.

Сказки о Лисе или связанные с ней мотивы представляют популярные и излюбленные тексты фольклорной прозы, в которой богато представлены народная мудрость, художественное мышление, философия и фантазия не одного поколения наших предков, бережно относившихся и хорошо сохранивших в своей памяти предания старины. После долгого перерыва (1944–1957) они записывались начиная с 1958 г. в различных населенных пунктах, где компактно проживали карачаевцы и балкарцы после возвращения их на историческую Родину.

В карачаево-балкарском фольклоре известен цикл текстов о Лисе. Он представлен такими произведениями, как «Аман акъыллы Тюлкюню Адам къалай алдады» – «Как хитрую Лису обманул Человек», «Тюлкю бла тирменчи» – «Лиса и мельник», «Тюлкю бла Жандар» – «Лиса и Жандар», «Тирменчи бла Тюлкючюк» – «Мельник и Лисичка», «Жарлы киши бла Тюлкю» – «Бедняк и Лиса», «Тюлкюню хыйласы» – «Хитрые проделки Лисы», «Чыгырчыкъ бла Тюлкю» – «Чыгырчык и Лиса», «Айыу бла Тюлкю» – «Медведь и Лиса», «Жиян бла Тюлкю» – «Змея и Лиса», «Жут, Бут, Къурт бла Тюлкю» – «Жут, Бут, Курт и Лиса» в которых вырисовывается отточенный веками образ лисы.

«В народных сказках герои обычно выступают носителями какого-то одного качества. Дополнительная характеристика возможна лишь в том случае, если она служит более полному раскрытию этого качества», – весьма профессионально, убедительно и аргументированно высказывает свою мысль Е.И. Токарева, рассматривая некоторые устоявшиеся мотивы в русских народных сказках и сравнивая их с литературными вариантами¹⁹.

Народная сказка «Тюлкю кьуйругъу бла от салгъанлай» – «Как Лиса своим хвостом огонь зажгла», записанная нами в 1978 г. в с. Яникой Чегемского района КБР в исполнении знатока карачаево-балкарского фольклора и духовной поэзии Трамova Ахмата, в какой-то мере дополняет мотивы на данную тему. Она состоит из трех основных повествовательных модусов, в которых вырастает ее образ как полноценного персонажа этого жанра. В начале произведения Лиса предстает как наивное существо и входит в доверие Волка, Медведя и старого Льва. Затем ей удается наравить зверей на великана – эмегена, прогнать его из крепости и завладеть его богатством.

Лиса завоевывает доверие зверей и удачно управляет ими, пока сама не становится жертвой собственного коварства и обмана. Однажды она зовет своих друзей в гости и обещает их хорошо угостить. Почувствовав в этом что-то неладное, Медведь предлагает послать в разведку Ворона, который извещает Лису, что его друзья во главе со Львом собираются к нему в гости. Она тут же сжигает мост и устраивает пожар у себя в сакле и сама становится жертвой собственных проделок: сильное пламя на сеновале достает ее пушистый хвост. Когда она побежала к реке, чтобы окунуться в нее, с другого берега реки смотрели звери и громко хохотали над ней. Она, беспомощная, с обнаженным, сгоревшим хвостом ныряла в речку и выходила из нее. Таким образом, казалось бы неуязвимый персонаж народных сказок в конце произведения предстает смешным, одиноким и беспомощным существом.

Таковы основные мотивы данной сказки. Ее текст начинается с небольшой присказки, содержащей ряд магических формул, очевидно, берущей начало из языческой древности, но вполне удачно вписывающейся в содержание данного произведения, в котором представлены элементы волшебства, мудрости и богатой народной фантазии.

Жомакъ болсун жолунга,
Агъаз сийсин жауунга,
Кюрек-бийче кьолунга!
Кьутурдан сен кьутулгъун,
Алдардан кери болгъун,
Айыутосдан сакъланнгын.
Кьуйрукълугъа сакъ къара!
Къара териси – кьойнунга,
Къундуз башы – гумунга.

В путь тебе сказку,
Твоему врагу – моча ласки,
Наряженная лопата – в твои руки!
От матерого (волка) освободись,
От Вруньи будь подальше,
От Лицемерной оберегайся.
На Хвостатую осторожно взирай!
Ее черная шкурка – тебе в объятия,
Голова выдры – в твое гуму*.

Данная вступительная часть, по своему содержанию тесно связанная с языческой обрядовой поэзией, вобрала в себя ряд труднообъяснимых архаических словосочетаний и терминов идиоматического характера, давно вышедших из активной лексики карачаево-балкарского языка.

Остановимся на них кратко и постараемся дать научно-этнографическое и лексическое объяснение им на примере данного контекста. Нет сомнения, что начальная строка текста, в которой сказочник традиционно желает слушателю

* Гуму — специальное помещение, где в прошлом хранили мясо, сыр, муку и т.п.

«сказку в путь», носит магический характер опотропей, т.е. оберега его от злых сил. Согласно поверью старины, послушав сказку, человек должен был до некоторого времени быть спокойным, защищенным от отрицательных потрясений. Вторая строка текста содержит понятие, что, согласно народному поверью, моча ласки весьма ядовита, чем она могла изредка пользоваться, чтобы принести бедствие обидевшему ее человеку, обмочив его съестные припасы.

В следующей поэтической формуле под этнографическим термином «Кюрек-бийче» (в интерф. «Княгиня-Лопата») скрывается понятие «ряженная лопата». Ее могли ритуально наряжать различными украшениями с целью уберечь нивы от сглаза. В контексте же содержания формулы сказочник желает слушателю владеть этим достоянием и быть хозяином богатых полей.

Особое внимание в присказке отводится Лисе, приводится ряд эвфемизмов, выражающих табуированное терминологическое обозначение ее образа, дающих понять отношение к ней сказочника: Алдар – Врунья, Айыутос – Лицемерная, Къуйрукълу – Хвостатая. Словосочетание «къара тери» – «черная шкурка (лисы)», как отмечено выше, таит в себе древнее поверье периода язычества, согласно которому, владелец шкурки черной лисы становился богатым.

Последняя строка присказки «Къундуз башы – гумунга» – «Голова выдры – в твоё гуму», очевидно, выражает мысль, что этого зверька очень боялись грызуны и не портили продукты, хотя в основном она водилась в чистых горных речках и питалась рыбой.

Таким образом, анализ данного текста о Лисе убеждает нас в том, что присказка как композиционный прием таит в себе ряд архаичных иносказательных формул, которые используются для раскрытия характеров персонажей, интереснейших художественно-эстетических образных систем метафорического характера, нередко носящих этнографический оттенок. В качестве традиционной идиоматической формулы в живом карачаево-балкарском языке по сей день употребляется инвариантный порядок слов иносказательного характера «Тюлкю къуйругъу бла от салгъанлай» – «Как Лиса своим хвостом пожар устроила», который переносится на человека коварного, способного стравить людей друг с другом, а самому остаться в стороне.

Главный сюжетно-композиционный элемент произведения – кульминация – наступает в эпизоде, когда Лиса, пытаясь обмануть своих друзей, выглядит беспомощной и они насмеются над ней. Заканчивается оно традиционной словесной развязкой «Как мы не видели этого, да не испытать нам болезней, да будем осторожны с плохим путником...».

Своей композицией типологически близки к карачаево-балкарским сказкам о животных произведения устной словесности соседних кавказских народов. Автор ряда ценных работ по фольклору А.М. Ганиева пишет: «В дагестанских сказках этиологические концовки чаще всего вытесняются элементами нравоучительности, которые, как известно, открывают путь к басне. Сказки более позднего происхождения, так называемые классические, иносказательно выражают определенные идеи конкретными образами и, конечно, имеют поучительные концовки»²⁰.

В текстах о Лисе основную сюжетно-повествовательную группу составляют произведения карачаево-балкарской сказочной прозы, посвященные хозяйственно-бытовой деятельности людей, что объясняется, очевидно, традиционным укладом их жизни. К ним относятся такие широко известные в народе произведения, как «Тюлкю бла тирменчи» – «Лиса и мельник», «Тюлкю бла Жандар» – «Лиса и Жандар», «Тирменчи бла Тюлкючюк» – «Мельник и Лисенок», «Аман акъыллы тюлкюню Адам къалай алдады» – «Как хитрую Лису обманул Человек», «Чыгырчыкъ бла Тюлкю» – «Чыгырчык и Лиса» и «Тюлкюню хыйласы» – «Коварство Лисы», где доминируют элементы волшебных сюжетных мотивов.

Особо следует выделить среди них текст «Лиса и мельник», в котором удачно сочетаются бытовые, фантастические и философские мотивы. Язык его простой, красивый, интересный, в нем народное мастерство художественного мышления достигает высокого повествовательно-эстетического уровня.

Сказка состоит из нескольких сюжетно-композиционных элементов, среди которых следует подчеркнуть следующие повествовательные части: жил на краю села молодой мельник, который откармливал несколько овец к женитьбе. Узнав об этом, Лиса начала посещать его по вечерам и уговаривать резать по одной овце каждый день, на что мельник выражает свое недовольство; она убеждает мельника, что недалеко от этих мест живет богатый хан, у которого есть красавица-дочь, и она сделает все, чтобы женить его на дочери монарха, и начинает посещать дворец хана с целью убедить его, что нашла богатого, красивого жениха для его дочери; дальше разыгрывается сцена, где сваты со стороны жениха берут направление в сторону ханского дворца, Лиса поджигает мост, а хану докладывает, что когда они переходили через мост с подарками и живностью, кто-то поджег его, и они еле спаслись, а их будущий зять, едва живой, беспомощный, голый, находится под мостом. Услышав об этом, хан направляет на помощь ему людей с богатой одеждой и охраной. Но Лисе удается увести ханскую дочь не в бедную хижину мельника, а в богатый дворец великанов-эмегенов, заранее обманув их, будто против них двигаются хорошо вооруженные люди, их извечные враги, которые могут их истребить; поверив ей, эмегены покидают крепость, оставив там свое богатство; вскоре Лисе приходит на ум новая мысль: натравить эмегенов на мельника и прогнать его из обжитого им дворца; послушав Лису, эмегены отправляют с ней вместе на переговоры с мельником одного разумного эмегена из своего племени; увидев их издали, мельник в чем-то нехорошем заподозрил Лису и, обращаясь к своей жене, громко произнес: «Быстро вынеси топор и нож», – а обратившись к лисе, сказал: «Давай, веди его сюда. Давно мы не насыщались мясом эмегена, теперь насытимся!» – услышав это, подумав, что Лиса снова обманула его и их племя, эмеген, высоко подняв ее за хвост, ударил о землю и убил; с этого дня мельник со своей женой жил спокойно, богато и весело, а великан-эмеген, явившись к своему племени, рассказал о проделках Лисы и словах человека-эмегеноеда и о наказании им Лисы за коварство и хитрость.

Сказка завершается интереснейшей народной художественно-философской мыслью, что, услышав о человеке-эмегеноеде, великаны «...жолгъа чыкъдыла. Ма бюгюн-бюгече да, тохтамай, жолда бара турадыла. Энтта да ала бир бёлек жылны барлыкдыла. Ала ары жетмей турлукъ кибик, сиз да, биз да, шуёхларым, дуния-дан кетмей турайыкъ» – «... двинулись в путь. Днем и ночью, не останавливаясь, они и сегодня идут по дороге. Еще они будут идти несколько лет. Пока они не смогут дойти туда (до конечного пункта. – Х.М.), и вам, и нам, друзья, да не покинуть этот мир».

В этих, казалось бы, простых мыслях, где главной детерминантной образностью выделяется лексема «жол» – «путь-дорога», по которой, согласно сказочной временно-пространственной схеме двигаются великаны-эмегены, кроется традиционная загадка-отгадка сказочника, что сказка, как искусство слова, продолжает жить в народе, и что она никогда не угаснет в человеческой памяти.

По сюжетно-повествовательной модели волшебная сказка представляет особый жанр устной словесности. Как подчеркивают видные ученые-фольклористы, сложно бывает порой поставить грань между мифологической и волшебной сказкой, так как в одном случае значительно преобладают мифологические мотивы, а в других – элементы волшебства.

В частности, в качестве примеров можно взять две сказки, записанных нами в 1970-х гг. в с. Булунгу Чегемского района КБР. Как и во всех волшебных сказочных

мотивах, в них преобладает сюжетный элемент о превращении человека в животного, что говорит об архаичности их сюжетного ядра. Морально-этический аспект в них выходит на первое место, играя в произведении главную роль.

В карачаево-балкарской народной сказке «Аллах ит этген жан» – «Существо, которое Аллах превратил в собаку» – осуждается зло и насилие, как явление аморальное, мерзкое и дикое, за что провинившийся жестоко наказывается Аллахом. В этом отношении данное произведение уникально. Его текст имеет своеобразную присказку, которая традиционно начинается поэтической формулой, но не совсем характерной для данного вида жанра народной прозы:

Жомакъ Аллахдан келед,
Акьылсызгъа акьыл беред.
Къылыкъсызны тюз этед,
Жангылгъанны да эслейд.

Сказка посылається Аллахом,
Безумного наделяет разумом.
Несдержанного исправляет,
Ошибающегося примечает.

В отличие от традиционных, архаических присказок, в которых лексика и смысловая латентность строк несомненны, а порой и не поддаются объяснению, в данном случае вступительная формула несколько осовременена, что подтверждается содержательной особенностью текста, где подчеркивается воспитательная роль сказки – встречается несколько позднее заимствованный антропоним «Аллах» в значении «Бог», который был воспринят народом с приникновением ислама, по всей вероятности, в XVIII в.

В тексте трудно уловить четкие грани сюжетно-повествовательных элементов. Вслед за присказкой начинается вступление, которое поглощает зачин. Развитие действия прослеживается слабо, и оно происходит в Крыму, куда возвращаются паломники, совершив хадж по священным для мусульман местам. Кульминацией служит конфликт, имевшийся в прошлом место между сестрами и братом, который, совершив чудовищный, аморальный поступок, жестоко наказывается Богом.

Остановимся кратко на содержательно-повествовательных координатах произведения: где-то мирно живут семь односельчан; постарев, они намереваются совершить хадж – паломничество в священные для мусульман места – Мекку и Медину. Это им удастся; возвращаются они обратно через Крым, где их радушно принимает крымский хан; однажды, ближе к вечеру, чтобы переночевать, они входят во двор старой сакли, где их встречают три сестры; утром следующего дня паломники видят во дворе животное, покрытое шерстью цвета бурой змеи, похожее на собаку, которого прогоняют грубо; на вопрос паломников, что это за существо, одна из сестер объясняет, что на свет не родился человек красивее их третьей сестры, но ее изнасиловал их единственный брат; она от горя умерла, а мы молились Великому Тейри и Аллаху и просили превратить их злодея в собаку, чтобы он был презренным всеми существом; наши мольбы сбылись: он, мучаясь, постепенно был превращен в собаку и стал презираемым всеми существами; теперь он, жалкий, голодный и беззащитный бродит всюду, а иногда появляется здесь; паломники были весьма удивлены и, покидая двор, с отвращением бросали свой взор на Богом проклятое существо.

По архаичности некоторых сюжетных элементов сказка восходит к глубокой древности, когда по мнению некоторых ученых допускалась неразборчивая, свободная брачная связь в пределах одной семьи, или фратрии, но с ростом и развитием элементарных канонов морали зло и насилие стали осуждаться.

Конфликт между сестрами и братом-злодеем может разрешить только верховное божество – Великий Тейри или Великий Аллах, превратив человека

в презренное животное. Благородные паломники же, играющие в произведении положительную роль, становятся свидетелями этого явления.

В тексте наблюдается бинарность в почитании двух религий: язычества и ислама, что, очевидно объясняется позднейшей трансформацией мировоззрения людей, связанной с принятием канонов ислама.

Интересен и своеобразен сюжет сказки «Лиса, Волк и Заяц» на тему превращения людей в животных. В нем высмеиваются такие человеческие пороки, как хитрость, жестокость и трусость.

Своеобразна и присказка к произведению, которая, опять-таки носит не совсем традиционный характер. Бытует она, как принято в данном жанре фольклора, в стихотворно-поэтической форме и звучит следующим образом:

Жомакъ ахшыгъа айтылсын,
Жукълаучуну уятсын,
Бастырыкъгъанны къачырсын,
Юйюбюзден кери этсин,
Аягъына шинжи кирсин,
Кёзюне кирпи тюшсүн,
Къантулукъну къаны тамсын,
Этген тилегибиз жетсин.

Пусть добру служит сказка,
Сонливого пусть разбудит.
Пусть Бастырыкана* прогонит,
Удалит подальше от нашего дома.
Чтобы заноза зашла в его ногу,
Чтобы в глаз его попал ёж,
Чтобы у Кантулука** кровь капала,
Чтобы сбылась наша просьба.

Как видим, в сказке осуждаются такие человеческие пороки, как хитрость и коварство, жестокость и трусость. Где-то далеко в Ногайских степях люди жили весело и богато: сеяли ячмень, косили сено, держали много скота, охотились на сайгаков и на крупную птицу дударак. Но все село ненавидело трех жителей. Одному за хитрость дали прозвище Тюлкую – Лиса, другого за чрезмерное истребление всего живого (косуль, маралов, диких лошадей) прозвали Бёрю – Волк, а третьего за трусость наградили прозвищем Къоян – Заяц.

Человек по прозвищу Лиса старался обмануть всех, кого мог: и старых, и молодых, и детей, и женщин. Однажды удалось ему обмануть даже известного в округе вруна по прозвищу Алдар – Обманщик.

Тот, кого прозвали Волком, был очень жестоким и не придерживался никаких охотничьих правил: безжалостно истреблял всякую дичь и их детенышей. Однажды, ранней весной, он даже подстрелил двух оленят, трех косулят и несколько диких жеребят, которые мирно паслись в Ауарских Степях между Бузданом и Этилем.

Зайцем прозвали старика, любителя охотиться с молодости на этих животных. И шуба, и шапка, и брюки у него были из заячьей шкуры. Кроме того, он питался исключительно заячьим мясом, видимо, потому и был большим трусом. Выходил он на охоту, когда рассветало, заканчивал ее до темноты, ночью закрывался и никому не открывал двери, никому в беде не оказывал помощи. А если надо было ему куда-то пойти ночью, то его сопровождали жены. Их у него было три, одна страшнее другой, они посмеивались над ним из-за его трусости.

Однажды, осенью, жители села обратились к самому знаменитому колдуну в округе по имени Эмгек (в интерф. «Гадкий»), чтобы он превратил одного из них за

* Бастырыкан – злой дух, мучающий людей, когда они спят.

** Кантулук – злое существо, приносящее беду.

хитрость в Лису, другого за жестокость – в Волка, а третьего за трусость – в Зайца. Так оно и случилось: один превратился в Лису, другой – в Волка, а третий – в Зайца, и жили они вместе в пещере под скалой, еле добывая себе пищу. Люди над ними хохотали, а звери, чувствуя что-то неладное в их поведении и образе жизни, не подпускали к себе.

Находились и добрые люди в селе, которые носили им пищу. Со временем таких добрых в селе становилось все больше и больше. Однажды старики села посетили их и решили вернуть несчастным прежний облик и просить у знаменитого колдуна Эмгека об этом. На берегу большой, широкой реки Буздан после повторного колдовства Эмгека они приняли прежний облик. Такой благородный поступок односельчан научил Лису больше не хитрить, Волка – прекратить свою кровожадность, а Заяц стал значительно смелее и добрее, чем раньше.

Внимательное изучение произведения показывает, что в нем имеются элементы семейно-детской, мифологической и, прежде всего, волшебной сказки. Конечно же главным повествовательным элементом в ней является мотив превращения человека в животное, ибо в фольклоре ряда народов мира «... мы находим многочисленные рассказы о животных, их происхождении, их особенностях; о близости к ним человека, например, фантастические рассказы о брачных отношениях между животными и людьми, о превращении людей в животных и о животных, принявших человеческий облик. Первоначально многие сказки о животных были рассказами мифологического характера, которым придавалось магическое значение»²¹.

Как мы отметили выше, художественно-композиционный анализ сказки показывает, что в основе ее морально-этического аспекта лежит осуждение таких человеческих пороков, как хитрость, жестокость и трусость. В жанровом же отношении она принадлежит к волшебной детской сказке, в которой преобладает мотив превращения человека в животного.

Произведение несколько своеобразно в композиционном построении. Вслед за присказкой начинается его вступительная часть, которая повествует о месте и времени происходящих событий, а также знакомит с именами персонажей текста, что вполне подходит к термину *зачин*. Следует оговорить, что данная композиционная модель тесно переплетается со вступлением.

Сказка имеет четкие грани развития действия, заключающиеся в показе образа жизни и поступков ее персонажей, основную часть – кульминацию, где они превращаются из людей в животных, а также заключение, в котором преобладает акт гуманизма со стороны жителей села, когда их с помощью колдуна из животных снова превращают в людей.

Язык текста прост, доступен для детского восприятия и мышления. В нем встречаются древние тюркские гидронимы Буздан – Дон, Этиль – Волга и ряд терминов и словосочетаний архаического характера.

Сравнительный анализ рассматриваемых текстов «Существо, которого Аллах превратил в собаку» и «Лиса, Волк и Заяц», позволяет рассуждать, что в основе их повествований лежит мотив превращения человека в животное, хотя первое произведение значительно архаичнее, чем текст о странностях и недостатках маркированной триады, в котором высмеиваются человеческие недостатки.

Весьма своеобразна народная сказка «Жут, Бут, Курт и Лиса», сразу же вводящая слушателей в зачинную систему композиции, где указывается место, время и образ жизни персонажей: «Под Черной горой, в Черной пещере жили три брата-волка, которые охотились только черной ночью. Черная шерсть на них блестела, словно шкура черной выдры на солнце. Звали их Жут, Бут, Курт. Перезимовав в пещере, голодные и холодные, ранней весной они решаются напасть на стадо овец местного бая Малакёпа».

Хотя сказка и невелика по объему, в ней ярко прослеживается последовательность образных и повествовательных систем: неожиданно на пути волков

появляется Черная Лиса, которая ведет их за добычей по надежной тропе, после чего входит к ним в доверие; конфликт среди волков перерастает во вражду между ними, так, как давно мечтала об этом Лиса, сумевшая внести разлад между ними, лицемерно заявляя каждому, что его ноги быстрее, пасть крепче, обоняние чувствительнее, он смелее и т.д.

Образ Лисы в сказке отрицателен. Однажды ее изобличают в обмане и коварстве, за что она была наказана волками: три дня ее держали в пещере без пищи, после чего она стала значительно осторожнее и хитрее. Но со временем ей удастся окончательно рассорить хищников, которые далеко уходят из этих мест, а самой обосноваться в их жилище.

В тексте отмечаются мифологические и осовременившиеся мотивы, где, в одном случае, звери обращаются к небу, к верховному божеству Тейри с просьбой ниспослать им яркую ночь для удачной охоты; а в другом – встретившись с другой стаей волков, легко спариваются с волчицами и по совету Черной Лисы уходят глубоко в лес, обещая отомстить людям за зло, творимое ими в отношении их племени.

Язык текста прост, народен. В нем содержатся разного типа архаизмы, среди которых следует отметить латентного характера мифологические антропонимы «Жут», «Бут», «Курт», выполняющие роль эвфемизмов, а на языке табу выражающие понятие «волк». Данные знаковые словесные формулы-антропонимы встречаются при обозначении волка как тотема в древнетюркской мифологической культуре, откуда они, очевидно, перешли в карачаево-балкарский охотничий и сказочный фольклор.

Эпитет «къара» – «черный», – употребляясь с различными опорными словами, создает в контексте совокупность реальных художественных координат, выражающихся определительными формулами «къара тау» – «черная гора», «къара дорбун» – «черная пещера», «къара кече» – «черная ночь», «къара тери» – «черная шкура», «къара къундуз» – «черная выдра», «къара бёрю» – «черный волк», «къара тюлюк» – «черная лиса», «къара тюк» – «черная трава», которые в основном носят иносказательный, метафорический характер.

Таким образом, краткий анализ мотивов сказок о Змее и Лисе показал, что в представлении древних язычников образы этих животных могли быть тесно связаны с судьбой и жизнью людей. В их повествовании наблюдается три этапа: мифологический, когда человек был близок к животному миру; культ тотема и поклонение ему и последний, когда еще до появления мировых религий в мировоззрении людей начинается возвышение себя над животным и окружающим миром.

Мы рассмотрели часть текстов о животных, выписанных из архивного фонда КБИГИ сотрудником сектора карачаево-балкарского фольклора Л.С. Гергоковой²², а также свои личные материалы.

Примечания

1. *Караева А.И.* О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. Черкесск, 1961; *Она же.* Очерк истории карачаевской литературы. М., 1961.
2. *Холаев А.З.* Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 1981. С. 13–31.
3. *Урусбиева Ф.А.* Карачаево-балкарский фольклор. Черкесск, 1979.
4. *Малкондуев Х.Х.* Фольклор и фольклористика // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 2010. С. 10–13.
5. *Караева А.И.* Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966. С. 18.
6. *Померанцева Э.В.* Русская народная сказка. М.: Наука, 1963. С. 61.
7. *Померанцева Э.В.* Указ. соч. С. 25.
8. Балкарские и карачаевские сказки / Сост. А. Алиева и А. Холаев. М., 1971. С. 158–163.

9. Аникин В.П. Русская народная сказка. М., 1977. С. 41.
10. Балкарские и карачаевские сказки... С. 106–111.
11. Аникин В.П. Указ. соч. С. 49.
12. Балкарские и карачаевские сказки... С. 89.
13. Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М., 1986. С. 9.
14. Ганиева А.М. Сказки о животных // Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991. С. 359.
15. Урусбиева Ф.А. Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии. Владикавказ, 2010. С. 32.
16. Там же. С. 33.
17. Малкондурев Х.Х. Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. Жанровые и художественно-поэтические традиции. Нальчик, 1996. С. 257.
18. Гамзатов Г.Г. Фольклор: мера историзма. Махачкала, 2010. С. 81.
19. Токарева Е.И. Народные варианты «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина // Вопросы жанров русского фольклора. М., 1972. С. 115.
20. Ганиева А.М. Указ. соч. С. 361.
21. Русское народное поэтическое творчество: Пособие для вузов / Под ред. П.Г. Богатырева. М., 1954. С. 242.
22. Архив КБИГИ. Балкарский фольклорный фонд. П. 10, пп. 1–6, 9–11, 13–17, 19. Выписка из фонда Гергоковой Л.С.

Н.Н. Malkonduev

**KARACHAY-BALKAR FOLK TALE. MOTIVES
ABOUT FOX AND SNAKE. COMPOSITION**

This article is the first scientific study dedicated to the genre structure of Karachay-Balkar folk tales. It focuses on the works about the animals, highlights the motives of the Snake and the Fox, carries out a comparative analysis with the texts of fabulous prose of Caucasian and Turkic peoples of the Russian Federation.

Highlighting the refrain as a composite system, the study provides a number of examples to prove the high artistic and aesthetic level of verbal prose Karachay-Balkar people.

Keywords: Snake, Fox, Wolf, river, chain, ritual, genre, monologue, introduction, saying, epithet, composition, narrative.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецов Владимир Александрович, д.и.н., ведущий научный сотрудник сектора археологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-42-74

E-mail: kbigi@mail.ru

Яновский Вячеслав Сергеевич, к.и.н., ст. преподаватель филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки.

357600, г. Ессентуки, ул. Долина Роз, 7

Тел. +7-879-342-81-81

E-mail: vyacheslavyanovsky@yandex.ru

Бгажноков Барасби Хачимович, д.и.н., зав. отделом археологии и этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-19-26

E-mail: kbigi@mail.ru

Паштова Мадина Михайловна, к.ф.н., ведущий научный сотрудник отдела этнологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева.

385000, г. Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13

Тел. +7-928-467-63-06

E-mail: gupsa@mail.ru

Дзамихов Касболат Фицевич, д.и.н., профессор, и.о. директора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-09-48

E-mail: kbigi@mail.ru

Остахов Анзор Александрович, к.и.н., доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» (СКФУ) в г. Пятигорске.

357500, г. Пятигорск, проспект 40 лет Октября, 56

Тел. 8 (8793) 97-39-27

E-mail: zoroastra_anzor@rambler.ru

Аппаева Жаухар Мустафаевна, искусствовед, председатель Кабардино-Балкарского отделения Всероссийской общественной организации «Ассоциация искусствоведов».

360003, г. Нальчик, ул. Тарчокова, 56, кв. 172

Тел: +7-960-431-01-53

E-mail: appaewa2565@mail.ru

Дзамихов Тимур Касболатович, магистрант второго года обучения ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова». 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
Тел.: +7-988-929-33-33
E-mail: dzamikhoff@gmail.com

Хежева Марьяна Рашадовна, аспирант сектора кабардино-черкесского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований». 360000, г. Нальчик, Пушкина, 18
Тел. +7-962-649-09-59
E-mail: kbigi@mail.ru

Мурзаканова Фатима Хусеновна, аспирант сектора кабардино-черкесского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований». 360000, КБР, г. Нальчик, Пушкина, 18
Тел. +7-909-490-11-51
E-mail: fmurzakanova.89@mail.ru

Хавжокова Людмила Борисовна, к.ф.н., научный сотрудник сектора кабардинской литературы ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований». 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-21-93
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Малкондуев Хамид Хашимович, д.ф.н., зав. сектором карачаево-балкарского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований». 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-52-74
E-mail: kbigi@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Kuznetsov Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, leading research worker of archeology of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Yanovsky Vyacheslav Sergeyevich, Candidate of Historical Sciences, art. teacher, the branch of Stavropol State Pedagogical Institute in Essentuki.

7 Dolina Roz Street
Essentouky 357600
Ph. +7-879-342-81-81
E-mail: vyacheslavyanovsky@yandex.ru

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of Historical Sciences, head of archeology and ethnology department of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-19-26
E-mail: kbigi@mail.ru

Pashtova Madina Mihailovna, Candidate of Philology Sciences, Senior Research Fellow Department of Ethnology Adyghe Republican Institute of Humanitarian Studies. T.M. Kerashev.

13 Krasnooktyabrskaya Street
Maikop 385000
Ph. +7-928-467-63-06
E-mail: gupsa@mail.ru

Dzamiyov Kasbolat Fitsevich, Doctor of Historical Sciences, professor, acting head of the director of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-09-48
E-mail: kbigi@mail.ru

Ostahov Anzor Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Sociology, general and legal psychology FGAOU VPO «North Caucasian Federal University» (SKFU) in Pyatigorsk.

56 40 years of October Avenue
Pyatigorsk 357500
Ph. 8 (8793) 97-39-27
E-mail: zoroastra_anzor@rambler.ru

Appaeva Zhauhar Mustafaevna, art critic of the President of the Kabardino-Balkarian branch of the all-Russian public organization «Association of art historians». 56 Tarchokov Street, 172 app.
Nalchik 360003
Ph. +7-960-431-01-53
E-mail: appaewa2565@mail.ru

Dzamihev Timur Kasbolatovich, a second year student of Magistracy of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.
173 Chernyshevsky Street
Nalchik 360004
Ph. +7-988-929-33-33
E-mail: dzamikhoff@gmail.com

Hezheva Mariana Rashadovna, postgraduate of Kabardian-Circassian language sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.
18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-962-649-09-59
E-mail: kbigi@mail.ru

Murzakanova Fatima Husenovna, postgraduate of Kabardian-Circassian language sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.
18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-909-490-11-51
E-mail: fmurzakanova.89@mail.ru

Havzhokova Lyudmila Borisovna, Candidate of Philology Sciences, research fellow at Kabardian Literature Department of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.
18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph.: 8 (8662) 42-21-93
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Malkonduev Hamid Hashimovich, Doctor of Philological Sciences, head of Karachay-Balkar folklore sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.
18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-52-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:

- история;
- филология;
- проблемы развития современного общества;
- культурология.

2. Объем материалов. Рекомендуемый объем для статьи – до 15 с. (с учетом требований п.п. 4 и 5), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.

3. Статьи должны иметь:

- 3.1. Направление организации, в которой работает автор;
- 3.2. Акт экспертизы;
- 3.3. Справку из отдела аспирантуры (для аспирантов и соискателей);
- 3.4. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации);
- 3.5. Фамилию и инициалы автора на русском языке;
- 3.6. Название статьи на русском языке;
- 3.7. Аннотации (не более 7–10 строк) и ключевые слова на русском языке;
- 3.8. Сведения об авторе на русском языке (место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон, почтовый и электронный адреса);
- 3.9. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 3.5.–3.8.) на английском языке, в том числе Ф.И.О. автора (авторов) полностью;
- 3.10. Первая страница статьи подписывается автором.

4. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Текст работы должен быть набран в формате бумаги А4 шрифтом Times New Roman 14 через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после списка примечаний. Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).

5. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:

- 1) Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.
- 2) Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Подписано в печать 03.11.2014
Усл. печ. л. 10,5

Формат 70х108 $\frac{1}{16}$
Тираж 100 экз.
Цена свободная

Гарнитура Таймс
Заказ № 125

Учредитель: ФГБУН Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Адрес издателя: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. издательским отделом *А.В. Гергокова*
Корректор *Л.О. Тамазова*